

57-4
1372

Нелли Шульман
Вельяминовы
Время Бури

Нелли Шульман

**Вельяминовы. Время бури.
Книга вторая. Часть седьмая**

«Издательские решения»

Шульман Н.

Вельяминовы. Время бури. Книга вторая. Часть седьмая /
Н. Шульман — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901312-5

Дерзкий побег через советско-иранскую границу, конференция союзников в Тегеране, высадка в Нормандии и взрыв в ставке Гитлера.

ISBN 978-5-44-901312-5

© Шульман Н.
© Издательские решения

Содержание

Часть восемнадцатая	6
Ашхабад	6
Фирюза	14
Аэродром Яшлык	21
Тегеран	28
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Вельяминовы. Время бури Книга вторая. Часть седьмая

Нелли Шульман

Художник Анастасия Данилова

© Нелли Шульман, 2017

ISBN 978-5-4490-1312-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть восемнадцатая

Средняя Азия, ноябрь 1943

Ашхабад

В предрассветной тьме, у служебных ворот Русского Рынка, в тусклом свете фонарей, рычали грузовики. Несмотря на ранний час, во дворе было шумно. Завтра, в годовщину великой революции, рынок не работал, но сегодня ожидалась большая торговля. Горожане и эвакуированные, пусть и по комм-ерческим ценам, но купили бы и мясо, и рис, и поздние, сладкие янтарные дыни.

Из глиняных очагов, устроенных у рыночной чайханы, тянуло свежесвепеченными лепешками. На старомодной, чугунной плите, кипел медный казан с маслом. Заведующий чайханой жарил туркменские пышки, пишме. Выпечку посыпали сахаром, и приносили к чаю. На низких столах поблескивали алюминиевые чайники, в пиалы насыпали орехи и урюк.

Здесь делали хороший плов, но его подавали к обеду. Дехкане, привозившие рис, баранину, и фрукты, обходились горячим чуреком с катыком. Днем в чайхане готовили шурпу, варили манты, и продавали румяную самсу, пирожки с мясом и луком. Заведение считалось коммерческим, карточки не принимало, но цены, в отличие от других столовых Ашхабадского торго, были невысокими.

Чайхана занимала пристройку, в углу двора, рядом с белеными колоннами возведенного до революции здания рынка. На деревянной террасе хозяин разложил потрепанные ковры. Мерцали огоньки папирос. Прохладный, ночной ветер шелестел плакатом, на фанерном щите: «Живи в веках, страна социализма!». Советский воин, с решительным подбородком, осененный красным знаменем, крепко держал винтовку.

К празднику рынок украсили кумачовыми лозунгами. Над входом повесили портреты Ленина и Сталина, с транспарантом: «Труженики тыла, в честь годовщины Великого Октября, повысьте темпы производства! Все для фронта, все для победы!». Ашхабад было не сравнить с наполненным под завязку эвакуированными людьми Ташкентом, но и в сонном, до войны, городке, работали заводы и фабрики.

Столица Туркмении считалась приграничной зоной. Иран лежал в тридцати километрах к югу. Улицы усеивали предупреждения о бдительности. Красная Армия два года назад вошла в Иран. В стране находился советский гарнизон и войска союзников, однако не мешало быть настороже. Через Ашхабад шла стратегическая, железнодорожная ветка, на побережье Каспийского моря. По дороге на фронты гнали продукцию ташкентских военных заводов.

Милиционеров в городе было много, но на базаре патрули появлялись только с открытием торговли, в девять утра. Они проверяли документы, ловили карманников, и следили, чтобы инвалиды не докучали гражданам, делающим покупки. В рыночной толпе было невозможно за всем усмотреть. Мальчишки, из эвакуированных детских домов, шарили по карманам. На галерее, где продавали вещи с рук, кто-то растягивал меха аккордеона. Над рынком несся хриплый голос:

– Синенький скромный платочек, падал с опущенных плеч..., – в чайхане, официально, водкой не торговали, но у хозяина всегда можно было получить алюминиевый чайник, со стаканами. Надежные люди знали, что в заведении снабжают и адресами квартир, куда пускали переночевать, не задавая вопросов. Детдомовцы не только шарили по карманам.

Хозяин чайханы обеспечивал нужных гостей девочками, забирая свой процент. За Русским Рынком, в путанице глинобитных дувалов, и старинных, прошлого века, саманных домиков, у хозяина имелось несколько безопасных пристанищ.

Грузчик, таскавший мешки с рисом, с колхозного грузовика, пришел на базар именно оттуда. Он проснулся незадолго до четырех утра. Умывшись у дворового колодца, постукивая зубами от осеннего холода, он быстро выпил пиалу остывшего, вчерашнего чая. Грузчик выскользнул в кромешную тьму неприметной, узкой улицы. Все мечети в городе давно закрыли, но в здешнем квартале остались подпольные молельные дома. К пяти утра на улице появлялись старики, ковыляющие на утренний намаз.

Хозяин, вернее, заведующий чайханой, товарищ Ахметов, член партии, тоже молился, только у себя в кабинете. После намаза он вышел на террасу, с пиалой чая. Заведующий грыз орешки, насыпанные в карман пиджака, прикрытого холщовым, испачканным фартуком. Покуривая папиросу, он следил за высоким, мощным инвалидом, в потрепанном халате, и разбитых сапогах. Товарищ Ахметов, в общем, привык к его лицу. Он иногда думал, что инвалид может больше заработать среди нищих:

– У него кистей нет, одни культы. Если он протезы снимет, будет очень жалостно. Тем более, он почти, немой..., – заведующий не знал, как зовут инвалида. Ни туркменом, ни узбеком он, ни был. Единственный, оставшийся глаз, мутный, голубой, видел хорошо. Инвалид отменно слышал. Товарищ Ахметов подозревал, что и говорит грузчик бойко. Он пожимал плечами:

– Мне какая разница. Скорее всего, вор, без документов, от милиции прячется. Вряд ли он немецкий шпион..., – никто бы не стал забрасывать в тыл врага разведчика, вслед которому оборачивались на улице. Как бы ни хотел товарищ Ахметов посадить инвалида на галерею, с другими калеками, но такое было опасно. Человек без документов сразу бы привлек внимание милиции. Ахметов видел, что люди отводят глаза от инвалида:

– Интересно, как его жена справляется? – хмыкнул заведующий:

– Хотя она сама почти лица не показывает. Однако она не правоверная..., – девушка носила старый, вытертый узбекский наряд, надвигала платок на лицо, но товарищ Ахметов заметил ее серо-голубые глаза. Жена инвалида кого-то ему напоминала:

– Не актриса, нет. Где я ее встречал..., – он отмахивался: «Почудилось».

Имени девушки он тоже не знал. Она приходила после завтрака и до вечера скребла и отмывала посуду.

Сегодня чайхана работала только до обеда. Заведующего, на неделе, вызвали в торг. Товарищ Ахметов считался лучшим мастером плова в городе. Днем за ним приходила машина. Заведующего везли в дом отдыха центрального комитета партии, в горах Копетдаг. В особняке, окруженном парком, где разгуливали павлины, готовился торжественный обед, по случаю праздника. Начальник торга указал пальцем в потолок:

– Московские гости приезжают, надо не ударить лицом в грязь. Фазаны, каспийский осетр, икра, твой плов знаменитый..., – заведующий чайханой лично выбирал мясо для будущего торжества.

– Можно им сегодня ужин не давать, – решил заведующий, – они половину дня отдыхать будут. Наверняка, у них какие-то объедки есть. Не проголодаются..., – товарищ Ахметов денег паре не платил. Работали они за еду и крышу над головой. Заведующий поселил их в одном из домов, оформленных на одного из тестей, как смешливо говорил хозяин. У него имелось три жены, но только первую, официальную, отметили в паспорте. Двум старшим сыновьям он устроил броню от армии, двое младших учились в школе.

Судя по сводкам с фронтов, причин волноваться за мальчиков не было. Красная Армия уверенно шла вперед. К годовщине великой революции, все ожидали взятия Киева. Совет-

ские войска выбили немцев из Смоленска и освободили Донбасс. Эвакуированные стремились домой, в родные края, но до конца войны такое вряд ли было возможно:

– Пока здесь рабочие руки требуются, – товарищ Ахметов рассматривал афиши новых фильмов, на галерее, – а потом придется их родные края восстанавливать. Фашисты камня на камне от народного хозяйства не оставили..., – грузчик тоже, краем глаза, глядел на афиши.

Они с Лизой впервые сходили в кино в Ашхабаде. Прибавшись весной к кочевым казахам, они провели лето, двигаясь на юг, в пустыне у Аральского моря. Никто не спрашивал их имен и документов. Сэр Стивен Кроу вырос в Банбери, рядом с арабскими скакунами покойного дяди Джона. Он отлично управлялся с лошадьми:

– Отец тоже кочевал, в Западном Китае, – вспомнил Ворон, – когда Гималаи исследовал. Господи, я совсем ничего не знаю. Что с семьей? Где Джон, где Питер, что с американскими кузенами? Лаура, Мишель и Теодор в подполье. Их могли арестовать, расстрелять..., – арестовать и расстрелять могли и Стивена, и Лизу.

Полковник Кроу, вернее, герой Советского Союза Воронов, был братом изменника родины, перебежавшего на сторону фашистов. Они с Лизой понятия не имели, что случилось с женой Петра Воронова и его сыном. Лиза, грустно, сказала:

– Я их не встречала никогда, милый. Даже фото они не присылали. Антонина Ивановна, наверное, тоже в НКВД работала. Ее расстреляли, а мальчика в детдом отправили..., – искать пятилетнего ребенка, в огромном Советском Союзе, было невозможно.

– Он Уильяма ровесник..., – мимолетно подумал Стивен, – впрочем, Уильям тоже пропал, с Тони. Хотя, может быть, они объявились..., – британских газет в пустыне не водилось.

В конце лета Стивен с Лизой оказались в Ашхабаде. В тридцати километрах от границы надо было быть особенно осторожными. Они почти не выходили из старого квартала, где их поселил заведующий рыночной чайханой, прожженный, по мнению Стивена, мошенник. Однако работа у них имелась, а Лиза еще и брала на дом шитье. Они откладывали кое-какие деньги. В кинотеатр ходить было опасно, но Стивен решил побаловать жену:

– Она со Свердловска нигде не была, бедная. Ей двадцать один год, она девчонка совсем..., – кино показывали на открытом воздухе, на старом экране. Они легко затерялись в толпе, осаждавшей деревянные, плохо сколоченные скамейки. Трещал киноаппарат, в белом луче лампы вились мотыльки, на небе высыпали крупные звезды. Вечера в начале осени были еще жаркими. Пахло дешевым табаком и женскими духами. Вокруг них шелкали семечками, жевали урюк. Лиза привалилась к его боку, доверчиво положив укрытую платком голову ему на плечо. Она продолжала спать на полу, отдельно. Стивен, ночами, ворочался:

– Не надо, не торопи ее. У нее никогда, ничего не случалось. Она должна сама захотеть..., – она только иногда, нежно, целовала его обожженную щеку. Они посмотрели «Воздушного извозчика», и «Два бойца». Стивену понравились фильмы:

– Видишь, – сказал себе Ворон, – человек перешел из транспортной авиации в истребительную часть, несмотря на возраст. Маресьев вообще без ног летает..., – о подвиге героя Советского Союза Маресьева Стивен прочел в Ашхабаде, в вывешенной на щите «Красной Звезде». Он был уверен, что вернется за штурвал машины:

– Хорошо, пусть вторым пилотом, в транспортной авиации, на бомбардировщике. Началась европейская операция, а я здесь сижу..., – союзники в Италии добрались до реки Гарильяно, и находились на пути в Рим. Стивену еще предстояло придумать, как им перейти советскую границу. До Тегерана, где находилось британское посольство, лежала тысяча километров пути:

– Денег у нас нет, языка мы не знаем. Но такое не страшно. Главное, оказаться на той стороне..., – он, все еще, боялся, что Лиза не захочет с ним ехать:

– Я даже ей не муж... – вздыхал Стивен, – то есть так и не стал мужем. Она молодая девушка, красивая, а я калека... – берясь за очередной мешок с рисом, он услышал музыку, из репродуктора.

Почти рассвело, в ворота рынка потянулись продавцы. В огромном, главном зале, бурлила толпа. Мясники надевали фартуки, к чайхане подбежала стайка мальчишек, торговавших с лотков пирожками. Стивен заметил военную машину, виллис, въехавшую во двор. Он помнил такие автомобили по Мурманску. Техника приходила с поставками по ленд-лизу. За рулем сидел лейтенант, с голубым, авиационным кантом погон. Виллис остановился, старший по званию офицер хлопнул дверью:

– Должно быть, за мясом и фруктами явились, – понял Стивен, – праздник завтра... – авиаторы, по-хозяйски, прошли через чайхану в кабинет товарища Ахмедова:

– Он завтрак подаст, непременно, – обрадовался Стивен, – надо послушать, о чем они говорят. Большая удача, если здесь есть аэродром... – репродуктор гремел:

Горит в сердцах у нас любовь к земле родимой,
Идем мы в смертный бой за честь родной страны.
Пылают города, охваченные дымом,
Гремит в седых лесах суровый бог войны.
Артиллеристы, Сталин дал приказ!
Артиллеристы, зовет Отчизна нас!
Из сотен тысяч батарей
За слезы наших матерей,
За нашу Родину – огонь! Огонь!

Музыка стихла. Люди, на веранде чайханы, казалось, замерли. Тикали часы, над двором прозвучали позывные Москвы:

– В столице нашей родины семь часов утра... – в Ашхабаде, только что, пробило девять. Знакомый, глубокий голос, продолжил:

– Сегодня, шестого ноября, Войска Первого Украинского фронта, в результате стремительно проведенной наступательной операции и обходного манёвра, разгромили противостоящие немецкие войска и на рассвете штурмом овладели столицей Советской Украины, городом Киев... – двор, казалось, взорвался.

– Ура, товарищи! – неслось со всех сторон:

– Ура нашей доблестной Красной Армии, нашим летчикам... – авиаторов обступили, пожимая военным руки, хлопая по плечам. Над крышей рынка поднималось солнце, легкий ветер развевал красные флаги. Стивен, облегченно, подумал:

– Молодцы. Они в следующем году могут на границу выйти. Мы освободим Италию, высадим десант, во Франции. Мне надо вернуться домой. Война еще идет, и Густы должна расти с отцом... – аплодисменты стихли. Товарищ Ахметов усадил летчиков за низкий стол, на террасе:

– Без чая и пирожков я вас не отпущу, товарищи... – устроившись на корточках, у деревянных перил, Стивен зажег дешевую папироску. Ворон стал внимательно слушать разговор гостей.

В маленьком дворике, над колодцем, возвышалось крепкое, с узловатым стволом, абрикосовое дерево. Темно-зеленые листья трепетали в сонном, легком ветерке. В свете заката саманный кирпич домика отливал золотом. По утоптанной земле прыгали воробьи.

Заборы здесь строили выше человеческого роста. Во дворе Лиза чувствовала себя в безопасности. В Ашхабаде еще попадались женщины в платках, в просторных, старого покроя платьях. Надвигая ткань на лицо, Лиза, облегченно, выдыхала:

– В Средней Азии не принято женщин разглядывать..., – в степи, с казахами, ей было проще, чем на городских улицах. Кочевники считались частью колхоза, но милиционеры в юрты не заглядывали. Казахи избегали городов, двигаясь по степи. За лето Лиза отвыкла оборачиваться на прохожих, незаметно следить за взглядами, встреченных на улице людей, обходить стороной военные патрули и милиционеров:

– И опять пришлось привыкать..., – она помешала варево, в старом казанке, – еще хорошо, что на судомойку никто внимания не обращает..., – в чайхане Лиза ходила только к колодцу, почти не покидая маленькой, служебной комнаты, где она скребла котлы. Она боялась услышать голос милиционера: «Гражданка, предъявите документы», боялась, что ее с мужем отвезут в пригород Ашхабада, где помещалась дореволюционной постройки тюрьма:

– Если меня арестуют, он должен бежать..., – ночью, Лиза прислушивалась к спокойному дыханию мужа, – но ведь он никогда такого не сделает..., – Стивен объяснил ей, что джентльмен себя так не ведет:

– Нельзя оставлять в беде тех, кто нуждается в твоей помощи, – спокойно сказал он, – женщин, детей, стариков. Вообще никого, на самом деле. Нельзя лгать..., – он, довольно смешливо развел руками, – но я, Лиза, утешаю себя тем, что мне бы, все равно, никто не поверил..., – ей казалось, что Стивен остался с ней только из чувства благодарности:

– Он любил свою покойную жену..., – попробовав кашу из местной фасоли, маша, Лиза бросила пару крупинок птицам, – он часто о ней говорит..., – муж говорил и о дочке, которую он оставил в Лондоне малышкой:

– Густи, два с половиной годика исполнилось, – вздохнул Стивен, – девочка думает, что она сирота, милая. Я не могу позволить, чтобы она росла без отца..., – Лиза думала, что муж ее не любит.

– Он считает себя мне обязанным. Я о нем заботилась, все время..., – Лиза даже всхлипнула:

– Он никогда, ничего не делает..., – Лиза не очень понимала, что должно случиться:

– Если бы я могла у кого-то спросить, в книге прочитать..., – ни в поликлинику, не в библиотеку ей, без документов, хода не было. Лиза понимала, что их приметы НКВД разослал по всем среднеазиатским управлениям. НКВД из комиссариата внутренних дел стал комиссариатом государственной безопасности, но дела это не меняло. Она предполагала, что, обыскивая свердловскую квартиру, работники комиссариата, нашли и Евангелие, и тетрадку ее матери.

– Они знают, что я дочь Горского..., – Лиза пристроила крышку на котелок, – мой отец враг народа, шпион Германии и Японии. Он виноват в неудачах на фронтах. Его группа, перед войной, развалила Красную Армию. Моя сестра расстреляна, моя племянница тоже..., – она не могла подумать о Марте, как о племяннице, но такое значения не имело.

Марта, как и ее мать, лежала в безымянной могиле:

– Я замужем за братом предателя, изменника родины..., – при аресте комиссариат не стал бы церемониться со Стивеном. Никто, разумеется, не собирался слушать историю с обменом документами, а, тем более, верить родственнику фашистского пособника.

Лиза не знала, как они перейдут границу.

Пока требовалось прятаться от милиционеров, отмывать котлы и противни от бараньего жира, и ночью, при свече, склоняться над шитьем. Чемодана у них не водилось, только старый, казахский, покрытый распутившейся вышивкой мешок. Лиза сделала тайник в подкладке, куда они откладывали немногие деньги.

Товарищ Ахметов не баловал работников. Лиза со Стивеном, в их положении, не могли воровать. Узнай о таком заведующий чайханой, на пороге немедленно появился бы наряд милиционеров. Заведение закрылось после обеда. Лиза рассчитывала на обычные бараньи кости и остатки теста, из которых она лепила манты, но сегодня они ничего не получили. Начальник повел рукой:

– Вы отдыхаете..., – Стивен пошел на базар, где еще работали продавцы. Иногда, ему и там удавалось потаскать мешки. С мужем рассчитывались деньгами, или провизией. Дома Лиза вынула мешочек, маша, отложенный на черный день. Стивен возвращался домой голодным, надо было его покормить. Они спали в одной, маленькой конурке, и мылись в деревянной пристройке. Комнаты по соседству товарищ Ахметов сдавал за деньги. Люди исчезали и появлялись. Никто не интересовался бессловесным калекой, и высокой, худой девушкой, с замотанным платком головой.

Сейчас Лиза сидела без платка. Неожиданный выходной обернулся и приятными вещами. Она согрела воды в котле, и, как следует, помылась. Вытянув ноги, Лиза завернула подол платья. Пахло вареной фасолью, она облизнулась:

– Нет, нет, обед для Стивена. Сделаешь себе чаю, лепешки еще остались..., – чай они получали спитый, но Лиза два или три раза заливала его кипятком. Лепешки были вчерашние, почти свежие. Она вспомнила мороженое, на улице Горького:

– Я пломбир с Мартой в первый раз ела, в тридцать шестом году. Я даже обертку сохранила. Я тогда с товарищем Вороновым познакомилась..., – полковник Воронов погиб, а Стивен, как боялась Лиза, оказавшись за границей, вежливо сказал бы, что дальше им не по пути.

– Я ему не жена..., – репродуктор на углу улицы захрипел, – он дворянин, аристократ, а я еле-еле по-немецки говорю. Английского языка я не знаю. Его покойная жена университет закончила, а я только летное училище..., – Лиза не представляла себе, что она будет делать в Британии:

– Летать, наверное..., – неуверенно подумала она, – мы союзники. Меня, наверное, пустят за штурвал..., – ясным было одно. В СССР им обратной дороги не оставалось.

Сунув ложку в котелок, она застыдила себя:

– Ты только полдня работала, не объедай Стивена..., – над кварталом разносился уверенный голос диктора. Лиза прислушалась. Вечерняя сводка тоже оказалась отличной. Повторили новости об освобождении Киева, в Керчи высадили десант. Партизаны пустили под откос военный эшелон немцев, летчики сбили два десятка машин противника. Лиза почувствовала тоску:

– Я два года за штурвал не садилась. Подняться бы в небо. Стивен полетит, обязательно. Он героический человек, стойкий, как его предки..., – муж рассказал Лизе о семье. В темнеющем небе кружился большой, черный ворон. Мягко хлопая крыльями, птица устроилась на дереве. Воробьи, испуганно, шмыгнули прочь. Лиза даже рассмеялась.

Когда товарищ Ахметов привел их в домик, он махнул рукой:

– Абрикосы можете собирать, бесплатно. Здесь такого добра много..., – в прошлом месяце Лиза каждый день позволяла себе спелый, сладкий абрикос. Она откладывала фрукты для мужа, и ухитрилась засушить пару мешочков. Провизия могла пригодиться в Иране:

– Надо как-то пройти тысячу километров до Тегерана. Но, может быть, там есть поезда. Пробежемся зайцами в вагон..., – подвинув фасоль, Лиза принесла чайник. Рынок закрывался в семь, Стивен скоро должен был вернуться. Утром, в суете чайханы, они не успели перекинуться даже парой слов.

– Третьего ноября севернее Киева добровольно сдался в плен командир роты немецкой пехотной дивизии лейтенант Карл П..., – сводка продолжалась:

– Пленный заявил:

– Мы не ожидали такого стремительного наступления русских. Настроение не только солдат, но и большинства офицеров, с которыми мне приходилось встречаться, чрезвычайно подавленное. Мы все видим, как приближается развязка..., – Лиза пожелала: «Скорей бы».

Калитка скрипнула, она, не думая, потянула к себе платок. Стивен остановился. В сумерках переливался огонь в очаге. Черные, вороньи волосы, падали ей на плечи. Немного покраснев, Лиза опустила подол платья. Он успел увидеть стройные, белые колени. Сверху, с дерева, закаркал ворон, полковник усмехнулся:

– Папа говорил, что ворон, к счастью прилетает. Правильно я сделал, что летчиков послушал..., – Лиза сразу захлопотала с едой, Стивен улыбнулся:

– Я тебе принес кое-что..., – пломбир продавали по коммерческим ценам, однако Ворон решил:

– Черт с ним. Все равно, рубли нам скоро не понадобятся..., – боясь, что мороженое растает, он почти бежал домой.

Серо-голубые глаза блеснули радостью, она спохватилась:

– Но я не могу все съесть. Я должна тебе оставить..., – он, мягко, коснулся протезом длинных, таких знакомых пальцев: «Ешь и слушай меня». Стивен давно обещал себе, приехав в Лондон, поселиться с Лизой в Мэйфере:

– Сниму номер в «Лэнгхеме», или «Кларидже», отвезу ее в магазины, поужинаем в лучших ресторанах..., – полковник ожидал, что Лиза не захочет стать его женой:

– Я ей не муж. Она со мной из чувства долга живет. То есть даже не живет. Она встретит какого-молодого офицера, красивого, богатого. Джона, например, – кисло подумал Ворон о кузене:

– Он, в конце концов, герцог, а Питер пятый по богатству человек в стране. И лица у них, наверное, не напоминают картины Пикассо..., – Пикассо Стивен видел в Испании. Он даже не знал, живы ли кузены:

– Может быть, они женились оба. Но Лиза от меня, все равно, уйдет. Доживу жизнь вдовцом, с Густы. Кому я такой нужен..., – на алых губах таяло мороженое, она блаженно жмурила глаза.

Летчики оказались разговорчивыми. Часть базировалась на военном аэродроме в Яшлыке, в тридцати пяти километрах от Ашхабада на восток. До границы от поселка было рукой подать.

Стивен ловко управлялся с ложкой. Фасоль только отдаленно пахла мясом, но лепешки были горячими, и Лиза не пожалела перца:

– В Италии войска сейчас хорошо едят..., – Стивен скрыл вздох, – бедная Констанца, не надо было тогда ее к Муссолини отпускать..., – за обедом, он, быстро, рассказал Лизе о болтовне авиаторов.

В полку летали на истребителях Як-1, которые Стивен отлично знал, однако одноместные машины им негодились бы. Кроме Яков, на аэродроме стояли транспортные самолеты Як-6, рассчитанные на экипаж из двух человек. Лиза открыла рот, Стивен поднял протез:

– За штурвал сяду я. Машина известная, модификация дугласа..., – он перехватил взгляд, брошенный Лизой на черную кожу:

– Женщинам за штурвалом не место, – твердо заявил Ворон, – и у тебя нет боевого опыта.

Он отставил миску:

– Спорить больше не о чем. Я решил, так оно и будет..., – Лиза сказала себе:

– Он ас, опытный летчик, а ты девчонка. Но я водила транспортные машины, и в училище, и в Энгельсе..., – она только, робко, поинтересовалась: «Когда?».

– Завтра, – подмигнул ей Стивен, – они у заведующего не только мясо и фрукты брали, но и ящики с водкой в виллис таскали. У них застолье ожидается. На аэродром мы с тобой легко проберемся..., – Лиза, мысленно, подсчитала деньги. На попутку до Яшлыка хватало. Поселок стоял на красноводской ветке, но по ней пригородные поезда не ходили.

Она обсасывала деревянную палочку от мороженого:

– Стивен прав. Самолет простой в управлении, перелетим границу, и поминай, как звали..., – на небе высыпали яркие, южные звезды. От Лизы сладко пахло мороженым, она все не выпускала проклятую палочку. Стивен, резко, поднялся:

– Я спать иду. Завтра надо рано встать, собраться..., – нырнув в низкий, темный дверной проем, тяжело дыша, он прислонился к стене. Подождав, пока стихнет боль, сдержав ругательство, Ворон пошел в каморку.

Фирюза

Главная и единственная улица поселка упиралась в мощные, железные ворота, выкрашенные в зеленый цвет, с пятиконечными звездами. В двух будках охраны круглосуточно дежурили пограничники. Со склонов холмов, из соснового леса, даже без бинокля виднелась территория Ирана.

Проезд и проход в ущелье посторонним давно запретили. Горная, холодная река Фирюзинка текла в гранитных набережных. Среди зарослей самшита и тиса, выложенных мрамором дорожек и резных беседок, поднимались дачные особняки центрального комитета партии.

Обед накрыли на свежем воздухе, под звездами, рядом с бухарскими изразцами бассейна. В тихой воде, отражались звезды. Ветер едва колыхал шелк шатра. Беседку тоже окутывали тонкие занавеси. Внутри мерцала старомодная, керосиновая лампа. Вокруг огня вились мотыльки. Трепетали белые крылья ночных бабочек. Из медного кувшинчика пахло жаркими пряностями, хорошим, бразильским кофе. В фаянсовой, глазированной пиале вышлась горка орехов и сушеных абрикосов. Сильные пальцы взяли миндаль:

– Яша рассказывал, что на сотню безобидных косточек попадает одна, ядовитая... – Эйтингон разгрыз орех, – с синильной кислотой. Цианистый калий пахнет горьким миндалем... – он подозревал, что руководство гитлеровской Германии сейчас навещает дантистов:

– Очень простая вещь, – Наум Исаакович закинул руки за голову, – капсула с ядом. Наши генералы, два года назад, предпочитали стреляться... – несмотря на взятие Киева, пока не следовало забегать вперед. На третьем году войны все понимали, что нельзя недооценивать немцев:

– Тем более, если у них появятся боевые баллистические ракеты, или бомба... – на столике резного самшита, рядом с шахматной доской, черного дерева и балтийского янтаря, лежала скромная, серая папка, и фотографии:

– Вернется Михаил, мы партию закончим... – Эйтингон коснулся белой королевы. Они успели разыграть сицилианскую защиту, но Журавлева вызвали к аппарату ВЧ. Коллега поздравлял с праздником семью. Снизу, от особняка, доносился звук дутара, высокий, красивый голос певицы. В Ашхабад эвакуировали театры, товарищи из центрального комитета пригласили на обед артисток. Эйтингон усмехнулся:

– Михаил за обедом посматривал в их сторону, а еще семейный человек. Скорее всего, мне его долго ждать придется... – у самого Эйтингона времени думать о таком не оставалось. Они с комиссаром госбезопасности Журавлевым приехали в Ашхабад по делу. Товарищ Сталин отправлялся на будущую конференцию из Баку, на самолете:

– Первый раз он полетит, – понял Эйтингон, – но ничего, пилоты опытные. Рейс сопровождает эскорт истребителей... – истребители в безопасном воздушном пространстве над Каспийским морем, в общем, были не нужны, как не требовался и бронированный вагон, в котором Иосиф Виссарионович добирался до столицы Азербайджана.

Тем не менее, на Лубянке все лето занимались обеспечением безопасности предстоящего визита. Лаврентий Павлович настаивал на соблюдении всех предосторожностей. По договоренности между союзниками, Тегеран запечатывали, на все три дня встречи. В городе отключали телеграф и телефоны, оставляя только надежную, правительственную связь. Эйтингон и Журавлев, занимались в Туркмении, проверкой коммуникаций. Две линии шли через иранскую границу и Среднюю Азию к Сталинграду и Москве. Иосиф Виссарионович отказался от встречи на Аляске, находящейся слишком далеко от фронтов, отрезанной от внешнего мира.

– Хотя, конечно, в тех краях можно не беспокоиться о неожиданных визитерах..., – пальцы гладили, изящную, светлого янтаря фигурку, – кроме медведей, на Аляске, больше никого не обретается. Мы с мальчиком неподалеку виделись..., – разведки трех стран прочесывали столицу, и остальной Иран, в поисках агентов СД. До войны шах, поклонник Гитлера, флиртовал с Германией. Они предполагали, что страна, с давних времен, кишит немецкими резидентами.

– Возьмут, и высадут десант, – кисло сказал себе под нос Эйтингон, – или начнут взрывчаткой легкий самолет, бросят его на особняк..., – товарищ Сталин останавливался в советском посольстве. Рузвельт и Черчилль жили в здании британской резиденции, напротив. Улицу, разумеется, закрывали. Между зданиями возводили тщательно охраняемый, закрытый брезентом проход. Времени рыть тоннель не оставалось, но Эйтингон знал, что коллеги в Иране проверяют даже канализационные трубы, в обоих посольствах.

– Герцог Экзетер, конечно, вряд ли сам по трубам пробирается..., – Наум Исаакович видел списки делегаций союзников. Он предполагал, что британцы с американцами привозят еще и не упомянутых в бумагах людей, например, очень удачно восставшего из мертвых Ягненка.

Меир Горовиц, отличился в Италии. Паук даже прислал выписку из наградной режиссии. На Сицилии, Горовиц, командуя американским десантом, захватил штаб дивизии вермахта, взяв в плен с десятком офицеров:

– Лично обеспечивал поддержку наступления основных сил, обороняя штаб, в течение десяти часов..., – Ягненко получил звание майора, Пурпурное Сердце, за ранение, и Серебряную Звезду. Судя по всему, Секретная Служба, больше ни в чем его не подозревала. Майор Горовиц вернулся в охрану президента США, и прилетал в Тегеран. Наум Исаакович намеревался использовать Ягненка для прикрытия своей встречи с мальчиком:

– Еще один минус в досье майора Горовица, – весело подумал Эйтингон, – после войны Даллес и Донован ему все припомнят. Мы его посадим на электрический стул, обещаю. Мальчик приедет домой, в Москву, с Деборой...

Получив фотографии будущей жены Паука, Эйтингон хмыкнул:

– Красавица. Мальчик молод, у него кровь кипит. Я его понимаю..., – Наум Исаакович, как всегда, успокоил себя: «Со мной, на пятом десятке, ничего такого не случится».

Дебора плотно сидела на крючке. Почтовое отделение в закрытой шарашке исправно поставляло письма. Эйтингон вез в Тегеран целую пачку конвертов. Рав Горовиц отправился в освобожденный Киев, помогать тамошним евреям. Эйтингон читал донесения коллег с Донбасса и Украины. Немногим выжившим евреям требовалась помощь только в раскапывании рвов, куда айнзатцкоманды сбрасывали трупы расстрелянных в гетто. Наум Исаакович не питал иллюзий относительно судьбы евреев Европы:

– Почти все они превратятся в дым, если сейчас не превратились. Пока мы дойдем до Польши, немцы успеют замести следы. Они раскопают рвы, сожгут тела расстрелянных людей, и уничтожат лагерь..., – Эйтингон, тем не менее, рассчитывал на дальновидность немцев:

– Профессора Кардозо они не убьют. Постараются вывезти из Аушвица в Германию. Но мы его найдем, так или иначе..., – в серой папке лежали все необходимые для поисков Кардозо материалы. Задание предполагали поручить Серебрянскому.

Сведения поступили от мальчика, из Америки, как и информация о том, что Ягненко летит в Тегеран. Рузвельт, несмотря на инвалидность, и Черчилль, несмотря на одышку и полноту, словно молодые, мотались через Атлантический океан, наштипованный военными кораблями Кригсмарине.

– Они в Каире, совещаются с президентом Турции..., – вспомнил Эйтингон. Турция пока сохраняла нейтралитет, однако союзники настойчиво подталкивали страну к объявлению войны Гитлеру:

– Нам такое будет только на руку..., – Эйтингон кинул взгляд на папку, – учитывая наши палестинские планы. Турция должна быть на нашей стороне..., – мотылек, трепеща крыльями, сел на шахматную доску. Керосиновая лампа напомнила Науму Исааковичу летние вечера, на даче Эйтингонов, до революции.

Считалось, что он вышел из бедной, местечковой семьи и поступил в ЧК, будучи разнорабочим, на фабрике. В анкетах не упоминалось, что его дед был обеспеченным присяжным поверенным, а двоюродный дядя, богатейшим торговцем мехами, державшим магазины в Европе и Америке. Дядя умер за год до прихода Гитлера к власти, в Лейпциге. Третьеродный брат Эйтингона, ученик Фрейда, аналитик, уехал в Палестину.

Летом Эйтингон узнал о смерти родственника от товарища Яши. Серебрянский следил за осведомителями НКВД в будущем Израиле. Макс Эйтингон на Лубянку не работал. Товарищ Яша внес его имя в отчет просто, как формальность. Наум Исаакович был против вербовки родственников:

– Рано, или поздно, придется выбирать между долгом перед родиной и семейными привязанностями, – говорил он, – и я никому не пожелаю оказаться в такой ситуации..., – долг перед родиной, разумеется, был превыше всего, но Эйтингон знал, что работники, после подобных инцидентов, тяжело справляются со своими обязанностями. Серая папка предназначалась для Серебрянского.

– Но это потом..., – Эйтингон достал из старого, потрепанного томика, в истертой обложке темной кожи, цветные, четкие фотографии. Он, как обычно, взял в командировку викторианский роман, выбрав «Джен Эйр». Книгу Эйтингон знал почти наизусть. Он проборотал:

– Этот лоб заявляет, разум крепко сидит в седле и держит поводья, и не дает чувствам вырваться наружу и увлечь его в пропасть. Решающее слово в любом споре всегда будет за разумом. Буйные ветры, землетрясения, пожары, что бы мне ни угрожало, я буду следовать тихому голосу, который выражает веление совести...

Мальчик снимал тайно, новой моделью камеры Кодак. Ворона о фотографиях не подозревала. Рыжая охра коротко стриженных волос блестела в закатном солнце. Доктор Кроу, в лабораторном халате, и растоптанных тапках, сидела на бортике фонтана, затягиваясь сигаретой. Глаза цвета сладкой патоки смотрели вдаль.

Эйтингон не мог отвести взгляда от высокого, ясного, лба, уверенного очерка худого лица, острого, твердого подбородка женщины. На тонком запястье она носила простой, стальной хронометр, на пальце блестел металл кольца. Увидев драгоценность, Эйтингон насторожился, но нашел объяснение мальчика. Кольцо, семейную реликвию, сделали в начале прошлого века, из веземного металла:

– Как и она сама..., – Наум Исаакович перебирал снимки, – небесное существо, не от мира сего..., – позавчера в Москве он прочел радиограмму из Вашингтона, от Матвея. В Оак-Ридж, в штате Теннесси, заработал графитовый реактор X-10, второй в Америке, после реактора Ферми. Снабжение лабораторий Лос-Аламоса плутонием становилось бесперебойным. Реактор построили за рекордное время. Эйтингон подозревал, что во многом, скорость работы, зависела от вклада Вороны:

– Она сделает бомбу, проведет испытания, а потом отправится к нам..., – Ворона считала, что британцы знают о месте ее пребывания:

– Она не успеет опомниться, как окажется в атомной шарашке. Британцы могут, после войны, весь мир перевернуть, но ее не найдут...

Доктор Кроу смотрела на высокое небо пустыни, в Лос-Аламосе:

– Она, наверняка, работала на немцев, – успокоил себя Наум Исаакович, – ученые редко обременяют себя моральными принципами. . . . – Ворону ждала строго секретная лаборатория номер два, в Казани, под руководством физика Курчатова.

Эйтингон не мог выбросить из головы слова о тихом голосе совести:

– Ерунда, – он убрал снимки, – всего лишь цитата из Библии. Доктор Кроу атеистка, нет у нее никакой совести. Американцы, скорее всего, используют бомбу на поле боя, ради оценки возможного потенциала. Даже в конце войны, когда все станет ясно и без взрывов. . . . – он опустил книгу в открытый портфель. Журавлев значился в списке будущих кураторов атомного проекта, но даже коллеге фото показывать не стоило:

– Это строго секретные сведения. Снимки видели только я, нарком Берия и товарищ Сталин. . . . – Эйтингон настоял на своем, считая, что пока не нужды перевозить Ворону в Советский Союз. Они хотели воспользоваться опытом и разработками американцев, но сейчас не существовало даже прототипа бомбы.

– Мы подождем, мы никуда не торопимся. . . . – Наум Исаакович потянул к себе серую папку.

Здесь лежали довоенные, черно-белые фотографии. Женщина в белом халате, со стетоскопом на шее, со строгим, красивым лицом, убрала светлые волосы в узел, прикрыв его докторской шапочкой. Эйтингон опустил снимок на стол. И доктор Горовиц, и Авраам Судаков, могли давно погибнуть, как и миллион других евреев, в Польше. Тем не менее, рисковать не стоило. Доктор Горовиц представляла опасность для Советского Союза:

– Кардозо с ней развелся, но не в синагоге. По нашим законам, она до сих пор его жена. Ей такое неудобно. Развод у них, – Эйтингон искал слово, – был громкий. Никаких чувств она не испытывает. . . . – глядя на доктора Горовиц, еврейку, добровольно отправившуюся в оккупированную Польшу, Эйтингон понимал, что ей ничего не стоит застрелить профессора Кардозо.

– Если она выживет, она захочет замуж выйти. Она молодая женщина, ей едва за тридцать. Она не собирается рожать мамзеров. . . . – такого Советский Союз не мог позволить:

– У нее рука не дрогнет, – подытожил Эйтингон, – значит, от нее надо избавиться раньше, чем она найдет бывшего мужа. . . . – он взял еще одну фотографию. Внизу написали, на иврите:

– Кибуц Кирьят Анавим, Суккот, 1943 год. Поздравляем с праздниками. . . . – две еще нескладные, длинноногие девчонки, в шортах и рубашках, стояли у входа в сукку, держа корзины с фруктами. Эйтингон взглянул на девушку слева.

Янтарь белой королевы, на шахматной доске, будто светился. По описанию, присланному мальчиком, Наум Исаакович знал, что у нее рыжие волосы. Распущенные локоны девушки падали ниже талии. Бесконечные ноги уходили под короткие шорты, рубашка натянулась на высокой, большой груди:

– Ей пятнадцать лет. . . . – Эйтингон улыбался, – а Яша дурак. Понятно, что до войны доктор Судаков дал ему от ворот поворот. Он взрослый мужчина, со сложившимися взглядами. Даже пробовать больше не стоит, если он не погиб, если мы его найдем. Она. . . . – Эйтингон взял паркер с золотым пером, – она девочка, юная. Впечатлительная, решительная, плоть от плоти Израиля. Она нам и нужна. . . . – перевернув снимок, он задумался. Повертев белую королеву, Наум Исаакович вспомнил уроки в гимназии:

– Конечно. Царица Шломцион. . .

Он написал, четким почерком: «Саломея».

По дороге в беседку комиссар госбезопасности Журавлев забрал у дежурного по резиденции вечернюю почту. Вопреки мнению Эйтингона, Журавлев не стал задерживаться в номере. Как любой мужчина, в долгой командировке, он посматривал на артисток, но при

начальстве и товарищах по партии требовалось вести себя, как подобало большевику. Кроме служебных конвертов, фельдъегеря доставили и личное письмо. Распечатав его, Михаил Иванович пожалел, что закончил разговор с Наташей.

На Первомай он заглянул в столицу. Жена с дочкой вернулись в Москву после эвакуации. Журавлев занимался организацией фильтрационных лагерей на освобожденных территориях и арестами фашистских пособников. Последних оказалось столько, что лагеря трещали по швам. Комиссар подозревал, что большая часть доносов, получаемых НКВД, написана из желания получить себе домик соседа, однако они арестовывали людей даже за пользование карточками на продовольствие, выданными фашистами. Как замечал Журавлев, выбора людей никто не лишал. Они могли успеть эвакуироваться или уйти в партизаны.

На совещаниях он стучал кулаком по столу:

– Любой, кто добровольно остался под пятой фашистов, любой, кто не сражался с оружием в руках против гитлеровцев, является врагом советской власти. Даже матери с детьми..., – гитлеровских подстилок отправляли в лагеря тысячами. В каждом городе и поселке Красная Армия находила фашистское семя, как называл таких малышей Журавлев. Потомство у матерей изымали, посылая в детские дома. Женщины получали десять лет лагерей, за измену Родине. Отступление немцев сопровождалось бегством нацистских выкорышек за хозяевами. Бывшие советские граждане, как думал о них Журавлев, снимаясь с места целыми деревнями, уходили вслед за вермахтом.

Освобождая Донбасс и Смоленск, они впервые поняли размах предательства.

Казалось, что нацистам служили все, от подростков до стариков. На оккупированных территориях работали школы, издавались газеты, шли службы в церквях и собирався урожай. Журавлев, иногда, думал, что все оккупированные города и села надо освободить от запятнавшего себя изменой населения, и привезти туда настоящих, советских людей.

На Лубянке готовили массовые депортации народов, кормившихся при гитлеровцах. Меньшинства Северного Кавказа уезжали прямым рейсом, в товарных вагонах, в казахские степи, присоединяясь к немцам Поволжья. Родину Журавлева, Ленинградскую область, очищали от финнов, Прибалтику ждала еще одна волна арестов. Крымские татары тоже отправлялись на восток. Всех служивших в организованной немцами полиции, всех членов, так называемых добровольческих соединений, ждала смертная казнь или бессрочные лагеря.

Журавлев даже остановился, на белом мраморе дорожки:

– А те, кого в Германию угнали? Впрочем, они будут кричать, что их угоняли. Ехали добровольно, в благоустроенных плацкартных вагонах, с подъемными выплатами..., – многие колхозницы до войны и не видели таких поездов.

Он привез коллегам на Лубянку папку с нацистскими плакатами, на русском языке. Горцы в папах с восхищением смотрели на подтянутого солдата вермахта: «Народы Кавказа! Мы несем вам освобождение от большевистского ига!». Румяная женщина улыбалась ухоженным малышам: «Я живу в германской семье и чувствую себя прекрасно. Приезжай в Германию, помогать по хозяйству». Плакат, призывающий украинских юношей записываться в дивизию СС «Галиция», Наум Исаакович разорвал лично:

– Всю Западную Украину мы отправим на Колыму, – пообещал начальник, – они друг друга локтями отталкивают, чтобы полизать задницу Гитлеру..., – на Лубянку поступили сведения, что в начале лета в «Галиции» насчитывалось восемьдесят тысяч добровольцев. Нацисты, кажется, могли сформировать из предателей еще один фронт. Солдат на такое у них хватало.

На совещании решили, что все советские граждане, находящиеся в Германии на время освобождения страны, подлежат строгой фильтрации:

– Если мы не доверяем оставшимся на оккупированных территориях, – заметил Эйтингон, – то, тем более, мы не должны обманываться слезливыми сказками, товарищи. У каждого предателя, уехавшего в Германию, найдется своя легенда... – на конференции в Тегеране лидеры союзных стран обсуждали послевоенное устройство бывшего рейха. У Советского Союза имелся костяк предполагаемого, социалистического государства. В антифашистских школах обучались пленные. Летом создали комитет «Свободная Германия», где заправляли счастливо не расстрелянные до войны немецкие эмигранты, коммунисты, и «Союз немецких офицеров», во главе с генералом Зейдлицем.

В беседе горела керосиновая лампа.

Журавлев смотрел на новое фото жены и дочери. Наташа с Машенькой обосновались в ведомственной квартире, на Садовом Кольце. Дочка уверенно ходила и лепетала. По телефону, Журавлев услышал четкий, высокий голосок:

– Папа! С днем седьмого ноября... – Машенька забавно картавила:

– Надо сказать Наташе, что они отлично вышли на фото... – Наташа, в роскошной чернобурке, снялась с дочкой на коленях. Машенька, в шелковом, пышном платье, напоминала дорогую куклу. Малышка широко раскрыла большие глаза. Журавлев улыбнулся:

– Они у Машеньки яркие, как небо... – Наташа заплетала девочке белокурые, трогательные косички. Журавлев не интересовался у начальника судьбой мальчика, который, когда-то, жил в его семье. Тело его матери гнило где-то в болотах под Волховом, а участь отца была давно решена. Бывшего коллегу, а ныне соратника Власова, штурмбанфюрера СС Воронцова-Вельяминова ждал суд и петля:

– Вовремя Антонина Ивановна без вести пропала, – хмыкнул Журавлев, – иначе бы ее тоже расстреляли. Как Воронова расстреляют, когда найдут, вместе с женой... – после бегства из Свердловска бывший Герой Советского Союза и бывшая орденосеица Князева исчезли, словно растворившись в миллионах эвакуированных на Урал и в Сибирь людей.

Эйтингон слышал шаги на дорожке:

– Сейчас партию завершим... – папку для Серебрянского он тоже убрал в портфель. Наум Исаакович, внимательно, следил за донесениями со среднеазиатской и китайской границ. После побега из Казалинска, калеки с Князевой, никто не обнаружил. В Казалинске так называемые Фроловы жили без ребенка, что беспокоило Наума Исааковича:

– Я обещал мальчику найти его сына... – твердо сказал себе Эйтингон, – ребенок не должен расти без отца... – предстояло еще, по просьбе Паука, избавиться от потомства якобы процветающего в Москве раввина Горовица.

Мальчик не хотел тащить в Москву чужое дитя:

– Правильно, – одобрительно подумал Эйтингон, – Дебора после потери сына будет вне себя от горя. Новости о смерти мужа ничего для нее не изменят. Матвей подставит ей крепкое, мужское плечо. Женщины ценят подобное. Она всю жизнь будет ему благодарна. Примет его ребенка, родит еще детей... – полковника Гурвича в Москве ждала отличная квартира, дача, автомобиль, должность куратора атомного проекта, генеральское звание и Золотая Звезда Героя.

За мальчика Наум Исаакович не волновался. Матвей Абрамович вполне мог стать начальником управления, на Лубянке, и даже дослужиться до заместителя министра:

– И я буду рядом, разумеется... – Эйтингон думал о другом ребенке.

Он приказал доставлять себе, каждый месяц, сведения из Караганды. Донесения из детского дома ему отчаянно не нравились. Воспитанник Иванов два раза пытался бежать, угрожал своим обидчикам ворованным из мастерской шилом, и отметил годовщину революции в карцере. Ребенок ухитрился сделать заточку, из украденной в столовой ложки:

– Нападал на воспитателя, нанеся ему легкое ранение, типа царапины... – с фото на Эйтингона смотрел наголо бритый, угрюмый пацан, с подбитым глазом:

– Зубы ему тоже выбили, кажется. Нет, просто молочные выпадают..., – несмотря на голодную жизнь, Иванов больше напоминал девятилетнего мальчика:

– Плечи у него мощные, он высокого роста..., – парень, на шестом году жизни, смастеривший заточку, подавал большие надежды.

– И в кого он такой растет? – удивился Эйтингон:

– Петр трус, каких поискать. Кукушка мне еще во время оно говорила, что Петр за чужие спины прячется. Да я и сам все видел..., – Эйтингон уверял себя в том, что Кукушка и ее дочь мертвы. Так ему лучше спалось:

– Скоро мы расстреляем младшую Горскую, и от семейки предателей ничего не останется..., – пацан мрачно смотрел вперед:

– Внук герцога Экзетера, – вздохнул Эйтингон, – понятно, откуда у него такая кровь. В мизинце леди Холланд было больше смелости, чем во всем Петре. Семья титул от Вильгельма Завоевателя получила..., – парень, раньше напоминавший мать, стал похож на кого-то другого:

– Но не на Петра, это точно..., – ребенка можно было бы забить до смерти, но Эйтингон считал, что с Ивановым прощаться рано:

– Он нам нужен. Петра мы найдем и арестуем, но другие пособники фашистов могут сбежать, спрятаться, как и сами фашисты. Петр трясся над сыном. Если мы приставим пистолет к затылку Володи, мерзавец нам все расскажет..., – Эйтингон послал в Караганду распоряжение присматривать за ребенком.

Он не хотел, чтобы Иванов закончил инвалидностью:

– Потом мы его расстреляем. С двенадцати лет можно использовать высшую меру социальной защиты..., – сев напротив, Журавлев протянул ему фото.

– Отличная девчонка, – одобрительно сказал Эйтингон. Он подумал:

– Повозиться бы с малышом, мои дети выросли..., – ему, иногда, хотелось вернуться к ребячьему лепету, неумелым рисункам, и веселому крику, в передней: «Папа пришел!».

Наум Исаакович хохотнул, двигая вперед белого коня:

– Не зря мы сицилианскую защиту играем, Михаил. Я тебя сейчас буду громить, как союзники вермахт, на Сицилии..., – щелкнув зажигалкой, он откинулся на спинку покойного, обитого прохладным шелком, кресла.

Аэродром Яшлык

Над пустынным полем, с черными силуэтами самолетов, висели тяжелые, набухшие грозой тучи. Оказавшись в Средней Азии, Лиза вспомнила бои в Монголии:

– Если бы я знала тогда, как все обернется. Полковник Воронов погиб, а я поняла, кто были мои родители... – она, иногда, спрашивала себя, что случилось с японцем, спасшим ее от диверсанта:

– Он, скорее всего, не японец был, а советский человек, разведчик. Я его больше никогда не увижу... – Лиза не жалела, что покинет Советский Союз. После расстрела сестры и племянницы у нее не осталось ни одного близкого человека:

– И Анна Александровна с Мартой понятия не имели, что я их родственница. НКВД никогда меня в покое не оставит, а Стивену вообще здесь жить нельзя... – они с полковником Кроу не говорили о будущем:

– Он венчался с покойной женой... – думала Лиза, – когда они из Германии бежали. Он был в плену, женился на немке, и ему, все равно, разрешили летать на новой технике... – ни одного советского летчика, бежавшего из плена, не пустили бы в небо:

– Тебя саму НКВД допрашивало, на Халхин-Голе, – напомнила себе Лиза, – а ты даже на вражеской территории не была... – Стивен отмахивался:

– Я офицер, джентльмен. Как можно было мне не поверить? То есть имелись, как вы их называете, перестраховщики, – он улыбался, – но они оказались в меньшинстве... – за два года Стивен хорошо выучил русский язык:

– Особенно слова, которые нам в детстве, на уроках, не преподавали, – весело думал он, – я теперь мастер таких выражений... – на людях Стивен мычал, делая вид, что плохо говорит. От акцента он так и не избавился.

С шофером попутного грузовика, шедшего на восток, объяснялась Лиза. Они не стали ловить машину в городе. Стивен и Лиза добрались пешком до трассы, обойдя военный пропускной пункт, где у водителей и пассажиров проверяли документы. Дорога была разбитой. Тридцать километров по разбитой дороге, они проехали за час, в кузове колхозного грузовика. Стивен и Лиза оказались в Яшлыке к обеду.

Они очень удачно выбрали для побега праздничный день. Три пыльные улицы поселка, увешанные кумачовыми транспарантами, наполняли колхозники и военные, с авиабазы. В репродукторе гремели марши. В утренней сводке сообщили, что на Первом Украинском фронте советские войска освободили Фастов.

Местная чайхана бойко торговала, у лотков с пирожками выстроилась очередь. Под ногами валялась засаленная бумажная лента, шелуха от семечек, окурки дешевых папирос. На Стивена, в потрепанном костюме и грубых сапогах, с кепкой на почти лысой голове, и Лизу, в узбекском наряде и платке, никто не обращал внимания.

К третьему году войны калек вокруг бродило столько, что на Ворона давно прекратили оглядываться. У входа в чайхану отирался молодой парнишка, лет двадцати, на тележке, и несколько человек с костылями. Парень играл на гармошке, мужчины передавали друг другу бутылку с мутной, белесой жидкостью. Водку продавали по коммерческим ценам, сюда ее привозили из Ташкента. У казахов Стивен попробовал самогон из кобыльего молока:

– С водкой его не сравнить, – усмехнулся Ворон, – всего тридцать градусов. Но в жару он пьется хорошо... – день был душным. Заметив на востоке облака, Стивен, неслышно, шепнул Лизе:

– Если к вечеру соберется гроза, нам такое только на руку... – пока дождей не случилось, хотя здесь непогода, обычно, начиналась в октябре.

В чайханы женщины не заходили. У них в мешке лежала стальная фляга, подаренная Стивену казахами. Взяв зеленого чаю, и пирожков, Стивен с Лизой сели на скамейку, в чаклом сквере, с гипсовым бюстом товарища Сталина. Музыкальная программа закончилась. Диктор, важно, сказал:

– Передаем отклики трудящихся нашей страны на доклад Председателя Государственного Комитета Оборона товарища Сталина на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями Москвы. Мудрая речь вождя, сталинский анализ событий истекшего года, года коренного перелома в ходе войны, вызвали в тылу и на фронте новый величайший патриотический подъём... – зазвенел восторженный, женский голос:

– Сегодня мы услышали родной голос товарища Сталина, возвестившего, что победа над заклятым врагом близка. Величайшую радость вселяют его слова в сердца советских людей... – Стивен оглянулся:

– Господи, неужели все позади? В Тегеране мы придем в посольство, они свяжутся с Джоном... – Лиза жевала пирожок. Он, внезапно, накрыл ее руку протезом:

– Ты не бойся, пожалуйста... – Лиза почувствовала теплое дыхание, у своего уха, – самолет простой в управлении. Я водил новейшие истребители, с дугласом я справлюсь... – Ворон хотел сказать о другом.

Он вспоминал купола и шпили Дрездена, теплую руку Густи, в его руке:

– Мы прямо в Швейцарии повенчались, в тот же день. В Тегеране, наверняка, есть церкви. Но Лиза может не захотеть венчаться, она комсомолка. То есть была комсомолка... – подумав, что их поженят и в посольстве, Ворон одернул себя:

– Ты даже не знаешь, согласится Лиза, или нет. Ты ей не делал предложения. Значит, сделаю, – разозлился полковник Кроу, – как положено, с кольцом, цветами, на коленях. Опять придется одалживать деньги из бюджета Министерства Иностранных Дел... – он понял, что улыбается. Он думал о деревенском домике, рядом с авиабазой, в Англии, о запахе кухонных трав, на маленьком огороде, о скамейке, где он будет покуривать, слушая радио:

– Густи, должно быть, болтает давно. Малышка к Лизе потянется, непременно. И у нас еще дети родятся... – все зависело от того, удастся ли им вечером пробраться на авиационное поле, где стояли Яки.

Она немного отодвинула платок, блеснули серо-голубые глаза:

– Слово ясное небо, наверху, – понял Стивен, – когда пробиваешь тучи, и уходишь на высоту... – Лиза, быстро, нежно коснулась губами его щеки:

– Я не боюсь, милый. Ты справишься, и я буду рядом... – Лиза хотела сказать, что хочет быть рядом всегда, но вздохнула:

– Он меня старше, он взрослый человек. Он выздоровел, свылся с протезами. Ему больше не нужна сиделка... – рук они не разняли. Ветер гонял по скверу мусор, завивалась пыль на земле. Сзади, на футбольном поле со старыми, покосившимися воротами, мальчишки гоняли тряпичный мяч. Лиза бросила крошки от пирожка воробьям.

– Густи птиц кормила, в Бриз-Нортоне, – вспомнил Стивен, – я ей скворечник обещал, но так руки и не дошли. Руки... – он, искоса, посмотрел на протезы, – ладно, не страшно. Я все сделаю, чтобы Лизе было хорошо... – он ловко чиркнул спичкой.

Лиза сидела, как она любила, привалившись к надежному, крепкому боку. От старого пиджака пахло табаком, она закрыла глаза:

– Стивен каждый день меня благодарит. Даже если на столе только остатки от вчерашнего обеда, он все равно благодарит. Он никогда не дает мне воду таскать, если он дома. Он меня балует, в кино водит, мороженое купил... – Лиза закусила губу:

– Получается, что я ему опять навязываюсь, как в Мурманске. Он джентльмен, он тогда не мог отказаться от моего предложения..., – Лиза даже покраснела. В голове зазвучала музыка:

– Мы танцевали, со Стивеном. Я помню, какой он был красивый, до ранения. О чем я, он и сейчас красивый. Все такие вещи неважны, главное, душа человека..., – речи трудящихся закончились, радио вернулось к песням.

Передавали тот самый вальс. Лиза вслушивалась в мелодию:

– Стивен мне сказал, что полковник Воронов хочет приехать в дом отдыха. Мы с артистками вечером вернулись обратно, товарищ Котов устроил застолье. Наташу отвезли на аэродром, у нее было другое задание..., – Лиза писала Марине Расковой, из Мурманска, спрашивая о подругах, но Раскова о Наташе ничего не знала:

– Должно быть, ее в другую часть перевели, – решила Лиза. Герой Советского Союза Раскова погибла в авиакатастрофе, в начале года. Прочитав некролог, в Казалинске, Лиза расплакалась, но Стивену ничего не сказала:

– Он опять будет говорить, что женщинам не место за штурвалом..., – Лиза не хотела спорить с мужем:

– Он опытнее меня, лучше разбирается в авиации. Хотя мужчины тоже разбиваются, как и женщины..., – Лиза плохо помнила застолье в доме отдыха:

– Мистер Мэтью меня проводил до номера..., – все терялось в темноте, она слышала шипение, чей-то шепот, смутно помнила боль и горячую воду, в ванной:

– Я, наверное, выпила немного..., – поняла Лиза, – товарищ Котов угощал нас коктейлем. «Северное сияние» ..., – пристальные, карие глаза товарища Котова она видела перед собой до сих пор:

– Он пришел утром, сказал, что нам надо ехать в госпиталь..., – товарища Котова Лиза помнила отлично.

Вальс разносился над опустевшим сквером, вечерело. Стивен поднес ее руку к губам:

– Помнишь, как мы с тобой в Мурманске танцевали..., – она смутилась:

– Я думала, ты забыл..., – Лиза, робко, добавила: «Милый».

– Я обещаю, – смешливо отозвался Ворон, – это был только первый танец..., – взглянув на горизонт, Стивен поднялся: «Пора».

По дороге в Яшлык, он боялся, что придется долго разыскивать аэродром, но, оказавшись в поселке, Ворон понял, что был неправ. Владения авиабазы начинались в каком-то километре от окраины. Здесь даже не было ограждения. Поле обнесли хлипким, по пояс человеку, плетнем.

Выйдя из поселка, они с Лизой немного побродили в маленькой рощице, рядом с мелким, пробирающимся сквозь камни, ручьем. Полковник хотел дождаться полной темноты:

– Когда они за второй ящик водки примутся, – подмигнул он Лизе, – надеюсь, после такого за штурвал никто из них не сядет..., – когда Стивен летал в Испании, он видел, что русские летчики поднимаются в небо выпившими:

– Мы со Степаном о таком говорили. Степан никогда пьяным не летал, хотя его в дебошах обвиняли. Правильно он сказал, что выпивка ему жизнь спасла. Если бы ни опала, он бы сгинул, летом сорок первого..., – сам Стивен пьяным тоже не летал и не собирался. Он даже не пил за рулем, отличаясь этим от своих приятелей:

– Очень надеюсь, что русские за нами не погонятся, – мрачно подумал он, – у них истребителей хватает..., – на транспортном самолете Як-6, в штатной комплектации, стоял всего один пулемет. Як-1, в добавление к пулемету, несли на себе малокалиберную авиационную пушку:

– Орудие от нас оставит одно решето..., – покосившись на Лизу, Стивен сказал себе:

– До границы километров пять, не больше. Даже если они, спяну, поднимут истребители, они не нарушат воздушное пространство суверенного, нейтрального государства. Вряд ли с той стороны границы есть военные базы. Самолет я посажу, ничего страшного.

Лиза сорвала перезревших абрикосов, и достала мешочек с уроком. Стивен рассказывал ей о Северной Африке:

– Такие ручейки за полчаса могут превратиться в настоящую реку, – рассмеялся он, – и даже машину перевернуть..., – задувал прохладный, восточный ветер. Издалека доносились первые раскаты грома.

На аэродроме, в домике диспетчеров, светился огонек лампы:

– Оставили двух несчастных, – весело подумал Ворон, – они, должно быть, начальство матерят. Все за столом празднуют, а ребята на дежурстве..., – подобравшись к ограде, он кивнул Лизе: «Давай». Стивен надеялся, что Як-6 стоят заправленными:

– Почти триста литров керосина, – вспомнил он, – хватит на шестьсот километров. Нам столько и не надо, пятьдесят бы пролететь..., – по карте ближайшим большим городом был Мешхед. Стивен ожидал, что там они найдут оказию до Тегерана:

– Может быть, даже поезд ходит..., – он следил за темной фигуркой, на поле. Як-6 был медленным самолетом, скорость машины не превышала трехсот километров в час. Он не поднимался выше четырех километров:

– Истребители нас обгонят, – вздохнул Стивен, – прижмут к земле. Як-1 на десять километров забираются..., – за два года в СССР полковник отвык от миль и фунтов.

Лиза махала ему, стоя у самолета. Местные техники, видимо, решили не обременять себя, перед праздником, уборкой поля. К откинутому колпаку кабины вела легкая лесенка. Двигатель запустить было просто. На поршневой авиации использовали силу сжатого воздуха. Баллоны пополнялись от компрессора:

– Двигатель М-11, – Стивен шел по полю, – пятицилиндровый, звездообразный. Как американская модель, Kinner В-5..., – в кабине все было знакомо. Он открыл топливный кран. Протез слушался хорошо, Стивен коснулся штурвала: «Помоги нам Бог». На плексиглас кабины упали первые капли дождя. Стивен заметил темную тень, над полем:

– Ворон, кажется..., – Лиза, на земле, следила за уровнем керосина. Показав Стивену большой палец, быстро взобравшись на сиденье второго пилота, она захлопнула колпак. Горизонт разорвала белая, холодная молния. Як-6, развернувшись, выехал на взлетно-посадочную полосу. Ворон потянул на себя штурвал: «Вот и все».

Залитый дождем плексиглас треснул, в кабину ворвался поток холодного воздуха. Як-6 шел почти на бреющем полете. Машину мотало из стороны в сторону. Внизу торчали опасные даже на вид, серые скалы. Стивен держал штурвал одной рукой:

– То есть протезом, – поправил он себя, – хотя грех на них жаловаться..., – в Свердловске, в госпитале, Героя Советского Союза Воронова обеспечили лучшими протезами, точно подогнанными под культы рук, с двигающимися пальцами. Стивен видел других инвалидов, на базарах и вокзалах, с железными крюками, торчащими из деревянных подобий рук. Некоторые ухитрялись удерживать ими даже стакан с водкой. Стивен научился и есть вилок с ножом, и бриться, и перелистывать страницы книги:

– А сейчас, кажется, научусь стрелять..., – стрелять он не хотел, русские были союзниками. На сиденье второго пилота, сидела его жена, тоже русская. Лиза вздрогнула, когда пулеметная очередь прошла плексиглас:

– Они могут нас расстрелять, из пушки..., – два истребителя оказались рядом, когда Яку-6 оставался какой-то километр до границы. Стивен держал самолет на низкой высоте. Ворон не был уверен, что протезы справятся с подъемом на три километра. Для такого надо было пробить плотную пелену туч и стену хлынувшего дождя. Молнии, казалось, ударили

совсем близко к фюзеляжу Яка. Из дождя вынырнули два легких, вертких Як-1, окрашенных в знакомый, темно-зеленый цвет, с алыми звездами.

– Я такую звезду на фюзеляже рисовал..., – Ворон смотрел на юг, где поднимались отроги Копетдага, – товарищ Янсон меня спас, а он был коммунистом. И Степан был коммунистом..., – преследовали их тоже коммунисты.

Истребители пока не пускали в ход пушки. Первой очередью транспортному самолету пробило крыло. Машина дернулась, словно хромая:

– Если они выпустят заряд в бензобак, от нас останется огненный шар..., – Ворон сжал зубы, – я не позволю, чтобы Густы становилась сиротой, чтобы Лиза погибала..., – в темноте кабины лицо жены было мертвенно бледным. В больших глазах играли отсветы молний. Мотор натужно выл. Пустой Як сначала шел легко, но теперь пробитое крыло снижало скорость. Радио Стивен отключил, он не собирался переговариваться с землей.

– Впрочем, понятно, что они мне скажут..., – один из советских яков, кувыркнувшись, ушел на высоту. Они перелетели государственную границу. Истребителям было наплевать на суверенитет Ирана:

– В стране стоит союзный контингент, советские войска. Откуда мы знаем, может быть, и авиационные части расквартированы. Им ничего не стоит вызвать подкрепление. От нас и мокрого места не оставят. Скажут, что мы немецкие диверсанты, угнали самолет..., – Лиза, сдавленно, вскрикнула. Второй истребитель показался из-за туч прямо по курсу Як-6.

– Они сейчас зажмут нас в коробочку..., – поняла девушка, – заставят либо идти на посадку, либо возвращаться на аэродром..., – за дождем она не могла разглядеть лица советского летчика:

– Может быть, одна из моих соучениц, – подумала Лиза, – аэродром учебный, тренировочный. Они охраняют границу, перегоняют новую технику на запад, через Каспий. Я могла сидеть с ней за одной партией, в Энгельсе..., – сердце часто, глухо билось. Трещины в плексиглазе кабины означали, что Як-6 еще замедлит скорость:

– Надо стрелять, – Лиза покосилась на гашетку пулемета, – но я не смогу, не смогу..., – сажать самолет было негде.

Под крылом, в километре внизу, неслись каменистые склоны гор:

– Если нас заставят вернуться на базу, нам не жить..., – Лиза похолодела, – я больше никогда не увижу Стивена. У меня нет других родных людей, кроме него..., – после побега из Казалинска, когда она узнала, за кого, на самом деле, вышла замуж, Лиза успела привыкнуть к английским песенкам, которые тихо насвистывал муж, к его рассказам о боях в Испании, Европе, и Северной Африке. Она выучила имена его родни, знала о замке в Банбери, и слышала о путешествиях Ворона, сэра Николааса Кроу:

– Стивен тоже почти сиротой вырос. Он сестру потерял, овдовел. Нельзя, чтобы его дочка осталась без отца, нельзя, чтобы мы потеряли друг друга..., – рядом раздался отборный русский мат. По серой ткани рукава пиджака потекла кровь:

– Я прошу прощения, – неожиданно церемонно сказал Ворон, – не стоило тебе такого слышать..., – на Халхин-Голе, среди авиационных техников, Лиза слышала и более грубые слова. В Энгельсе, на обучении, девушки тоже матерились, но не при мужчинах. Такое считалось неприличным.

– Ты ранен..., – пробормотала Лиза, – давай я..., – пуля царапнула его предплечье, пиджак набухал кровью. Истребитель, обогнув их, опять начал стрелять. Вторая машина, видимо, ждала сигнала напарника, чтобы присоединиться к бою:

– Пули берегут, – подумал Стивен, – пушку они пока в ход не пустили. Но пустят, если мы не развернемся..., – Як-6 терял высоту:

– Нельзя сдаваться, – рука, отчаянно, болела, – если нас заставят сесть в СССР, нам не жить. Нас разлучат, я больше никогда не увижу Лизу. И расстреляют, конечно..., – Лиза, бесцеремонно, отпихнула мужа от штурвала:

– Убирайся отсюда, лучше стреляй по ним..., – Ворон не успел ничего сказать. Як-6 завыл, Лиза поставила машину почти вертикально. По лицу текли слезы, смешиваясь с дождем. Она материлась:

– Давай, давай..., – самолет, из последних сил, рванул вверх, пробивая тучи. Лиза услышала треск пулеметной очереди:

– Очень хорошо. Они отстанут, хотя бы ненадолго. Надо перевалить горы. Наверняка, за ними есть равнина. Надо выжать из этого старья все, на что оно способно..., – штурвал привычно лежал в руках, нога нажимала на педаль. Лиза хотела, оказавшись за тучами, повернуть самолет. В кабине настала неожиданная тишина. Лицо обжег ледяной ветер, замерцали звезды. Пулемет затих, Стивен выдохнул:

– Кажется, оторвались..., – он едва успел схватиться левой, здоровой рукой, за стойку кабины. Лиза бросила Як-1 носом вниз, одновременно поворачивая самолет направо. Они вынырнули из-за туч. Внизу лежала пустынная, с редкими огоньками степь:

– Как в Монголии, или за Волгой..., – у Лизы случались вынужденные посадки:

– И ночью я тоже самолет сажала..., – в кабине слышалось только ее тяжелое дыхание.

Она прищурилась:

– Даже прожектора никакого нет. Только бортовые огни, и все. Но мы можем шасси сломать. Самолет нам больше не нужен..., – сквозь разбитый плексиглас мелькала земля. Лиза уверенно держала штурвал, не выпуская из виду стрелку альтиметра:

– Триста метров, двести, сто, пятьдесят..., – уши заложило. Самолет, с размаха, ударился о землю. Машина подпрыгнула, Лиза услышала треск шасси.

Сочно выматерившись, она дернула штурвал:

– Ничего не видно. В десятке метров может стоять какая-нибудь скала..., – ей надо было срочно замедлить скорость Яка:

– Черт с ним..., – Лиза заорала мужу:

– Прыгай, прыгай немедленно, – Стивен, тоже матерясь, выламывал остатки плексигласового колпака:

– Когда я пошел на таран лодки, я с крыла прыгал. Но там было море, а не каменистая степь..., – Як-6 катился вперед, в кромешной тьме. Не обращая внимания на боль в раненой руке, он дал Лизе хорошего пинка:

– Бросай эту консервную банку..., – Ворон прибавил пару цветастых словечек. Он выбрался наружу, таща за собой Лизу:

– Здесь два метра до земли..., – Як-6 немного сбросил скорость, – надо сгруппироваться, чтобы не переломать руки и ноги..., – он толкнул Лизу вниз, удерживая ее здоровой рукой:

– Сожмись в комочек..., – он попросил:

– Господи, пусть все обойдется..., – Ворон прыгнул вторым, приземлившись на бок, закрывая голову руками:

– Пусть мы все будем в синяках, пусть ребра переломаем, но не сгорим, не успев выбраться из кабины..., – самолет удалялся во тьму, он услышал ее голос:

– Стивен, Стивен, с тобой все в порядке..., – над камнями пронесся грохот, ночь расцвела огненной стеной:

– Пятьдесят метров до скалы оставалось, – понял Стивен, – она посадила машину в полной темноте, в незнакомой местности..., – он измученно вытянулся на влажной земле. Услышав глухой взрыв, преодолевая боль в растянутой щиколотке, Лиза поковыляла к мужу. Як-6 пылал. Наклонившись, Лиза потрясла его за плечи:

– Стивен, я здесь, я с тобой..., – ветер нес на них гарь. Единственный, голубой глаз посмотрел на Лизу.

– Я был дурак, – Ворон притянул ее к себе, – женщинам место за штурвалом. Тебе место. Возьмешь меня вторым пилотом? – Лиза закивала, плача, уткнувшись лицом в окровавленный, порванный пиджак.

Тегеран

На белом мраморе галерей колыхались полотнища разноцветных, ярких ковров. Торговцы, вернувшиеся с намаза, мыли полы. На деревянных прилавках громоздились подносы с ореховым печеньем, сахарной ватой, пахлавой с розовой водой, миндалем, и пирамидами нуги. На переносном очаге грелось масло для пончиков.

В чопорной кондитерской «Бахар», хорошенькие девушки, щебетавшие по-французски, укладывали сладости в фирменные, картонные коробочки, перевязывая их атласными лентами. На рынке покупателям выдавали бумажные пакеты, а многие просто ссыпали миндаль в карман.

На каменных плитах пола блестели золотые отсветы. Хозяева распахивали ставни ювелирных лавок, вывешивали на двери длинные нити лазоревой бирюзы, и серебряные четки с агатом.

По коридору бродил посланец из ближайшей мечети, нараспев читавший суру Аль-Хадж:

– Принесение в жертву верблюдов Мы установили для вас в качестве обряда, предписанного Аллахом. Для вас в этом польза..., Благословенен праздник жертвоприношения! – через неделю начинался праздник Ид аль-адха. Правверные покупали животных, для исполнения обряда. Посланец заглядывал в лавки, собирая деньги для бедняков.

На пороге рыночной харчевни пахло чечевичным супом. Вареву готовили на маленьком огне, с вечера, и подавали торговцам и грузчикам после утренней молитвы. Пол устилали потрепанные ковры, веяло бараниной и специями. В углу, рядом с низким, резным столом, устроились два европейца. Имам окинул их цепким взглядом:

– Должно быть, за покупками пришли. Одеты хорошо, однако они жертвовать не собираются..., – загремела копилка, опять зазвучала сура. Максимилиан окунул свежeweпеченную лепешку с фарфоровую пиалу с каймаком:

– Попробуйте, герр Швальбе. Персидская кухня удивительно хороша..., – он потянулся за плоской с янтарным, горным медом.

Каймак, мед и горячие лепешки были только началом завтрака. Они ожидали омлета с зеленью, соленого сыра, и крепкого кофе, с пряностями. В дорогих отелях подавали каспийскую икру, осетрину, и круассаны, но штандартенфюрер фон Рабе не гнался за роскошью. Они с Петром Арсеньевичем без приключений перелетели границу. В пустынном, безлюдном районе их ожидал давний агент СД в стране, гауптштурмфюрер Майер. Он отлично владел персидским и армянским языками. Макс учился с Майером в Гейдельберге. В университете будущий резидент в Иране занимался ориенталистикой.

Легкий самолет они подожгли. Майер доставил их на машине в Тебриз, где они и распрощались. Рейхсфюрер СС запретил Максy входить в контакт с посланцами СД в стране:

– Вы в Тегеран отправляетесь не для такого, – заметил Гиммлер, – и, в любом случае, думаю, что большинство наших агентов арестуют..., – Максимилиан, и Петр Арсеньевич удачно прибыли на поезде из Тебриза, за несколько дней до того, как иранская полиция начала прочесывать гостиницы и пансионы города.

– Иранская полиция, – хмыкнул Макс, сидя на кованом балконе номера, – проще сказать, силы союзников и русских...

Они остановились в скромной гостинице, рядом с парком Шахр, в удобном соседстве с дворцом Голестан, Национальным Музеем Ирана, и огромным, городским базаром. Штандартенфюрер успел побывать в мраморном тронном зале дворца, открытом для посетителей. В музее он оценил керамику и миниатюры.

В Тегеране свободно продавались английские и американские журналы. Купив Life, Максимилиан показал Петру Арсеньевичу цветное фото царствующей семьи. Ее императорское величество, королеву Ирана Фавзию, сняли с мужем, шахом Мохаммедом Реза Пехлеви. Королева носила летнее платье, едва прикрывающее колени, с коротким рукавом. Стройные руки унизывали бриллиантовые браслеты, она слегка улыбалась. Голубые глаза Фавзии напомнили Максиму его алмаз.

Кольцо он сюда не привез, оставив драгоценность в сейфе, на Принц-Альбрехтштрассе. Забрав у штурмбанфюрера икону, Максимилиан, наставительно, сказал:

– Герр Швальбе, вы родились в немецкой части Швейцарии. Вы католик, как и ваш спутник, герр Лернер, то есть я. Вам нечего делать в православной церкви, даже если в Тегеране такая и найдется..., – церковь Николая Угодника нашлась, как и католический собор Святого Сердца Христова, где Швальбе и Лернер посетили мессу. Максимилиан не сомневался, что НКВД давно прочесало русских эмигрантов в Тегеране. Он строго запретил Мухе показываться у церкви:

– Здесь могут работать ваши бывшие коллеги, – усмехнулся Максимилиан, – вас узнают, начнутся..., – он щелкнул длинными пальцами, – осложнения. Ходите со мной на мессу и ведите себя тихо, – подытожил он.

Шах Мохаммед Реза получил престол два года назад, после отречения его отца и оккупации страны союзными частями, вкуче с Красной Армией. Страной заправляли военные.

Судя по снимкам, шах предпочитал проводить время за развлечениями, катаясь на горных лыжах и яхтах:

– Неудивительно, – подумал Макс, – имея такую жену, я бы и шага из спальни не сделал..., – на фото шах держал на коленях пухлую малышку. Принцесса Шахназ тянулась к розе. Максимилиан, внимательно, изучил платице и туфельки трехлетней девочки:

– У моей принцессы тоже будет все самое лучшее. Мы назовем ее Фредерикой, в честь мамы..., – он объяснил Петру Арсеньевичу:

– Мы, к сожалению, упустили возможность склонить Иран на нашу сторону. Персы потомки древних ариев. Бывший шах Реза восхищался Германией. Он, в конце концов, начал, как офицер, военный министр..., – Реза захватил власть после переворота, закончившего правление династии Каджаров:

– Были бы мы дальновиднее, – завершил Макс, – иранцы бы стали членами НСДАП, а каспийская нефть потекла бы в Германию..., – он полистал журнал:

– Посмотрите, сестра нынешнего шаха. Просто какой-то заповедник красавиц..., – весело заметил Макс:

– Но вы жених, – он подмигнул штурмбанфюреру, – вам не след заглядываться на других женщин..., – в Иране, в отличие от Марокко, горожане одевались по-европейски. Хозяин пансиона до войны навещал Швейцарию, и хорошо говорил на немецком языке. Он пожимал плечами:

– В деревнях, конечно, носят традиционный костюм, но мы современная страна. Женщины не надевают чадру. Они учатся в университетах, работают, водят машины. После войны Иран преобразится, уверяю вас..., – герр Швальбе и герр Лернер ни у кого не могли вызвать подозрения.

В подлинных, швейцарских паспортах стояли подлинные, иранские визы, за подписью консула страны в Берне. О бумагах позаботились резиденты СД в Швейцарии. Все вещи коммерсантов, от багажа до белья, сделали в нейтральных странах, Америке, или Британии.

Максимилиан отправил Петра Арсеньевича на несколько занятий с носителем подлинного акцента. Муха схватывал хорошо. Его речь теперь нельзя было отличить от говора уроженца Цюриха. За свой акцент Макс не беспокоился. Он с легкостью переходил на швейцарский диалект. Уезжая из Берлина, он еще раз проверил сведения из гестапо в Копенгагене.

Максимилиан разослал фотографии сгинувшего в Эресунне полковника Кроу, в Гамбург, и в Любек. Пока среди арестованных его не нашли. Макс надеялся, что брат 1103 пошел ко дну:

– Я и о 1103 так думал, – вздохнул штандартенфюрер, – а она восстала из мертвых, что называется. Нет, рано его хоронить. Мерзавца могли подобрать шведы..., – принесли пышный омлет, с белым сыром и травами. Максимилиан передал Мухе бутылочку темного стекла:

– Гранатовый соус. Вы рассказывали о грузинской приправе, похожей..., – в коридорах, становилось шумно. Открывали лавочки менялы, заунывно играло радио, кричали торговцы. Максимилиан насторожился, услышав снаружи английскую речь.

Голос, с гнусавым прононсом, сказал:

– Пойдемте, майор Горовиц. Такие заведения не имеют ничего общего с гигиеной. Господь его знает, что в них можно подхватить. Они даже туалетной бумагой не пользуются, прошу прощения за откровенность. Бирюзу надо покупать здесь..., – перегнувшись через стол, Макс шепнул Мухе:

– Американец появился. Значит, недолго ждать англичан..., – он снабдил Муху снимками герра Холланда и брата доктора Горовиц. Макс не хотел показываться старым знакомцам на глаза, а о Мухе они понятия не имели. В НКВД хорошо учили наружному наблюдению, Макс был уверен, что герр Швальбе себя не выдаст.

Допив одним глотком кофе, Муха выскользнул наружу. Помахав хозяину, обаятельно улыбнувшись, Макс показал на кувшинчик, тусклого серебра. И кофе, и чай здесь варили отменно. Закурив американскую сигарету, он вынул черный блокнот. Макс хотел набросать план будущего крыла для восточных древностей, в галерее:

– Мы преподнесем часть коллекции фюреру и народу Германии, – решил он:

– Назовем музей нашим именем..., – Макс собирался привезти домой ковры, керамику, серебро и несколько древних манускриптов:

– Расположим комнаты рядом с античной коллекцией..., – он чертил, насвистывая себе под нос:

– Думаю, мистер Горовиц не преминет встретиться с герцогом Экзетером. Они родственники, старые друзья, товарищи по оружию. Сейчас я герра Холланда не упущу, обещаю..., – перед ним поставили стаканчик, пахнувший кардамоном. Максимилиан, блаженно, закрыл глаза: «Он мне расскажет, где спрятали мою драгоценность...»

Меир Горовиц ухитрился стряхнуть назойливого, третьего атташе посольства, только к обеду. Мистер Уоррен, прямой потомок переселенцев с «Мэйфлауэра», бостонский брамин, как их называли в Новой Англии, кажется, считал Тегеран воплощением ада на земле.

Услышав фамилию Меира и его нью-йоркский акцент, Уоррен, будто бы невзначай, поинтересовался, давно ли семья Горовицей живет в США. Меир привык к подобным вопросам. Горовицей в стране было много:

– Мой предок прибыл из Бразилии в семнадцатом веке, – отчеканил майор, – а еще один мой предок, герой Войны за Независимость. Мой покойный брат, кавалер Медали Почета..., – Меир знакомился с атташе на аэродроме, еще в военной форме. Искоса посмотрев на орденские планки, на майорские погоны, Уоррен, немного смутился.

Меир прилетел в Тегеран, через Северную Африку, привезя десяток ребят из Секретной Службы. Здешние специалисты готовили здание британского посольства к визиту президента. Меиру и его команде предстояло проверить все необходимое, и устроить совместное совещание с британцами. К русским они не приближались, такое оставалось обязанностью дипломатов.

Меир не значился в официальном списке делегации, в отличие от полковника Горовица. Мэтью прилетал с основным составом участников. Кузен делал закрытый доклад

о научном потенциале Германии, на встрече британской и американской разведок. Будущую операцию, между собой, они называли «Скрепкой». Зоны оккупации Германии еще не разграничили. Обсуждением раздела страны собиралась заняться тройка, на конференции.

После возвращения Меира из Италии, на обеде у Вилларда, Мэтью заметил:

– Британцам, хоть они и союзники, мы, ясное дело, всего говорить не собираемся. К их чести, надо сказать, что они не утаивают полученные от агентуры сведения..., – Меир знал о ком идет речь, но имени Генриха произносить не стал:

– Незачем. Джон меня после Амстердама попросил такого не делать, я и не буду. С точки зрения безопасности, чем меньше болтаешь, тем лучше. Даже с родственниками..., – британцы сообщили, что нацисты отзывают с фронтов ученых. Мэтью хмыкнул:

– Мне такое не нравится. Они могут вывезти элиту, не дожидаясь падения рейха..., – союзники еще не дошли до Рима, а русские, до границ СССР, но о победе все рассуждали, как о деле решенном. После разгрома вермахта под Курском, успеха итальянского десанта, и взятия Киева, никто не сомневался в падении Германии. Оставалось поделить шкуру почти мертвого медведя.

Меир вдохнул аромат отличного, довоенного бордо:

– И куда они собираются отправлять ученых, Мэтью? Только в нейтральные страны, или в Японию. Но Япония тоже капитулирует..., – кузен отозвался:

– У них столько подводных лодок, что за всеми не уследить..., – он достал из блокнота маленькую карту Германии:

– Полигон в Пенемюнде, урановое месторождение, и силезская промышленность, останутся в руках русских. Нам такое совсем ни к чему..., – по словам Мэтью, большой доклад был формальностью:

– Поговорим о немецких ученых, – он скрыл зевок, – обсудим правила обращения с бывшими нацистами..., – Меир возмутился:

– Не существует бывших нацистов. Ты не воевал, а я..., – полковник коснулся шрама на щеке:

– Воевал. Мы не можем сажать Гейзенберга, или фон Брауна на скамью подсудимых. Они члены НСДАП, но такое, не более, чем формальность..., – кузен спохватился:

– Хватит о работе. Поздравляю с помолвкой. Она замечательная девушка..., – объявления в газетах не печатали, новости оставались семейными. Мэтью прислал дорогие, серебряные подсвечники от Тиффани.

С Иреной все шло по-прежнему. Меир убеждал себя:

– Не думай о таком. Она тебя любит, всегда будет любить. И ей, кажется, хорошо..., – Ирена плакала, когда он вернулся из Италии с левой рукой на перевязи. Ранение, впрочем, было легким, к праздникам повязку сняли. Перед полетом в Тегеран Меиру дали небольшой отпуск. Он, с удовольствием, возился с племянником. Аарон выросил два зуба, и уверенно сидел. Малыш хлопал в ладошки, завидев на газонах парка, среди палых листьев, белых, голубей. Птицы опять поселились на кухонном балконе Горовицей, заполнив старый, деревянный домик, времен их детства.

Пока Меир был на Сицилии, Дебора успела защитить докторат. После Хануки она возвращалась к работе в штабе военно-морского флота. По уклончивым словам невестки, Меир понял, что она возглавит группу лингвистов, шифровальщиков.

Меир прилетел на военную базу Лэнгли, в Виргинии, не ожидая увидеть кого-то из семьи. Он даже протер пенсне, правой рукой. По бетонному полю, навстречу дугласу, шел доктор Горовиц. Отец носил форму майора армии США, с коричневыми нашивками. Бронзовые змеи обвивали крылатый посох, символ медиков. Меир тогда еще не получил звание майора. Не веря своим глазам, он первым откозырял отцу.

За рулем прокатного форда, доктор Горовиц, сварливо, заметил:

– Не волнуйся. В моем возрасте, дальше призывного пункта для новобранцев, меня никто не пошлет. Осматриваю молодежь, вот и все... – Меиру показалось, что в серо-синих глазах отца промелькнула тоска. Об Эстер так ничего известно и не было. О сестре и ее мальчишках отец не говорил.

Меир только, осторожно, кашлянул:

– Я не должен тебе такого рассказывать... – доктор Горовиц усмехнулся: «Продолжай, если начал». Меир коротко объяснил, что на будущей конференции глав государств поднимется вопрос о высадке десанта во Францию. Отец только поинтересовался: «Когда?».

Меир развел руками:

– Следующим летом, папа... – то же самое он сказал и Ирене. Меир зарылся лицом в черные, пышные, пахнущие ванилью и пряностями волосы:

– Мы поставим хупу, милая, – тихо сказал он, – но надо сначала дожить до победы. Люди сражаются, в подполье, в партизанских отрядах. Надо им помочь... – на Сицилии они отлично взаимодействовали с местными ребятами. Рассказав Меиру о Волке, Джон добавил:

– Если он жив, он тоже здесь, в Италии, на севере. Но, судя по всему, мы его не скоро увидим, если вообще увидим... – Ирена обняла Меира:

– Я приеду в Европу. Я обещала Гленну спеть с его оркестром на Елисейских полях. Можно и хупу в Париже поставить... – она потерлась щекой о щеку Меира:

– Маме скажу, что это моя вина. Возьмем сироту, мальчика, девочку. Может быть... – Ирена осеклась, в темных глазах появилась грусть. Меир понимал, о чем идет речь:

– Если Эстер погибла, то близнецы остались круглыми сиротами. Осенью мальчишкам семь лет исполняется... – в Требниц, на территорию рейха, хода никому из них не было.

Атгаше Уоррен, в очередной раз, начал распространяться о грязи и антисанитарии. Меир, довольно холодно, сказал:

– Я воевал в составе диверсионной группы, в бирманских джунглях, мистер Уоррен. Мы выуживали не переваренные фрукты из навоза слонов... – ничего такого они не делали, но Меиру просто хотелось полюбоваться мертвенной бледностью на лице дипломата. Вспомнив Бирму, и базар в Рангуне, он отогнал мысли о Тессе:

– Не смей, такое бесчестно. И ты ей не нужен, калека... – Меир отговорился необходимостью посещения синагоги, куда протестант Уоррен ходить не собирался.

Меир заглянул на миньян, в синагогу Даниял. В тегеранском представительстве «Джойнта» ему объяснили, что там собираются польские евреи, беженцы. На молитве Меир вспомнил сержанта Авербаха:

– Он в Северной Африке оказался, когда спасся из Дахау. Его через Францию и Испанию переправили, а они... – Меир обвел взглядом молящихся, – советскую границу тайно переходили... – получив нашивки лейтенанта, Авербах остался в отряде коммандо. Сейчас он воевал где-то на пути к Риму.

После службы, за ароматным чаем и местным печеньем, Меир поговорил на идиш и польском языке. Он, осторожно, спросил о сестре, но люди вокруг него покинули Польшу в первый год войны. Ни о докторе Горовиц, ни об Аврааме Судакове, они ничего не знали. Многие намеревались после войны перебраться в Палестину:

– Британцы перекроют границы, как они сейчас делают, – ядовито сказал кто-то, – но если мы из СССР сбежали, то до Израиля тоже дойдем... – о возвращении в Европу речь не шла:

– Там ничего не осталось, – услышал Меир, – один пепел и дым... – несмотря на сведения о польских лагерях, бомбежки так пока и не начались.

Меир ждал, пока ему принесут плов с курицей и гранатовыми зернами:

– Уоррен, наверное, без бекона страдает, – усмехнулся майор Горовиц, – здесь такого не достать. Впрочем, британцы с провизией прилетят..., – утром, в комнате безопасной связи посольства он услышал веселый голос герцога:

– Мы покидаем Каир, скоро будем у вас. Запомни, встречаемся в кафе «Надери». Улица с таким же названием, армянский квартал..., – Меир взял в посольстве неприметный форд, без номеров. Для местной полиции у него имелась соответствующая бумага. В город он выходил в штатском костюме, с путеводителем, засунутым в карман, и картой, испещренной пометками.

– В Испании я тоже туристом притворялся..., – Меир вооружился новой моделью кодака, с мощным объективом. Они предполагали, что столица Ирана кишит немецкими агентами:

– Может быть, даже фон Рабе здесь появится..., – Меир рассматривал бархатные коробки с драгоценностями. Ирене и миссис Фогель он купил браслеты, лазоревой бирюзы. Меир пропустил между пальцами ожерелье, темно-зеленых камней, с жемчугом:

– Она такое платье носила, на новый год..., – невестка сняла траур, но одевалась в приглушенные тона. Меир помнил смуглую шею, с тонкой, золотой цепочкой, стройные плечи, черные, мягкие волосы, под шелковой береткой:

– Любовь моя, цвет зеленый. Прекрати, она вдова брата, а ты..., – он отпил кофе, не сводя глаз с ожерелья. За порогом забегаловки шумел рынок.

Думая о Деборе, Меир не поднял головы. Человек, которого в Испании он называл Красавчиком, быстро сделал несколько фотографий, маленькой, почти незаметной камерой: Петр бросил медь на лоток разносчика:

– Отлично. Посмотрим, куда мистер Горовиц меня приведет. Вернее, к кому..., – взяв стакан соленого кефира с мятой, Петр удобно устроился в полутемном углу рынка, не сводя глаз с американца.

На бархатной скатерти, над крохотной чашкой тонкого фарфора поднимался ароматный пар. Здесь подавали армянские сладости, пахлаву с грецким орехом, сушеные персики, тоже начиненные орехами, тонкие листы фруктовой пастилы. Слива оказалась терпкой, пряной, словно терновый соус, сваренный девочками и Кларой, на кухне в Хэмпстеде. Миссис Майер рассмеялась:

– Инге с Паулем в парке кусты обнаружили. Принесли корзину слив..., – из духовки вкусно пахло овощным пирогом. Клара засолила капусту. Съездив с детьми в Мейденхед, она собрала урожай в саду. Питер с Джоном отнекивались, женщина подняла руку:

– Пусть банки у вас в кладовых стоят. Ничего с ними не случится. После победы попробуете нашего варенья..., – Аарон и Густы, за деревянным, старым, кухонным столом, кое-как вынимали косточки из вишен. Маленькая леди Кроу перемазалась соком. Питер поцеловал ее куда-то в нос:

– Мы всем привезем подарки, обещаю..., – на задней странице блокнота майор Кроу составил целый список.

Джон, с аэродрома, поехал в британское посольство, где останавливались премьер-министр и президент США. Встречи тройки проходили в советском посольстве, напротив. Близлежащие улицы закрывали для автомобилей, между зданиями возводили затянутый брезентом коридор. Работники из Блетчли-парка проверяли коммуникации, и даже каналы-зационные трубы.

В самолете, Питер, довольно весело сказал:

– Наполеон и царь Александр совещались на плоту, посреди Немана. Можно было бы вообще тройку отправить куда-нибудь в Берингов пролив..., – герцог сидел на стальной лавке, вытянув ноги в проход, затягиваясь сигаретой:

– Американцы предлагали Аляску, – довольно желчно отозвался кузен, – но Сталин отказался. Он вообще, по слухам, никуда еще раньше не летал..., – Джон усмехнулся, – и он хочет оставаться ближе к фронтам. Что понятно, учитывая новости о взятии Киева..., – несмотря на победы русских, никто не ожидал от них выхода к границам СССР, до конца года:

– Невозможно, – отрезал Джон, – летом сорок первого немцы застали их врасплох, уничтожив авиацию. Они, за один день, устраивали танковые прорывы. Впереди зима, танки не пройдут по пятидесяти, миль за день. И немцы отлично обороняются..., – это они поняли еще на Сицилии. Войскам союзников пока оставалось далеко до Рима, оккупированного вермахтом:

– Одна надежда, что бомбежки Германии повлияют на настроения в рейхе..., – заметил Джон. Отпив кофе, Питер взглянул на календарь в блокноте:

– Сегодня они начинают атаковать Берлин. Больше четырех сотен самолетов, с нашей стороны. Джон говорил, что группа Генриха потеряла двоих человек, в бомбежках..., – с таким было ничего не сделать. Герцог вздохнул:

– Мы предупреждаем их о будущих атаках, разумеется. Через Портниху..., – Портниха продолжала держать салон в Брюсселе. С Монахом тоже было все в порядке.

– В отличие от Волка..., – недовольно пробормотал Питер, – непонятно, жив он, или нет..., – южные партизаны, в Италии, о северных ничего не знали. Передатчиков в стране не водилось. После возвращения из десанта Питер уехал на заводы, в Ньюкасл. Бомбежки Люфтваффе почти прекратились. Надо было восстанавливать производство, выводя его на довоенные мощности. О постройке новых заводов пока речи не шло, но армии и флоту, в преддверии будущего десанта, во Франции, требовались сталь и боеприпасы:

– Не говоря о пенициллине, который нужен всем и каждый день..., – уставая ворочаться в постели скромной, холостяцкой квартиры, Питер поднимался до рассвета, и варил себе кофе. Завтракал он в столовой инженеров, отдавая карточки. Он часто начинал утреннее совещание прямо за столом. Питер старался не думать об Уильяме, потерявшемся где-то в России:

– Волк его привезет домой, – убеждал себя Питер, – по словам Джона, он из тех людей, что не оставляют обещаний невыполненными..., – Питер, все равно, вспоминал мальчика, белокурого, сероглазого, которому он приносил машинки, и пел колыбельные:

– Где он, что он с ним сейчас..., – под размеренный звук моторов дугласа, Джон заметил:

– Не вздумай, пожалуйста, нелегально переходить советскую границу. Или легально. В общем, не вздумай. Максим говорил, что Уильям в безопасности..., – Питер посмотрел в иллюминатор:

– Над Израилем пролетаем..., – Джон, кисло, ответил:

– И такое тоже не вздумай произносить при наших ястребах, как их называют американцы. Палестина, и больше ничего. Беженцы добираются до страны, даже сейчас..., – нелегальных иммигрантов, пойманных при переходе границы, посылали в лагеря интернированных, на Кипре. Питер искоса взглянул на Джона:

– Люди спаслись от Гитлера, а мы не разрешаем им жить на своей земле..., – герцог смял окурки в пепельнице:

– Такого тем более говорить нельзя, как ты понимаешь.

Посадку в Лоде они не делали, Питер отправил письма Клары матери из Каира. Он послал и большое письмо Ционе:

– Девочка совсем одна, – сказал он Джону, – она подросток, пятнадцать лет. О ее дяде два года никто, ничего не слышал. Надо ее поддержать, если мы в Израиль не заглянем..., – несмотря на ворчание кузена, Питер, упорно, называл Палестину Израилем.

В Ньюкасле он виделся со своими детьми, как иногда, про себя, думал Питер. Судетские беженцы обжились в приемных семьях, ходили в школы. Старшие мальчики собирались записываться в армию. Многие прибавляли себе года, чтобы оказаться в военной форме. Джон развел руками:

– Как проверишь? В документах беженцев ставят год рождения со слов человека..., – Питер, тогда, подумал:

– Хоть бы они выжили. Аарон погиб, Эстер и Авраам без вести пропали, о Виллеме ничего не слышно. Мальчики Эстер в обители, но все равно, они в на территории рейха, в опасности. Хватит и того, что их сестра умерла..., – за бархатными занавесями кафе шумела главная улица армянского квартала.

Прилетев в Тегеран в штатском костюме, Питер остановился на одной из надежных квартир, неподалеку от резиденции посла Его Величества:

– Мэтью тоже доклад делает, – вспомнил Питер, – но закрытый, в отличие от моего..., – о подробностях доклада американского кузена Джон не распространялся. Понятно было, что речь пойдет о разделе научного потенциала Германии.

Питер ехал с аэродрома на посольской машине. Миновав улицу, где стояло советское представительство, он проводил глазами красный флаг, с серпом и молотом:

– Прийти к ним, написать официальный запрос о судьбе полковника Кроу, о Констанце..., – о таком Питер, в присутствии Джона, даже не стал упоминать. Ясно было, что и кузена Стивена, и Констанцу надо искать по серым, как их называл герцог, каналам:

– Подожди, – успокоил его Джон, – Волк отправится за Уильямом, после войны. Он возьмет на себя и эту миссию..., – с подиума зазвучало пианино. Здешний музыкант играл песню Пиаф. Питер слышал мелодию, в Северной Африке, перед высадкой на Сицилии:

Mais quand les histor's son trop jolies,
Ça ne peut pas durer toujours..
C'«était une histoire d'amour
Dont rien désormais ne demeure...

Он вспоминал старое танго, которое играл тогда еще сержант Авербах, в столовой на острове Пантеллерия:

– Сэм не верит, что его жена и сын погибли..., – Питер подавил желание опустить голову в руки, – он обещал всю Европу перевернуть, а их найти. И Мишель не верит..., – дядя Джованни о Лауре не говорил. Клара только вздыхала:

– Она жива. И Джованни так считает, и я. Она, наверное, в тюрьме, в лагере..., – в начале осени пришли новости из Франции. До Маляра добрались слухи, что Монахиню держат в блоке для подпольщиков из Западной Европы, в лагере Нойенгамме, рядом с Гамбургом. Кузен Мишель хотел завербоваться на военные заводы, с чужими документами, и отправиться в рейх. Никто, конечно, ему такого не позволил. Все понимали, что Лауру давно расстреляли, и гестапо просто хочет выманить Мишеля в рейх.

– Она, скорее всего, призналась, что Мишель ее муж, – Питер и Джон сидели на Ладгейт-хилл, за бутылкой виски, – немцы знают, чем он занимался, до войны. Фон Рабе знает..., – опустив шторы затемнения, они зажгли настольную лампу.

Джон, устало, добавил:

– Лично де Голль запретил Мишелю, куда бы то ни было ездить. Мишель знает, где находится Мона Лиза и остальные сокровища Лувра..., – Питер повертел стальную зажигалку:

– Картины нам дороже людей, честно воевавших с немцами..., – Джон пожал плечами:

– Я не могу спорить с решением французского правительства в изгнании. И Мишель не может. Он офицер, и подчиняется главнокомандующему, то есть де Голлю. Что касается честности, то Лаура выдала randevu в форте де Жу, где был ее собственный муж... – Питер только дернул щекой:

– Она понятия не имела, что Мишель туда собирается. И мы с тобой не были в немецком плену, мы не можем судить других... – герцог возразил:

– Она знала, что там Монах. Он обо всем догадался, уверяю тебя. Ты его сам видел. Даже если Лаура и выжила, ее бы приговорило к смерти Соппротивление. Монах не поколеблется...

Питер слушал мягкую игру пианиста:

– Фон Рабе арестовал и Лауру, и Тео. Тео повесили, Лауру тоже казнили... – Маляру велели покинуть Лион, и залечь на дно, в безопасной парижской квартире. Драматургу поручили за ним присмотреть:

– Пусть делает фальшивые документы и сидит тихо, до следующего лета, – подытожил герцог.

– И Элен фон Рабе убил. Мы тогда опасались, что она выдаст кого-нибудь. Она молчала, бедная моя девочка... – Питер, бездумно, чертил в блокноте линии. Скоро должны были появиться кузены. Он не хотел шелестеть листами, не хотел смотреть на эскиз, в середине тетради. Художник нарисовал лицо после разговора с Инге, когда в Англию переправили Нильса Бора.

Если бы Питер взглянул за окно, за бархатные занавеси, на залитую вечерним, осенним солнцем, усыпанную сухими листьями, улицу Тегерана, он бы увидел человека, изображенного в блокноте. Петр довел жида, как он презрительно называл мистера Горовица, до газетного ларька, по соседству с кафе «Надери». Американец рассчитался за глянецевый журнал. Судя по всему, мистер Горовиц чувствовал себя в Тегеране в полной безопасности.

– Ненадолго, – Петр достал камеру из кармана замшевой, шведской куртки, – впрочем, нас больше интересуют англичане... – он узнал человека, поднявшегося навстречу мистеру Горовицу. Мужчины обнялись. Стоя за большим окном кафе, Петр, аккуратно, сделал несколько снимков. Он хорошо помнил четкий профиль, легкую седину в каштановых висках. В Берлине он видел фотографии двоюродного брата:

– У него тоже глаза лазоревые. Его светлость говорил... – пропавший в пражской канализации мистер Кроу махнул официанту.

– Подождем Холланда, – Петр отошел к давешнему газетному ларьку. Взяв пачку сигарет и The Times, он заглянул в армянскую забегаловку, напротив. Штурмбанфюрер заказал лимонад с лавашом. Внимательно изучая газету, Петр не сводил взгляда с входа в кафе.

Меир много раз видел и старинный крестик кузена Питера, и тусклую оправу медвежьего клыка. Он опять полюбовался тонкой работой средневекового ювелира, и уверенной тяжестью старого, пожелтевшего зуба. Питер кивнул:

– Джон мне показывал гравировку, дерево и семь ветвей. Только вряд ли мы узнаем, что значит рисунок... – они заняли отдельный кабинет кафе.

В армянском квартале продавали хороший коньяк, прямо из СССР. Джон повертел бутылку, с золотыми медалями:

– Арарат, три звездочки, отличное бренди... – Меир рассмеялся:

– Я слышал, что Черчилль каждый день выпивает бутылку армянского коньяка... – Джон подвинул к себе серебряный поднос, с крохотными рюмками:

– Выпивает. Называется «Двин». Русское посольство бесперебойно снабжает Даунинг-стрит... – принесли острые, маринованные перцы, соленый сыр, лаваш с пучками свежей зелени и бастурму. В запотевших бутылках шипела минеральная вода.

В гостиницах и ресторанах, куда ходили западные дипломаты и коммерсанты, алкоголь продавали без ограничений. Джон объяснил:

– Мне об этом кафе ребята в Каире рассказали. Здесь только местные, некому нас подслушивать..., – окно комнаты выходило в ухоженный, с пожелтевшей травой сад.

Пока стояло сухое тепло середины ноября, но зимой в Тегеране часто шел снег. Белые вершины гор окружали город, до лыжных курортов был какой-то час езды. Джон махнул на север:

– Стоит перевалить через хребет и опять начнется жара. Пять часов на машине до Каспийского моря, но купаться нам, я думаю, не суждено..., – конференция открывалась через неделю. Вернув Джону клык, Меир подмигнул: «Ты сюда тоже белый смокинг привез?» Герцог не смог сдержать улыбки:

– Здесь не тропики, дорогой майор Горовиц. В любом случае, прием ожидается только один, а в остальном, они обедают приватно...

Меир вытащил номер Life, купленный в ларьке, у кафе:

– Зато я знаю, кто выступит на приеме..., – номер был старым, летним, но сведения Меир привез совершенно точные. Ирена снабжала его голливудскими новостями. Девушка вздохнула:

– Я бы и сама в Северную Африку полетела, милый, но мама будет волноваться..., – миссис Фогель не расставалась с маленькой книжечкой Псалмов, аккуратно уложенной в сумку. Когда дочь отправлялась на Гавайи, миссис Фогель не только читала Псалмы, но и делала пожертвования, в синагоге:

– Не помешает, – поджимала она губы, – за малыша тоже молились..., – у миссис Фогель за спиной имелось несколько поколений берлинских врачей, адвокатов и музыкантов, но мать Ирены верила в дурной глаз. Питер посмотрел на обложку. Хорошенькая, юная девушка, в авиационном комбинезоне, сидела на крыле самолета, мечтательно глядя вдаль:

– Ученик пилота, Ширли Слейд..., – прочел Питер:

– Хорошо, что вы женщин пускаете в авиацию, и морской флот. Она что, еще и петь умеет? – лазоревые глаза блестели смехом. Меир отобрал у кузена журнал:

– Не она. Вот кто сюда летит..., – майор Горовиц не мог не признать, что удовольствие от вида изумленных лиц кузенов было немалым. Она сидела, в полувоенном кителе, у постели раненого солдата. Длинные пальцы держали ручку, она расписывалась на загипсованной ноге. Она едва заметно улыбалась, подняв глаза на фотографа:

– Мисс Дитрих поет на приеме, – торжествующе сказал Меир, – с оркестром. Она сейчас в Алжире, и скоро направляется сюда. Придется нам доставать смокинги..., – он закурил, – но только мне, как обычно, выпадет слушать Марлен из-за двери..., – у Меира был большой опыт работы на приемах, в Белом Доме. Он вспомнил:

– Эстер все говорили, что она на Марлен Дитрих похожа. Кинжал тоже пропал, вместе с ней. Что только не пропало..., – герцог объяснил, что передатчиков в Польше мало:

– Они пользуются рациями с большой осторожностью. В лесах, в партизанских отрядах, им вообще на связь не выйти..., – он положил руку на плечо Меира:

– Не волнуйтесь. Эстер, скорее всего, спаслась, и воюет врачом. Она знает волну Блетчли-парка. Доберется до передатчика, и мы ей сообщим, что близнецы живут в Требнице. Дяде Хаиму не надо ехать в Европу..., – Меир мотнул головой:

– Никто его и близко к десанту не подпустит. Ему седьмой десяток идет..., – глядя на Марлен Дитрих, Джон тоже подумал об Эстер. Он вспоминал длинные ноги, жаркие, круглые колени, распущенные волосы, падавшие ему на плечо:

– Она сказала, что не любит меня. Тогда, в Венло. И Роза меня не любила, она только на Монаха смотрит..., – Джон оборвал себя:

– Хватит. Лететь в Польшу тебе нельзя, из соображений безопасности. Да и где искать Звезду? От документов сестры Миллер она еще в Праге избавилась. Мы не знаем, какие у нее теперь бумаги, если они вообще имеются..., – о человеке, изображенном на эскизе художника, они знали еще меньше.

– В общем, как я и предполагал, – подытожил Питер, – один из братьев Вороновых, моих кузенов, выполняет задания советской разведки, в рейхе. К Бору он явился по приказу Москвы, а вовсе не затем, чтобы организовывать бегство евреев..., – почти всю общину Дании спасли, переправив людей на лодках, через Эресунн, в Швецию:

– Он бороду отрастил, – заметил Питер, – изобразил акцент, в немецком языке..., – Меир хмыкнул:

– Но, по твоим словам, Бор слышал выстрелы, с преследовавшего их лодку немецкого катера. Стефана, если его, действительно, так зовут, ранили, он упал в воду...

Питер опрокинул рюмку коньяка:

– Мы понятия не имеем, как его зовут. Бору он мог, кем угодно представиться. Он ему никаких документов не предъявлял. Он, якобы, пришел с рекомендациями Красного Креста, но это только его слова. Сами знаете, на войне люди не заботятся о бумагах. Особенно, если речь идет о жизни и смерти..., – Питер и Джон были уверены, что на шведском берегу Воронова ждал десант русских:

– Они бы перестреляли шведов, как они сделали с норвежцами, погрузили Бора в самолет, а мы бы опять винили во всем немцев..., – желчно заметил Джон:

– Но вовремя подвернулся пограничный катер. В общем, думаю, что мистер Воронов, или гауптштурмфюрер, появившийся в форте де Жу, покоится на дне Эресунна..., – Питер налил себе еще рюмку:

– С точностью такого утверждать никто не может. Но мы знаем, что он выдавал себя за Стивена, что он..., – Питер поискал слово, – навещал Констанцу..., – Меир сдвинул пенсне на кончик носа. Оказавшись в кабинете, он сбросил пиджак с галстуком и закатал рукава рубашки:

– Надеюсь, вы простите американские манеры..., – Питер смотрел на сильную руку, с недавним шрамом от ранения:

– Он был в плену. И Джон сидел в лагере. Не у нацистов, у японцев. Джон мог бы закончить Моабитом, до войны, но Эстер его спасла. Джон с Меиром ничего не сказали, в Бирме, даже своих имен. Но мы не знаем, как все сложится дальше..., – Меир рассматривал лицо предполагаемого родственника, советского разведчика.

Он потер гладко выбритый подбородок:

– Как я говорил, инуиты, наверняка, получили сведения о Стивене и Констанце, кочуя по Арктике. В СССР тоже живут инуиты. На севере, рядом с Аляской...

Меир вытряхнул из пачки сигарету:

– Думаю, мне стоит встретиться с кем-нибудь из, так сказать, теневого состава советской делегации..., – Джон, сначала, открыл рот, но потом согласился:

– Правильно. Наш с Питером интерес покажется подозрительным. У них имеется досье на Стивена и Констанцу. Они знают, что мы родственники..., – они боялись, что Москва забеспокоится, почувствовав неладное, и упрячет кузенов еще дальше.

– Я практически посторонний человек, – подытожил Меир, – сделаю вид, что у меня есть информация о месте нахождения Констанцы. Брошу крючок, посмотрю на их реакцию, и сделаем выводы. Джон у нас официальное лицо, – распорядился Меир, – поэтому, майор Кроу, готовьте автомобиль. Камера у меня есть. Последим за русским посольством, посмотрим, кто отирается у здания. Может быть, мои испанские знакомые попадутся на глаза..., – Меир хлопнул себя по лбу:

– Борода меня сбила с толка. Я его видел, в Испании... – майор Горовиц упер палец в рисунок, – я его про себя Красавчиком звал. Он на тебя похож, Питер, что неудивительно... – Меир взялся за вторую бутылку коньяка:

– Он разведчик, с довоенных времен... – хрустальные рюмки играли темным янтарем. Меир разгрыз острый перец:

– Теперь надо выпить за удачу. Я уверен, мы узнаем, где Москва держит великого физика и знаменитого аса... – рюмки зазвенели. Тонкий звук отозвался в подвесках старомодной, большой люстры. Меир почувствовал на языке сладкий, кружащий голову вкус:

– Узнаем, где они, – добавил Меир, – и решим, что делать дальше.

Он завернул траву в тонкий лаваш:

– Надо в Америку коньяк с икрой привезти. Папе понравится... – Меир, довольно бодро, сказал: «И никому не придется нелегально переходить границу».

– Наверное, – вздохнул майор Горовиц, про себя. Вслух, он заметил: «Закажем еще бутылку, а там посмотрим».

Максимилиан перебирал длинными, ухоженными пальцами фотографии.

Не желая обращаться в ателье, герр Лернер и герр Швальбе привезли в багаже все необходимое для проявки пленки, и даже портативную, красную лампу. Получив от Мухи катушки, Максимилиан быстро оборудовал в просторной ванной комнате, выложенной изразцами, рабочее место. Пленку в американский кодак зарядили цветную.

Засучив рукава рубашки, штандартенфюрер склонился над легкой, небольшой ванночкой из плексигласа. Острый запах химикатов, тусклый, рассеянный свет, напомнил ему о лаборатории в лондонском посольстве, где он проявлял снимки Далилы.

Здесьнее дипломатическое представительство рейха закрыли летом сорок первого года, когда союзные войска и Красная Армия оккупировали Иран:

– Не то, чтобы нам понадобились дипломаты, – усмехнулся Макс, в разговоре с Мухой, – понятно, что даже без вторжения немецкое посольство держали бы под надежным колпаком. В Швеции и Швейцарии не протолкнуться от ваших бывших коллег, – он тонко улыбнулся, Муха покраснел, – от англичан и американцев... – тем не менее, существовали страны, где немцы могли себя чувствовать свободно.

На закрытом совещании, с рейхсфюрером СС, они обсудили финансовые отчеты. Деньги шли из Цюриха в Буэнос-Айрес. Аргентину они выбрали, из-за близости к последнему плацдарму:

– Но не только, – поднял палец Гиммлер, – в стране большая немецкая община. Они всегда были лояльны идеям фюрера и партии. Взять хотя бы семью вашей невестки, – Гиммлер зашуршал бумагами, – до переезда в Швейцарию ее родители были столпами, так сказать, системы, поддерживали наши начинания... – немцы в Аргентине и близлежащих странах, с готовностью, помогали рейху.

Из Буэнос-Айреса прислали красивые, четкие, цветные снимки. Земля в стране стоила дешево. На подставное имя был куплен старый отель, на берегу озера, в глубине Патагонии, на чилийской границе. Если бы Макс не знал, где сделали альбом, он бы подумал, что перед ним Альпы. Снежные вершины гор окружали глубокую, небесную лазурь воды. Каменистые, поросшие соснами склоны уходили вверх, к ледникам.

От Ушуайи, порта, через который лежал путь к последнему плацдарму, озеро отделяло всего пятьдесят километров:

– Дорога почти непроходима, – заметил Гиммлер, – грузы переносят местные индейцы, как в прошлом веке... – аргентинскую базу они собирались использовать, как перевалочный пункт:

– Отправим туда ученых, – Гиммлер, со значением, посмотрел на Макса, – пусть занимаются своими делами. Нам требуется оружие возмездия, с удаленным управлением, требуется бомба... – Максимилиан считал, что пока рано готовиться к отступлению. Они с Гиммлером не упоминали о сепаратных переговорах, но все понимали, что такая возможность существует:

– В конце концов, – думал Макс, – Германия всегда была и остается оплотом западной цивилизации. Мы гораздо ближе к англичанам, и американцам, чем дикие славяне. Рузвельт и Черчилль не допустят, чтобы Сталин заполнил Европу варварами, несущими большевистские идеи... – по мнению Макса, даже тщательно отобранные славяне, вроде Мухи, не были способны думать самостоятельно:

– У них в крови подчинение. Столетия крепостного права дают о себе знать. В Европе крестьян освободили гораздо раньше. Тем более, любой расторопный человек мог собрать отряд, стать феодалом, сам получить титул. Взять, например, предков Виллема... – Максимилиана всегда успокаивали разветвленные генеалогические таблицы. На досуге он любил пролистывать Готский альманах, где, разумеется, значились графы фон Рабе.

Максимилиан, всегда, с некоторой грустью, понимал, что у бывшего соученика кровь древнее:

– Мы родственники прусских монархов, но по материнской линии. У нас новый титул, а семья Виллема ведет начало с девятого века... – Макс, правда, подозревал, что прямой предок соученика, некий граф Эренфрид Первый, из Маасгау, до обретения титула служил простым наемником. О происхождении графа Готский альманах сведений не имел:

– Но девятый век, – вздохнул Макс, – с таким не поспоришь. Предок Мухи, варяг, тоже был наемником. И предок герцога Экзетера... – если судить по фото, со времен Венло, герр Холланд тоже повзрослел.

– Ничего, – успокоил себя Макс, – я женюсь на девушке отличных кровей. В Венгрии много аристократов... – следующим летом штандартенфюрер отправлялся в Будапешт. Европейские депортации, к тому времени, заканчивались. На очереди оставались только венгерские евреи. Они ожидали, что адмирал Хорти уступит напору рейха и согласится на размещение в стране дивизий СС:

– Мы с Эйхманом займемся жидами, – хмыкнул Макс, – и я обещаю, фиаско, как в Дании, мы не потерпим... – Гиммлер остался недоволен исходом датской миссии. Проклятые шведы успели вывезти из страны семь тысяч евреев, почти всю общину. Жалкие три сотни заложников, отправленные в Терезин, были только каплей в море. Красный Крест забрасывал оккупационную администрацию в Дании требованиями разрешить визит в концлагерь, куда послали евреев из Копенгагена.

Максимилиан уверил Гиммлера, что в Венгрии ничего подобного не случится. Товарные вагоны шли из Будапешта, прямо в Польшу.

Он щелкнул зажигалкой, рассматривая лицо герра Холланда. Герцога сняли в армянском кафе:

– Три товарища, – вспомнил Макс, – однако мне нужен только один...

Ремарка в рейхе запретили. Макс читал роман в датском издании, в тридцать шестом году. Штандартенфюрер покуривал, легонько касаясь глянцевых фотографий:

– Союзники согласятся на перемирие. Кого интересуют евреи, когда речь идет о научном потенциале, о новых разработках в военной промышленности? Скажем, что евреи умерли в трудовых лагерях... – в Польше тела убитых сжигались. Особые команды раскапывали рвы, куда в прошлом году сбрасывали трупы расстрелянных людей. Коменданты лагерей получили тайное распоряжение, в случае необходимости, отправлять контингент маршем к морскому побережью, где заключенных грузили на старые, списанные корабли.

– Корабли тонут... – штандартенфюрер стряхнул пепел в керамическую плошку:

– Прискорбно, но такое случается. Нашей вины в этом нет. Наоборот, мы спасали узников, хотели отправить их в нейтральные страны..., – тонкие губы улыбнулись. Макс не мог отсюда связаться с рейхом, однако Берлин хорошо защищали от воздушных налетов:

– Думаю, на вилле все в порядке..., – он хотел вернуться домой к первому дню рождения племянника, – но все равно, надо оборудовать бункер и заказать ящики, для перевозки картин. Папа всем займется. Но до такого не дойдет, я уверен...

За окном номера мерцали прохладные, вечерние звезды. Он отправил Муху в посольский район:

– На закрытые улицы не суйтесь, – распорядился штандартенфюрер, – вряд ли наши старые знакомцы живут в посольствах, но осторожность не мешает..., – Максимилиану требовалось выяснить, где обретаются мистер Кроу, герр Холланд, и мистер Горовиц.

Еврей ему, в общем, нужен не был. Штандартенфюрер смотрел на знакомое, простое пенсне, на слегка встрепанные, темные волосы. У мистера Горовица, за это время, появилась седина, на висках:

– Он меня младше, как и герр Петер..., – Макс, невольно, провел рукой по волосам, – однако я пока не седею. Впрочем, я светловолосый..., – с легкими морщинами, вокруг глаз, которые Максимилиан, с недовольством, видел каждый день в зеркале, было ничего не сделать. Он пользовался хорошим кремом, из аптеки Санта Мария Новелла, во Флоренции, и всегда спал с открытым окном:

– Мне еще тридцати четырех не исполнилось, – вздохнул Макс, – все из-за напряжения, ответственной работы..., – он, иногда, завидовал приятелям, в лагерях или даже на фронте, в айнзатцкомандах:

– Все просто, – размышлял Макс, – проводишь акции, отсылаешь в Берлин отчеты, золото, и спишь спокойно..., – мигал зеленый огонек радиоприемника.

Местные станции гоняли любимый Максом джаз и легкую, танцевальную музыку. Муха вернулся из армянского квартала не только с катушками пленки, но и с бутылкой советского коньяка:

– Мы такой коньяк до войны пили, ваша светлость, – робко сказал штурмбанфюрер, – я помню, что вам понравилось..., – Максимилиан не мог не признать, что русские держат марку. Коньяк пах жарким, летним солнцем, маревом над томной, южной землей, ароматным дымом виноградной лозы. Он слушал низкий, убаюкивающий голос:

Besame,
besame mucho
como si fuera ésta noche
la última vez...

Подсвистывая певице, Максимилиан отложил фотографии герра Кроу и мистера Горовица отдельно. Как бы ему ни хотелось узнать, где сейчас доктор Горовиц, или взглянуть в лазоревые глаза еще одного восставшего из мертвых, герра Кроу, но 1103 была важнее. Максимилиан устроил рядом со снимком герра Холланда скромный, но дорогой несессер, итальянской кожи. Среди ампул с лекарствами блестели иглы и шприцы:

– Не стоит тратить время на мелкую сошку. Герр Холланд расскажет, куда спрятали мою драгоценность, а потом..., – штандартенфюрер изящно повел рукой, – город здесь большой. Рынки, бойни, подозрительные кварталы. Его будут искать, но не найдут. А я ее отыщу, и заберу, непременно..., – Максимилиан не брал сюда рисунок, однако такого и не требовалось. Он помнил 1103, видел ее перед собой, как живую.

Отпив коньяка, он закрыл глаза, слушая музыку:

– Моя драгоценность жива, и скоро вернется ко мне. Муха все обставит, без сучка, без задоринки. Советский разведчик, у которого есть сведения о судьбе якобы погибшего полковник Кроу... – Макс даже рассмеялся:

– Петр Воронов, стойкий коммунист, героически водящий за нос нацистов. Майор, кажется. Да, майор... – зевнув, он повертел фото Холланда: «Буду рад увидиться еще раз, ваша светлость. В последний раз».

Неприметный, темный форд с залепленными грязью номерами, припарковали на углу тихих улочек Парс и Джамшид, куда выходил служебный подъезд посольства СССР. Квартал вокруг садов, где стояли британский и русский особняки, закрыли. Улицу Парс, огибающую хозяйственный двор посольства, перегораживал барьер, где расхаживали два охранника. Забрызганный недавним дождем форд стоял у витрины магазина некоего Новиняна. Лавка процветала, предлагая русские меха, саквояжи итальянской кожи, и американские, прочные чемоданы.

Армянский квартал располагался неподалеку. По дороге водитель форда остановил машину на улице Надери. Заглянув в забегаловку, он вернулся с увесистым, покрытым жирными пятнами пакетом, и двумя бутылками. Майор Кроу потребовал себе мятный лимонад, Меиру пришлось довольствоваться лимонным напитком.

– Кока-колу они тоже продают... – бумажный пакет расстелили между сиденьями, – но цены кусаются... – Меир не сводил маленького бинокля с кованных, высоких ворот посольства:

– Мятный лимонад я пил, – добавил майор Горовиц, – похоже на то, что у нас на юге делают... – вооружив Питера маленькой камерой, он велел снимать любые машины, буде они появятся на улице Парс и, тем более, заедут в посольство.

Питер вытер салфеткой смуглые, изящные пальцы:

– Кебаб здесь вкуснее, чем в Северной Африке. Джон говорил, что на приеме ожидается икра, бочонками, каспийский осетр, местный плов... – отсюда, с задворок посольства, здания британской резиденции видно не было. Меир сам проверял охрану. Кузен начертил Питеру маленькую карту:

– На центральную улицу, где стоит брезентовый коридор, никто из нужных нам людей не заедет. Они не хотят показываться на глаза журналистам, зевакам... – улицу Нофль-ле-Шато закрыли, для проезда и прохода, но газетчики успели возвести на углах несколько шатров. Фотокорреспонденты круглосуточно не сводили объективов с резиденций. Западные газеты писали о встрече тройки, но Меир подозревал, что в СССР пресса ничего не печатала:

– Опубликуют только официальную информацию, по итогам встречи. У них вообще мало правды в газетах. Даже о том, что Горский был американцем, наверняка, не сообщили... – Меир не знал русского языка, и не мог такого проверить:

– Миссис Анна мне говорила, что ее отца, то есть дядю Александра выставили немецким шпионом. Якобы, он, по заданию рейха, развалил армию. Им требовалось на кого-то свалить неудачи первого военного лета... – Меир не знал, где сейчас дочь Горского, и не ожидал, что узнает:

– Если бы она не попала в опалу, осталась в СССР, она бы сейчас сюда приехала. Хотя нет, что ей здесь делать? Продолжала бы работу в Швейцарии. Но кто была девочка, рядом с ней? – кузенам о миссис Анне, внутреннем деле Америки, Меир не говорил.

Форд взял Питер, на свои документы, в дешевой конторе проката, у базара. Позабывшись о номерах, он подогнал машину к служебному входу в американское посольство. Оказавшись на сиденье, Меир, недовольно потянул носом:

– Хозяин экономит на химчистке салона. Здесь миллион сигарет выкурили..., – кузен удивился: «Мы тоже будем курить».

– Не будем, – довольно мрачно ответил Меир, – слушай и запоминай. Научу тебя правилам наружного наблюдения..., – поужинать майор Горовиц разрешил. Скомкав салфетку, допив последние капли лимонада, Питер сунул пустую бутылку в пакет.

Камера, по словам кузена, делала снимки и вечером, и ночью, и чуть ли не под водой:

– Усовершенствованная модель, – Меир передал ему фотоаппарат, – таких в Америке всего десяток..., – Питер, внимательно, следил за улицей:

– Оптика, золотое дно. Фотоаппараты, телевизоры будут пользоваться большим спросом. Может быть, удастся создать домашнюю, портативную кинокамеру. Она разойдется даже лучше фотоаппаратов. И проигрыватели, когда-нибудь, переведут на пленку. То есть перевели, но не для широкого потребления. Хотя нет, незачем в такое ввязываться..., – он повертел кодак:

– После войны американцы продолжают доминировать на рынке домашних товаров. Надо оставить сталь, уголь, химию, фармацевтику. Портфель компании сформирован, не стоит рисковать. Людям после победы, понадобятся лекарства, и еда, а не фотоаппараты. Карточки еще несколько лет не отменят, придется помогать Европе. Немцы поддерживают в порядке промышленность, но бомбежки только усилятся. Десант вообще не оставит камня на камне от заводов и шахт. Например, от Мон-Сен-Мартена..., – у довоенного богатства дела Марков не осталось наследников.

– Да и зачем богатства, когда умирают люди? Ах, Тони, Тони..., – Питер скрыл вздох, – понятно, что она меня не любила. Она любила отца Уильяма, русского. Может быть, он погиб давно, на войне..., – радио в форде Меир велел не включать. Он только позволил Питеру немного опустить окно:

– Иначе мы задохнемся..., – днем шел сильный дождь, но сейчас небо очистилось. В лужах, на брусчатке, переливались крупные звезды. Посольский район был чопорным, богатым, с построенными в западной манере виллами и аккуратными, торговыми улочками. Кафе и магазины давно закрылись. Изредка, в зеркале, они видели немногих прохожих. Питер откинулся на сиденье: «Вы с Иреной хотите после победы пожениться?»

Меир не отрывал от глаз бинокля:

– Никак иначе не выйдет. Наши боссы, – он указал пальцем вверх, – договорятся о высадке десанта во Франции. Я туда полечу, конечно..., – майор Горовиц помолчал:

– Но что-то мне подсказывает, Питер, следующим летом война не закончится. Русские пока и половины Украины не освободили. До границ далеко осталось. От Нормандии до Берлина тоже путь неблизкий..., – Питер хмыкнул: «Может быть, немцы опомнятся, скинут Гитлера...»

Майор Горовиц закашлялся:

– Никогда такого не случится. Ты в Германии жил, и Аарон мне много рассказывал. Если немцы за десять лет не опомнились, то сейчас от них разумных действий ждать не стоит. Однако, они могут предложить западу сепаратные переговоры..., – Питер отрезал:

– Мы на такое не пойдем, никогда..., – Питер боялся, что за время, оставшееся до высадки десанта, Гитлер успеет уничтожить всех евреев Европы. Он велел себе молчать:

– Меир о сестре все время думает. О сестре, о племянниках. Ирена красивая девушка..., – Питер видел фото мисс Фогель, в журналах, – талантливая. Меиру повезло. А тебе? – в который раз спросил себя Питер:

– Или тоже надо ждать, до победы? Как Генрих собирался. Мы с ним обязательно встретимся, в шесть часов вечера после войны..., – его толкнули в бок:

– Ловишь ворон, а еще коммандо, десантник..., – по улице Парс ехала низкая, советская машина, с посольскими номерами. Полная, яркая луна освещала шлагбаумы. Деревян-

ный барьер убрали, Питер нажимал на кнопку фотокамеры. Меир, казалось, даже не дышал. Человек на пассажирском сиденье носил сдвинутую на затылок кепку. Ворота распахнулись, лимузин скрылся на аллее, за пышными кустами шиповника и жасмина.

Убрав бинокль, Меир повернул ключ в замке зажигания:

– Больше не стоит мозолить им глаза..., – машина задним ходом доползла до магазина Новиняна. Меир ловко развернул форд. Добравшись до угла, остановившись под афишей, на фарси, майор Горовиц усмехнулся:

– Вообще не стоит больше появляться у посольства. Приехал нужный нам человек. Мне осталось вызвать его на встречу..., – Питер, с облегчением, закурил: «Кто?»

Кузен выпустил дым в окно:

– В Испании я звал его Кепкой. Судя по всему, старший коллега известного нам Красавчика, Воронова..., – Меир добавил:

– Думаю, он знает, где находятся Констанца и Стивен. Я постараюсь все выведать..., – Меир тронул машину:

– Как говорится, после хорошо выполненной работы, надо отдохнуть. Нас ждет еврейский ресторан. Джон приезжает прямо туда..., – Питер удивился: «Почти полночь на дворе».

– Самое время поесть, – свернув на ярко освещенную, шумную, улицу Надери, Меир направил машину к базару.

В пустынном, залитом утренним светом дворе синагоги Даниял, под невысокой чинарой, стояла старинная, чугунная колонка.

Бывший шах Реза, заняв престол, позаботился о благоустройстве столицы. Трущобы вокруг рынка снесли. Кварталы между парком Шахр, и северными, богатыми районами, тоже привели в порядок, прорезав новые улицы. Синагога стояла между двумя шумными проспектами, но здесь, в глубине переулков, было спокойно. Птицы клевали засохшие гранаты, иногда цокала копытами лошадь. По городу до сих пор разъезжали торговцы на телегах. В деревянных ящиках громоздились фрукты, в клетках перекликались куры.

Плотный, черноволосый человек, спустившись во двор, нажал на ручку колонки. Уходя с молитвы, он снял потрепанный талит, аккуратно положив его в бархатный мешочек, оставив на полке. Наклонившись, не снимая с головы старой, твидовой кепки, он, с наслаждением выпил чистой, ледяной воды. Несмотря на конец ноября, день обещал быть жарким.

Он пришел сюда пешком, из русского посольства, ранним утром, в тишине еще не проснувшихся улиц. На мостовой лежали блестящие каштаны, дворники шуршали метлами. Иногда, мимо проезжали черные, довоенные, форды, тегеранское такси. Водители притормаживали, он только махал рукой. Путь был недолгим.

В синагоге он говорил на хорошем идише, с польским акцентом. Сегодня, в понедельник, читали Торю. Незнакомец, правда, отказался от заповеди, скромно устроившись на скамье сзади. Люди, пришедшие на миньян, не настаивали. Здесь собирались беженцы, многие нелегально миновали границу Советского Союза. В военное время все были обеспокоены своими делами.

Синагога была просто комнатой, в здании, принадлежавшем местной общине. Восточные евреи молились по своему обряду. Когда в Тегеране появились польские беженцы, им выделили место для миньяна. Старые, скрипучие половицы устилали персидские ковры. На молитве здесь поворачивались к западу, а не к востоку. На стене висела рукописная таблица, с указанием направления на Иерусалим. В резном ковчеге завета хранились свитки, в истертых, бархатных мантиях. Присмотревшись, незнакомец прочел потускневшую вышивку, золотом. Торы привезли сюда из Польши.

– То есть не привезли..., – напившись, закулив, он устроился на скамейке, рядом с чинарой, – а перенесли на руках, через границу..., – Наум Исаакович Эйтингон не хотел,

чтобы в синагоге слышали его имя. Конечно, никакой опасности не существовало. Кучка несчастных, потерявших близких, людей, кое-как перебивалась на содержании «Джойнта», и богатых тегеранских евреев. Их больше заботила собственная судьба, чем имя один раз посетившего молитву незнакомца. Тем не менее, Наум Исаакович привык соблюдать осторожность.

Он прислушался к гулу детских голосов, из пристройки. После молитвы он выпил ароматного чая, со сладким печеньем. По коридору бегали малыши, пришедшие на занятия в хедер. Наум Исаакович смотрел на темноволосые головы, покрытые кипами. Он думал о другом ребенке. Сыну мальчика летом должен был исполниться год.

Он стяхнул пепел, себе за плечо:

– В Казалинске так называемые Фроловы жили одни. Они, наверное, оставили малыша у надежных людей, а потом забрали... – все лето НКВД перетряхивало Советский Союз, проверяя сослуживцев полковника Воронова и соучениц Князевой. Половина летчиков давно погибла. Живые либо болтались в госпиталях, либо воевали. Из девушек, занимавшихся с Князевой в Энгельсе, одна получила десять лет без права переписки. Бывшая летчица сидела где-то на Дальнем Востоке:

– Они могли туда податься... – размышлял Эйтингон, – хотя Князевой неоткуда было узнать об аресте этой Наташи... – самолет с мурманского аэродрома привез девушку прямо в Москву, в Бутырскую тюрьму.

Ей предъявили обвинение в распространении ложных, порочащих советский строй, слухов. Особое совещание при НКВД СССР руководствовалось законами военного времени. В ноябре сорок первого, когда немцы стояли под Москвой, паникеры и трусы наказывались особенно сурово. Эйтингон отменил такую возможность, но следов ребенка они не нашли, как и не отыскали калеки и Князевой.

– То есть отыскивали, – он выбросил окурок, – мерзавцы испортили мне праздник, годовщину революции... – Эйтингон, как положено, не завтракал перед молитвой:

– Сейчас мальчик придет, – он сверился с хронометром, – отведу его в неприметное место. Здесь даже в самой дешевой забегаловке отлично готовят... – Паук знал идиш, но в синагоге ему появляться не стоило.

Они договорились о простой связи. Полковник Горовиц значился в официальном списке делегации США. По приезду в Тегеран Эйтингон поручил атташе советского посольства связаться с американцами. Дипломат передал союзникам подарки, для каждого участника конференции. Союзники получили водку, коньяк и баночки с икрой. Для полковника Горовица подготовили особую баночку, с двойной крышкой. В записке Наум Исаакович сообщил о времени и месте встречи. До появления Паука оставалось четверть часа. Мальчик всегда был пунктуален.

У Наума Исааковича оставалось время подумать о дальнейших действиях. Разгильдяи с аэродрома Яшлык, упустившие угнанный самолет, отправились под военный трибунал, с лишением званий, орденов и отправкой на фронт. Руководство авиачасти с треском вылетело из партии. Техников тоже ожидал суд и штрафной батальон. Наум Исаакович мог арестовать хоть весь Среднеазиатский военный округ, но в поисках проклятого калеки, такое не помогло бы. Он считал, что за штурвалом сидела Князева:

– У Воронова протезы. Вряд ли он может вести даже транспортный самолет. А ребенок? Он еще малыш, устроили рядом, на кресле... – когда в Ашхабад пришли новости об угоне, Эйтингон поднял по тревоге все пограничные заставы. На суверенитет Ирана СССР было наплевать. В стране стояли части Красной Армии. Наум Исаакович велел прочесать приграничную полосу. Сгоревший самолет Як-6 обнаружили в пятидесяти километрах к югу, на пустынной местности, за отрогами Копетдага. Остатки разобрали, чуть ли не по винтикам. Специалисты клялись, что в кабине никого не было.

– Конечно, не было, – кисло пробормотал Эйтингон, разглядывая карту, – Мешхед неподалеку. Они могли встретиться с хозяевами. Может быть, брат сюда прилетел, обнять родного брата... – у местных работников имелись приметы и Петра Арсеньевича, и калеки, и Князевой. Наум Исаакович велел следить за парами с ребенком.

Дело осложнялось тем, что многие иранки, в деревнях, носили чадру. Проверить, что за женщина перед ними, было невозможно. Эйтингон надеялся на калеку. В Иране, в отличие от СССР, подобные люди встречались редко:

– Он может сесть где-нибудь на базаре, перед мечетью, просить милостыню... – сказал себе Эйтингон, – в городе пять сотен мечетей. На базаре можно вообще всю жизнь прожить, не выходя оттуда... – он, тем не менее, надеялся, что калека попадет в поле зрения агентов НКВД:

– Мы бы тогда и его брата арестовали, – Эйтингон подавил ругательство, – правую руку предателя Власова. Он рассказал бы нам, где Кукушка, и где ее дочь... – Марта Янсон пропала без следа. Эйтингон уговаривал себя, что Кукушка погибла в Татарском проливе. Он, все равно, не был до конца уверен в участии старшей дочери Горского:

– Встреча сестер не состоится, – обещал себе Эйтингон, – Князева получит пулю в затылок, а мальчик увидит сына... – Наум Исаакович хотел забрать малыша в Москву:

– Журавлевы его пока приютят. Машенька лишь немного старше. Потом мальчик придет домой, с Деборой... – Эйтингон, мимолетно, подумал, что мальчик мог бы жениться и на Саломее:

– Нет, она нужна нам в будущем Израиле. В Израиле, в Европе... – Наум Исаакович решил пока не отправлять в Палестину Серебрянского:

– Сам съезжу, заодно посмотрю на грядущий оплот социализма, на Ближнем Востоке. Яша привык с взрослыми людьми работать. Она еще девочка, к ней нужен особый подход. Увидев фото, она сама вызовется нам помогать... – в кармане Эйтингона лежал конверт, присланный фельдъегерской связью, из Киева. Комиссар госбезопасности Журавлев отправился в недавно освобожденную столицу Украины. Наум Исаакович видел такие снимки. Альбомы доставляли с Донбасса и Северного Кавказа, после отступления гитлеровцев.

Он хотел показать фото мальчику:

– Пусть знает, что никто, кроме СССР не спасет евреев Европы... – в Киеве начали раскапывать овраг, Бабий Яр, где немцы расстреливали евреев и военнопленных. Фото были черно-белыми, резкими, четкими. Эйтингон смотрел на трупы детей, на женщин, лежавших рядом:

– У союзников есть сведения о польских лагерях. Мы сами доклады читали. Они и пальцем не пошевелили, не бомбили Аушвиц, или железные дороги, по которым идут транспорты в Польшу... – Эйтингон хотел, чтобы мальчик своими глазами увидел убитых евреев:

– Он после такого станет еще лучше работать... – на втором конверте красовались марки местной почты. Эйтингон хмыкнул:

– Пусть мальчик посмотрит. Писал англичанин, или американец... – конверт принес атташе, передававший подарки для союзников. Он отвечал за разведывательную деятельность и первым проверял посольскую почту.

Неизвестный автор отстучал и адрес, и само письмо, на машинке, на английском языке. Не подписавшись, он сообщал, что владеет сведениями, важными для безопасности Советского Союза. Он прилагал адрес ящика, на городском почтамте, через который надо было поддерживать связь.

Наум Исаакович почесал висок:

– Посмотрим, кто придет на встречу. Герцог Экзетер здесь. Может быть, это кто-то из его подчиненных. Или коллега Ягненка, по секретной службе. В любом случае, такое нам

только на руку... – заметив в воротах, выходящих на улицу, знакомые, светлые волосы, он поднялся. Прислонившись к калитке, мальчик засунул руки в карманы кожаной, авиационной куртки. Он широко улыбался. Эйтингон решил:

– Не надо ему говорить, что Князева в Иране. Речь идет о судьбе его ребенка. Он может неосторожно себя повести... – Наум Исаакович пошел навстречу Пауку.

Радио над стойкой базарной забегаловки играло местный, заунывный напев. Старики, хлопая костями, склонились над засаленной, старой доской для шеш-беша. Одинокая, тяжелая, осенняя муха жужжала над сложенными на стуле газетами, на фарси. Сверху красовалось блюдо с надкусанным персиком и виноградной гроздью. Муха, наконец, утихомирилась, усевшись на персик. Кроме дремлющего на пороге кухни хозяина, и стариков, в кофейне никого не было. Прохожий, заглянувший сюда из каменного коридора, не заметил бы в зале ничего необычного. После дневного намаза, торговцы запирали лавки, удаляясь в задние комнаты, для послеполуденного сна. Щелкали кости, к потолку поднимался ароматный дымок кальяна.

В особняке Кроу, на Ганновер-сквер, стоял кальян драгоценного хрусталя, украшенный серебром. Была там и доска, для шеш-беш, черного дерева, со слоновой костью:

– Тетя Юджиния нас играть научила... – вода булькала, Джон сидел на низком диване, покрытом старым ковром, – а ее бабушка Марта наставляла... – кальян и набор для шеш-беша были подарками афганского хана старшему сыну бабушки Марты, Петру Степановичу Воронцову-Вельяминову. Джон закрыл глаза:

– Неужели это он? Неужели письмо пришло именно от Воронова? То есть, от Воронцова-Вельяминова, Красавчика, как его Меир называет... – конверт отправили городской почтой, в британское посольство. Джон читал четкие, печатные буквы:

– Передать человеку, ответственному за безопасность будущей встречи... – они получили по десятку таких писем в день. Информация о совещании тройки публиковалась в газетах. Адрес британского посольства имелся в справочнике по Тегерану. Как всегда, в таких случаях, оживились городские сумасшедшие. За последнюю неделю британцам сообщили, о тайном ходе, ведущем с армянского кладбища, на территорию русского посольства. Такую ересь, хотя бы, можно было отдать русским и забыть о ней.

Писали о смертниках, собирающихся подорвать себя в непосредственной близости от брезентового коридора, соединяющего резиденции. Взрывов бояться не стоило. На улицу вторую неделю никого не пускали. Неизвестный автор еще одного письма предупреждал о десанте немецких парашютистов, прямо в посольство. После того, как из Италии вывезли Муссолини, все было возможным, но на крышах обоих зданий круглосуточно сидели снайперы. Майор Горовиц заведовал расстановкой союзных сил. Они проверили диспозицию. У предполагаемого десанта СС не оставалось ни одного шанса.

Очередную пачку писем герцог распечатал за завтраком, в посольской столовой. Комната была битком набита англичанами и американцами, гудели возбужденные голоса. Все обсуждали новости из Каира. Рузвельт и Черчилль, перед конференцией, встречались с Чан-Кай-ши.

– Хорошо Питеру, – довольно желчно сказал Джон, – он лицо неофициальное. Мэтью, хоть и в списке делегации, тоже, наверняка, поселится на одной из квартир. Они себе завтрак готовят сами, по своему вкусу... – посольские повара, обнаружив в столовой три сотни голодных мужчин, махнули рукой на изыски. Еда все больше напоминала армейскую стряпню, в Блетчли-парке:

– Я бы тоже сам оладьи жарил, – отозвался Меир, – но мне по должности положено в посольстве ночевать... – в пятницу, когда Питер с Меиром увидели у русского посольства Кепку, майор Горовиц сходил на городской почтамт.

– Все в порядке, – подмигнул он Джону, – ждем ответной весточки. Я уверен, что мистер Кепка клонет..., – в письме Меир не стал напрямую говорить о Констанце:

– Я не хочу, чтобы меня со встречи унесли в чемодане, – мрачно объяснил майор Горовиц, – русские способны на такое. Вольют мне какой-нибудь гадости в чай, погрузят в самолет, и поминай, как звали. Я не собираюсь сгинуть в подвалах Лубянки..., – Меир написал, что владеет сведениями, важными для безопасности СССР:

– Остальное я скажу при встрече, – подытожил он, – и посмотрю, как он откликнется..., – за завтраком Джон распечатывал письма тем же ножом, которым намазывал масло на довольно подгоревшие тосты. Меир шуршал The Times:

– Мэтью, кстати, ночью прилетел из Каира, – сообщил кузен, отогнув лист, – с моими боссами, так сказать..., – Даллес и Донован тоже посещали конференцию. Они наметили совещание секретных служб, с докладом Мэтью, на послезавтра. Потом выступал Питер, с информацией о промышленном потенциале Германии. Меир откусил от тоста:

– Тоже подгоревший. Сегодня закончилось действие французского мандата в Ливане, – со значением, добавил кузен, – то есть мандат давно существовал только на бумаге. Теперь Ливан объявит о своей независимости. Британия в то же время мандат в Палестине получила..., – Меир снял пенсне. Герцог, желчно, отозвался:

– На карту посмотри. Если мы уйдем из Палестины, то вы, евреи, окажетесь полностью изолированными. Рядом Ливан, – он загибал пальцы, Сирия, Трансиордания, Египет. Везде живут мусульмане. Вас просто сметут с лица земли, Меир. Британия обеспечивает защиту еврейских поселений, не позволяет стране скатиться в междуусобные стычки..., – серо-синие глаза заблестели холодом:

– У нас есть свои боевые отряды, – отрезал Меир, – евреи не позволят себя смести с лица земли, как ты выражаешься..., – Джон вздохнул:

– И не скажешь ему ничего. Возьмет, и отправится после войны организовывать боевые отряды, то есть банды. Тамошние подпольщики его с руками оторвут, учитывая, что Авраам вряд ли выжил..., – решив не спорить, герцог вернулся к письмам. Опять сообщали о будущих покушениях на тройку. Зевая, он распечатал очередной конверт. Прочитав машинописные строки, Джон поперхнулся чаем. Незнакомый, на отличном английском языке, утверждал, что у него есть сведения о местонахождении известного британского аса, полковника Кроу, якобы погибшего в Норвегии, два года назад:

– Полковник арестован НКВД и содержится в одном из советских лагерей..., – Джон перебрал письмо Меиру. Кузен, казалось, только что не обнюхал бумагу. Блестели стеклышки пенсне, он внимательно читал записку. Меир прощупал конверт:

– Машинка американская, – тихо сказал Меир, – я узнаю шрифт. Remington Rand, модель десятками тысяч выпускают. Конверт и бумага местные, продаются на почтамте. Он душитесь сандалом..., – Джон уловил едва заметный аромат теплых пряностей:

– Или она..., – герцог забрал конверт, – покойная тетя Юджиния всегда пользовалась такой эссенцией..., – по силе удара они тоже ничего не определили. Джон позвонил Питеру. Кузен появился на форде, ровно через четверть часа.

– Это Воронов написал, – уверенно сказал майор Кроу, – они здесь с Кепкой встречаются..., – они нашли уединенную скамейку, в посольском саду, под желтыми листьями граната. По мраморной дорожке скакал воробей:

– Хорошая осень, как в Испании, – отчего-то подумал Джон, – Меир тогда добрался до Гранады. А я ничего, кроме Барселоны и Мадрида не видел, и то из окопов..., – Джон сомневался, что письмо отправил Воронов.

– Зачем ему? – пожал плечами герцог:

– Понятно, что он здесь на встрече с руководством, однако именно он выдавал себя за Стивена, он навещал Констанцу. Он, кстати, ничего не пишет о Констанце..., – Меир криво усмехнулся:

– По той же причине, что и я. Не хочет отсюда улететь прямым рейсом в Блетчли-парк, лежа в чемодане. Он тебе на встрече все скажет, – Воронов, если он был автором, прилагал маленькую схему базара. Забегаловка находилась неподалеку от ресторана, где они обедали в ночь с четверга на пятницу.

Отложив наконецник кальяна, Джон отщипнул виноградину:

– Может быть, стоило ребят взять, на встречу? Того же Меира. Оружие у меня есть, но еще один человек не помешает..., – Меир покачал головой:

– Не надо. Ты его спугнешь. Он и так, наверняка, боится, что ты появишься в кафе с отрядом коммандо..., – Питер молчал, глядя на блестящие брызги воды в фонтане:

– Я знаю, почему он отправил письмо..., – внезапно, сказал кузен, – он хочет найти Констанцу..., – смуглая щека покрылась легким румянцем:

– Ему не говорят, где ее держат. Он надеется, что Британия ему поможет..., – такое, конечно, все объясняло:

– Констанца способна на чувства, – напомнил себе Джон, – она любила Майорану. Она могла полюбить и еще раз. Тем более, она была совсем одна, на оккупированной территории. И он тоже мог полюбить, несмотря на задание. Теперь от него скрывают, где находится Констанца..., – Питер попросил Джона:

– Если придет действительно он, не говори ему о семье. Такое ни к чему сейчас. Если мы выживем, я сам его найду..., – воробей вспорхнул, закружившись над фонтаном. Предстояло еще подумать, как выручить Констанцу и Стивена из СССР:

– О Стивене я сейчас узнаю, а сведения о Констанце достанет Меир, после встречи с Кепкой. Интересно, кто он такой..., – колокольчик у двери слабо звякнул, на Джона повеяло сандалом. Он сбрил бороду, дорогая, замшевая куртка, облегла широкие плечи:

– Он работает в самом сердце рейха, – подумал Джон, – рискует больше, чем мы. Он союзник, он сам пришел к нам со сведениями. Он любил Констанцу, то есть любит. Он совестливый человек..., – вблизи, не на фото, он оказался еще больше похож на Питера.

– Только он за шесть футов ростом..., – поднявшись, Джон, немного, запрокинул голову. Его ладонь была крепкой, теплой:

– Я получил ваше письмо..., – Джон откашлялся, советский разведчик повел рукой:

– Пока не стоит упоминать имена. Я закажу чаю, и поговорим..., – бросив на низкий столик пачку американских сигарет, Воронов отошел к стойке.

Назойливо, тяжело жужжала тяжелая, осенняя муха.

Пахло старой, засохшей кровью, подгнившим мясом. Темноту прорезал свет мощного фонарика, стоявшего рядом с расшатанным, деревянным табуретом. Луч шел вверх, к сводчатому, низкому потолку. Мясницкий крюк покачивался на цепи. В длинных пальцах вспыхивал и гас огонек сигареты. На блестящих, отполированных ногтях играло отражение света фонаря.

Максимилиан покуривал, забросив ногу на ногу, покачивая носком замшевого, итальянского ботинка. Повесив куртку на крюк, вбитый пониже, он закатал рукава льняной рубашки. Светлые волоски на руках золотились. Он рассматривал грубый стол для разделки туш. Рядом валялась изрубленная топором колода, с выцветшими пятнами крови.

Крик муэдзина в подвал не доносился, но по швейцарскому хронометру Макса настало время вечерней молитвы. Квартал опустел. Впрочем, сюда и днем никто не заглядывал. Вокруг цементной фабрики, на южной окраине города, висела мелкая, белесая пыль, грохотали грузовики. Птицы кружились у вершины круглой, кирпичной башни. На каменной пло-

щадке разлагались трупы. Башня молчания возвышалась на небольшом холме, куда могли подниматься только могильщики зороастрийской общины.

Максимилиан, сначала, хотел наплевать на запреты религии, но покачал головой:

– Нет, слишком опасно. Полиция может получить особое разрешение, найти его тело..., – штандартенфюрер не собирался оставлять следы в пансионе. Надо было найти подходящее помещение для будущей работы. Взяв напрокат машину, он обследовал городские окраины. Неподалеку от башни стояло полуразрушенное здание, зияющее провалами окон. Припарковав автомобиль, взяв фонарик, Макс обнаружил то, что ему требовалось. Старая городская бойня оказалось давно заброшенной.

Он затягивался сигаретой, смотря на спокойное лицо герра Холланда. Рядом с табуретом, где сидел Макс, пробежала крыса. Штандартенфюрер даже не сдвинулся с места.

Хлоралгидрат в чае не подвел. Максимилиан поджидал Муху, с грузом, как озорно думал штандартенфюрер, за углом базарного коридора. Рынок почти опустел, торговцы погрузились в послеполуденный сон. Они устроили герра Холланда на заднем сиденье машины. Макс похлопал Муху по плечу:

– Возвращайтесь в пансион, поужинайте, навестите завтра музей. В галереях есть на что посмотреть..., – Макс прислонился к капоту машины:

– Думаю, суток, в компании с нашим другом, мне хватит с лихвой..., – Макс захватил из пансиона флягу с кофе и бутерброды:

– Я не проголодаюсь..., – уверил он Муху:

– Надеюсь, наш друг..., – он кивнул на спящего Холланда, – не узнал больше того, что ему нужно..., – Макс не собирался отпускать англичанина живым, однако он не любил неряшливости в операциях.

Петр Арсеньевич изучал лицо англичанина. Брат покойной жены напоминал ее, твердым, решительным подбородком, прозрачными, светло-голубыми глазами. Он коротко, по-армейски, стриг светлые волосы. Вокруг глаз Петр заметил тонкие морщины. Штурмбанфюрер не намеревался ничего говорить ни о бывшей жене, коммунистической подстилке, ни об ее ребенке:

– Он сдох, в детдоме, для членов семей врагов народа. Туда ему и дорога, отродью шлюхи. Его зарыли в безымянной могиле, в казахских степях, или в Сибири..., – Петр почти забыл, как выглядел мальчик:

– Забыл и не хочу о нем думать..., – лицо герцога Экзетера, напомнило ему о ребенке, которого он считал сыном:

– Он мать напоминал. И на своего дядю был похож..., – волосы мальчика, на солнце, отливали спелой пшеницей, вокруг носа летом появлялись веснушки. Он тер кулачками серые глаза, положив голову на плечо Петру:

– Сказку, папа. Расскажи мне сказку..., – Петр отогнал мысли о давно умершем ребенке:

– Эмма родит много детей. Она истинно арийская девушка. Она станет добропорядочной женой, и матерью семейства..., – венчание назначили на июль. Свадьба проходила в новом, православном соборе Воскресения Христова, в Вильмерсдорфе, где Петр был прихожанином. На следующий день новобрачных благословляли в государственной церкви, в Мариенкирхе, в Митте. После благословения граф Теодор устраивал на вилле свадебный обед.

– Потом первая брачная ночь..., – сладко подумал Петр. К следующему лету он надеялся стать оберштурмбанфюрером. В Русской Освободительной Армии он отвечал за работу с новобранцами. Петр преподавал на офицерских курсах, в Дабендорфе, успевал писать в эмигрантские газеты, и выступать на собраниях. Он помогал генералу Власову в организа-

ции будущего Комитета Освобождения Народов России, призванного объединить все антибольшевистские силы.

Штандартенфюрер обещал Петру, что хозяйственное управление СС подберет ему новую резиденцию:

– Небольшой особняк, – обнадежил его фон Рабе, – например, в Вильмерсдорфе, рядом с вашим собором... – Петр представлял себе, как будет ходить с женой и детишками на службу. Он был совершенно уверен в скором разгроме большевиков:

– Западные страны поймут, что союз со Сталиным был ошибкой, – говорил Петр сослуживцам по РОА, – фюрер подпишет перемирие с Британией и Америкой. Мы обрушим всю мощь оружия возмездия на коммунистические орды... – пока что требовалось узнать, где находится доктор Кроу, творец такого оружия.

Фон Рабе разрешил Петру представиться настоящим именем:

– Вы должны вызвать доверие вашего соратника, товарища по оружию... – Максимилиан велел:

– Но не затягивайте разговор... – затягивать и не потребовалось. Выпив половину чашки с порошком хлоралгидрата, герцог, внезапно, широко, зевнул:

– Простите... – Петр едва успел его подхватить. Старики, склонившиеся над доской для шеш-беша, и прикорнувший на табурете хозяин заведения ничего не заметили.

Максимилиан изучал лицо герра Холланда:

– Препарат обеспечивает шесть, восемь часов сна. Сейчас он придет в себя... – фон Рабе надежно приковал англичанина к оцинкованному столу:

– Доктора Горовиц ждать неоткуда... – усмехнулся Макс, – никто ему не поможет. Герр Кроу и мистер Горовиц никогда не узнают, что случилось...

Пока Холланд спал, Максимилиан изучил подвал, разгоняя крыс лучами фонарика. Он наткнулся на комнату, где мыли туши:

– Очень хорошо... – Макс дал пинка проржавевшей ванне, – на крыс надеяться опасно. Они могут оставить части тела, для опознания... – по дороге, заботливо укрыв герра Холланда курткой, Макс остановил машину в пригороде, у хозяйственной лавки. Он купил острый топорик, ведро, и бумажный мешок, с негашеной известью. Во дворе бывших боен Макс нашел работающую колонку с водой.

– Хватит всего двух, трех дней... – растерев окурок носком ботинка, он поднялся, – гашеная известь отлично растворяет человеческую плоть. Разрублю труп на части, и больше никто не вспомнит о герцогине Экзетере... – с огнем штандартенфюрер возиться не хотел. По опыту посещения лагерей, он знал, что только промышленные печи способны превратить тело умершего человека в пепел. Максимилиан достал из кармана куртки несессер. Сзади послышался слабый стон. Он пока не стал оборачиваться.

– Где я... – Максимилиан открыл футляр, – помогите, кто-нибудь... – в несессере Макс, аккуратно, разложил продукцию закрытых лабораторий фирмы Вауег, опробованную во внутренней тюрьме, на Принц-Альбрехтштрассе. Химики рейха могли гордиться своей работой. Цена порядок, штандартенфюрер сунул в несессер и пузырек спирта. Открутив пробку, намочив ватку, он взялся за шприц. Стекло ампулы захрустело. Мельчайшие капли жидкости засверкали радугой в свете фонарика.

– Скополамин, – вспомнил Макс лекцию химиков, – алкалоид, содержащийся в дурмане, и белене. Под влиянием наркотика человек погружается в состояние полусна, и с легкостью отвечает на вопросы... – наклонившись над столом, он, почти ласково, улыбнулся:

– Давно не виделись, герр Холланд. Я рад встрече, а вы... – Холланд задергался, пытается вырваться из наручников. Макс прижал его руку к столу:

– Тихо, тихо... – блестящая игла, плавно, вошла в вену.

Низкое, сильное контральто разносилось по кабинету, погруженному в темноту.

Круг света, от настольной лампы, с зеленым абажуром, падал на дубовый стол, на глянцевые, четкие, черно-белые фотографии. Снимки сделали аппаратом ФЭД, на советской пленке и напечатали на советской бумаге. Наум Исаакович не любил, как он говорил, шероховатостей.

Остывала фарфоровая чашка с кофе. В хрустальной, тяжелой пепельнице, дымилась кубинская сигара. Мальчик привез Эйтингону коробку, с блоками сигарет и хорошим виски. Наум Исаакович мог получить американские товары в закрытом распределителе, однако он ценил заботу выученика.

– И мы о нем позаботимся..., – Эйтингон, рассеянно, листал старый номер Life, – о нем, о его малыше, о Деборе..., – он уверил Паука, что его ребенка ищут, и, непременно, найдут. Дебора возвращалась на работу, в штаб военно-морского флота. Наум Исаакович велел Пауку не вызывать у женщины подозрений:

– Ни о чем у нее не спрашивай, – повторил он Мэтью, – ты человек, на которого она опирается. Ты ее поддерживаешь, обеспечиваешь связь с мужем..., – Паук получил пачку свежих писем, из Москвы. Он передал Эйтингону катушки с пленкой. Мэтью аккуратно фотографировал чертежи и расчеты ученых из Лос-Аламоса и других лабораторий:

– Когда мы доберемся до Германии, – понял Эйтингон, – начнется соревнование. Мы, и союзники будем гоняться за Вернером фон Брауном и Гейзенбергом, судетским ураном, и химическими лабораториями..., – он затянулся сигарой:

– Впрочем, главное богатство американцы потеряют. Ворона приедет в Советский Союз..., – мальчик рассказал об операции «Скрепка». Эйтингон развел руками:

– Милый мой, война есть война. Мы постараемся вывезти в СССР как можно больше ученых, но все зависит от скорости продвижения армии. Ты знаешь, как упорны гитлеровские мерзавцы..., – они сидели в неприметном кафе, в глубине рыночных коридоров. Мальчик вернул ему фото, сделанные в Бабьем Яру. Серые глаза, на мгновение, заблестели:

– Мистер Нахум, я надеюсь, что такое..., – Мэтью помолчал, – никогда не будет прощено..., – Эйтингон кивнул:

– Ты помнишь Танах, милый. Я смою их кровь, которую не смыл еще..., – Мэтью даже заговорил нараспев, с интонациями учителя в хедере:

– Раши объясняет нам, что Господь прощает все грехи, и даже те, что человек совершает против Него, однако он не простит другим народам преступлений против евреев..., – Мэтью закрыл глаза:

– В той же главе говорится: «Настанет день, когда горы будут источать вино, а холмы, истекать молоком, когда все родники земли Израиля наполнятся водой, и Господь вернется на священную гору Сион, и Иерусалим обретет былую святость...».

Эйтингон улыбнулся:

– Так и случится, мой милый. Мы увидим новый, социалистический Израиль, восстановленный Иерусалим, под красным флагом коммунизма. Пророки призывали еврейский народ к честности и справедливости. Нет никого честнее нашей родины, сынок, нашей партии, заботящейся о каждом человеке..., – Эйтингон показал мальчику анонимное письмо. Мэтью, внимательно, осмотрел конверт и бумагу:

– Машинка Remington Rand. Я сам такой пользуюсь, на работе. Они и в английском посольстве стоят, и на безопасных квартирах..., – они перебрали возможных авторов письма, но так и не поняли, кто мог его отправить. Эйтингон хмыкнул:

– В любом случае, нам надо увидеться. Я пошлю сведения о времени, и месте встречи, а ты получишь советский фотоаппарат, с заряженной пленкой. Кем бы ни был автор..., – Наум Исаакович помахал письмом, – его фотографии нам очень пригодятся..., – снимать на кодак Паука было непредусмотрительно. Донован и Даллес могли заказать экспертизу.

Эйтингон пыхнул сигарой:

– Заказать, и насторожиться. Откуда другому американцу знать о встрече? Автор письма не болтал бы всем и каждому, куда идет. Русские снимки отлично ложатся в легенду. Любой разведчик на моем месте появился бы на таком randevу не один, а с техническими работниками... – как он потом сказал мальчику, с ними случилось невероятное, бывающее один раз в жизни совпадение. Эйтингон усмехнулся, про себя:

– Если бы я верил в Бога, я бы, непременно, подумал о Его вмешательстве в наши дела... – несмотря на опыт работы, Науму Исааковичу оказалось непросто сохранить на встрече безучастное выражение лица. Он, намеренно, выбрал забегаловку, выходящую на шумную улицу. Мимо арочной двери шныряли разносчики лимонада и сладостей. Снаружи гудели машины, и скрипели колесами телеги. Улучшенную модель ФЭДа, которую он передал Пауку, снабдили мощным объективом. Полковник Горовиц снимал из кафе, расположенного напротив. И Наум Исаакович, и Ягненко, на фото вышли отлично.

Эйтингон сразу понял, что Ягненко его знает:

– Он в Испании подвизался. Должно быть, с Мадрида меня и запомнил... – он, немного, пожалел, что во время оно было принято решение завербовать Мэтью:

– Мальчик кадровый, потомственный военный. Такое зря не проходит. Распоряжения он выполняет отлично, но инициативы от него не жди... – Наум Исаакович почувствовал, что решение вызвать его на встречу, Ягненко принимал сам:

– В крайнем случае, он с кузенами посоветовался. Их здесь трое собралось, люди с опытом. Он якобы, слышал о местонахождении доктора Кроу, но это полный блеф. В Америке о ней от силы пять человек знают. Он хочет прощупать меня, увидеть мою реакцию... – Ягненко нес откровенную чушь. Выходило, что доктора Кроу доставила в Америку тайная, совместная миссия союзников. Эйтингон его не слушал:

– Брат доктора Кроу в Норвегии погиб. Мы считаем, что погиб, а если нет? Если он нашел сестру? Если его Мэтью застрелил, в хижине? Нет, нет, на нее какой-то норвежец польстился. Неудивительно, она, хотя бы, изящная женщина. В тамошних местах лошадь на лошади... – доктор Кроу была откровенно некрасива, но на войне на такое внимания не обращали.

Прощаясь с Ягненком, Эйтингон пообещал поддерживать связь через анонимный ящик, на почтамте. По именам они друг другу не представлялись.

Наум Исаакович закинул руки за голову:

– Понятно, почему они решили использовать серые каналы. Они думают, что мы высадили десант, похитили доктора Кроу. Официальное обращение им бы ничего не дало... – в печатную машинку советского производства он заправил лист советской бумаги. Все складывалось, как нельзя лучше. Эйтингон листал журнал:

– Начальники Ягненка обрадуются такому письму... – он залпом допил кофе:

– Его не отзовут с конференции. Вернут наблюдение, поставят еще одну галочку в досье. Если нам потребуется, он и на электрический стул сядет... – мисс Фогель, страстно, дышала в микрофон: «Всем, кто сейчас одинок, кто думает о любимом...»

Эйтингон рассматривал пышные, черные волосы, низко вырезанное платье:

– Красавица. Ягненко молодец, а вроде неприметный, ничего в нем особенного. Должно быть, он не только в разведке преуспевает. Мальчик говорил, что они помолвлены. Посмотрим, успеют ли пожениться... – она пела старое, довоенное танго, на польском языке.

– Утомленное солнце... – вспомнил Эйтингон, – у нас тоже везде мелодию играли. Давно я не танцевал... – он понял, что, не танцевал чуть ли ни с гражданской войны:

– Кукушка отлично двигалась, я помню. Ежов тогда провалил операцию, в ресторане. Воронов напился, устроил дебош. Понятно, почему. Кукушка его завербовала, как и Петра.

Может быть, она выжила..., – по спине пробежал холодок. Эйтингону послышался скрип ключа, в двери:

– Может быть, она сейчас в Тегеране. Прилетела встречать агента..., – он почти ожидал хлопка выстрела, звона стекла в окне. Наум Исаакович рассердился:

– Стекло пуленепробиваемое. На крыше снайперы, внизу охрана. Она мертва, пошла ко дну в Татарском проливе..., – полюбовавшись большой грудью мисс Фогель, он почувствовал какую-то тоску:

– Брось, ты не мальчик. Никогда такого не случится..., – ткнув сигарой в пепельницу, он отстучал на машинке:

– Уважаемый мистер Даллес! Обращается к вам доброжелатель..., – выключив радио, Эйтингон вернулся к работе.

Белая, цементная пыль садилась на капот прокатного форда. Едва вошло солнце, но по дороге сюда, на шоссе, они успели обогнать несколько громыхающих грузовиков. Меир вел машину, сильно превышая разрешенную скорость. Питер курил, смотря вперед:

– Хорошо, что мы оставили план рынка, присланный Вороновым. Хорошо, что мы не стали ждать до вечера, а сразу забеспокоились. Хорошо, что Меир нашел человека, говорящего на фарси..., – он, искоса, взглянул на небритую щеку кузена:

– Меир, а если Джона нет в Тегеране? Если Воронов, выполняя задание Кепки, просто, как ты выражаешься, упаковал его в чемодан и вывез в аэропорт..., – такая возможность существовала, однако Меир считал, что русские не посмеют, перед конференцией, пойти на похищение.

– Речь идет не о мелкой сошке, – отрезал майор Горовиц, – а о высокопоставленном сотруднике британской разведки. Стивен был просто предлогом. Воронов хотел выманить Джона на встречу, но, Питер, даже НКВД не поведет себя столь откровенно наглым образом. Джон лично знаком с Черчиллем, Черчилль прилетает в конце недели..., – стало ясно, что Констанца, действительно, находится в СССР:

– Никаких чувств мой кузен, – презрительно сказал Питер, – не испытывает. Он сталинский выкормыш, машина для убийства. Они хотят узнать планы западных разведок, поэтому им понадобился Джон. Они используют наши семейные привязанности, понимая, что мы пойдем на все, чтобы найти родственников. Они сами..., – Питер нахмурился, – Иваны, не помнящие родства..., – он сказал это по-русски. Меир недоуменно поднял глаза от карты Тегерана. Питер перевел:

– Они от своего имени отказались, как видишь. Мой дядя Арсений, – майор Кроу криво улыбнулся, – стал Семеном Вороновым. Его дети понятия не имеют о своем происхождении..., – Джон, видимо, находился на одной из безопасных квартир НКВД в городе, где его допрашивали. Оставалось найти майора Холланда.

Они не могли пойти в секретные службы, американские, или британские. Операция началась, по выражению Меира, в сумерках, и должна была продолжиться таким же образом. Майор Горовиц помотал головой:

– Поверь мне, стоит Даллесу и Доновану узнать, что я виделся с Кепкой, как меня первым рейсом отошлют в США. Я достаточно проверок прошел, и больше не хочу к такому возвращаться. Джону тоже будет не миновать долгого брифинга, как он говорит, где-нибудь на шотландских островах..., – с началом войны союзники отозвали персонал посольств, занимавшийся разведкой, но оставались будущие планы по разделу научного и промышленного потенциала Германии, и разработки новой военной техники. Оставались шифры, имена резидентов в нейтральных странах, и тех, кто работал на союзников в рейхе:

– Например, группа Генриха, – мрачно подумал Питер, – узнав его имя, русские могут попробовать войти с ним в контакт, переманить на свою сторону. Джон владеет всей инфор-

мацией. Русские собираются использовать фармацевтические средства... – Меир объяснил Питеру, как проходят допросы:

– Японцы тоже... – не закончив, он махнул рукой, – но боль терпеть легче. У боли есть конец, а под наркотиками никогда не знаешь, что происходило, на самом деле... – Питер разбирался в химии. Пока они ехали сюда, на окраину города, он повторял себе:

– Скополамин вызывает галлюцинации и амнезию. Человек не понимает, где он, и кого он видит перед собой. Он может выдать видения за реальность, и, наоборот, посчитать реальность миражами... – Джон мог не вспомнить, что с ним случилось.

– Для начала надо его освободить, – хмуро сказал себе Питер. Меир потянул рычаг тормоза, фтор замер.

Над стоящей в отдалении круглой, кирпичной башней, кружились стервятники:

– Башня молчания, туда зороастрийцы трупы относят... – вспомнил Питер. О башне им рассказал юноша, которого Меир привез из синагоги:

– Познакомься... – он подтолкнул молодого человека вперед, – Юлиуш, из Варшавы... – пан Юлиуш отлично знал английский язык. Он застенчиво улыбнулся:

– Я в армию ушел с третьего курса филологического факультета... – соединение Юлиуша отступало до Львова, где оказалось зажатым между силами вермахта, на западе, и советскими войсками:

– Мне повезло, – заметил юноша, – чего нельзя сказать о ребятах, попавших в немецкий плен... – командир батальона Юлиуша, тоже еврей, предусмотрительно предпочел сдать подразделение русским:

– Его, правда, в офицерский лагерь отправили, а потом, по слухам, под Смоленском расстреляли... – везением Юлиуша оказался лагерь за Волгой:

– Мы бежали, добрались до Кавказа... – он поправил очки, – ночью границу перешли... – советские пограничники застрелили троих человек из группы. Остальные, оказавшись в Тегеране, перебивались случайными заработками. За три года Юлиуш хорошо выучил фарси:

– Я английский язык преподаю, – объяснил он, – местные богачи, в общем, неплохо платят. Я бы в армию вернулся, но британцы нам отказывают. И до Израиля здесь далеко...

Меир уверил его:

– Еще вернетесь. В Италии воюют еврейские соединения... – услышав о сержанте Авербахе, Юлиуш обрадовался:

– Значит, жив он. Я до войны на его концерты в Варшаве ходил. Он великий музыкант... – у Юлиуша в столице Польши остались родители. Юноша о них не говорил, а Меир с Питером ничего не спрашивали.

В рыночном кафе выяснилось, что человек, похожий по описанию на Воронова, вывел Джона на улицу. Хозяин покачал головой:

– Он будто пьяный был. Правовверные не пьют, пророк учит нас... – лекцию о пророке они не дослушали. Стало ясно, что Воронов использовал снотворное средство. С помощью Юлиуша они узнали, что русского, поблизости, ждала машина. Некоторые торговцы не спали. Они заметили светловолосого, невысокого мужчину, в западной одежде:

– Его в автомобиль уложили... – водителя автомобиля никто не видел. Они отвезли Юлиуша в его маленькую комнатку, неподалеку от синагоги. Меир курил, одной рукой держа руль:

– Мы имеем дело с русскими, Питер. Кепка мне, на встрече, ничего не сказал. Он глазом не моргнул, когда я заявил, что знаю, где держат Констанцу. Я уверен, он в курсе, где находятся и Констанца, и Стивен... – они понятия не имели, сколько безопасных квартир у НКВД в Тегеране. Джона могли отвезти и в посольство. Меир развернул на приборной доске карту:

– Вряд ли. Для таких..., – он замялся, – мероприятий, подыскивают заброшенные места, но желательно с доступом к воде и электричеству..., – Питер поинтересовался: «Почему?».

Кузен отозвался:

– Если что-то пойдет не так, если химия подведет, или не справится сам..., – он помолчал, – объект, надо избавиться от тела, не вызывая подозрений..., – ночью они бы все равно, ничего не нашли. Меир отметил на карте заводские окраины:

– Начнем на рассвете. Будем объезжать все такие места..., – они решили сначала обследовать район башни молчания.

– Русские могут наплевать на запреты зороастрийцев..., – Меир аккуратно открыл дверь форда. Питер сомкнул пальцы на рукояти Энфилда, в кармане:

– Семейный пистолет я потерял. Что только не пропало, – он коснулся своего крестика, – главное, сохранить семью. Мы выручим Джона. После войны я найду Вороновых, обещаю..., – в золотистом небе кружились птицы. Кузен, блестя пенсне, рассматривал лужу, рядом с колонкой:

– Что здесь такое..., – Питер наклонился. Меир указал на отпечаток подошвы ботинка:

– Здесь цементная пыль, мой дорогой. Очень хорошо сохраняет следы..., – он легонько коснулся отпечатка:

– Свежий след, ночью оставили..., – он прищурился:

– Сорок третий размер, в европейской системе. У Джона сорок первый. Жаль, что мы не знаем, какой у Воронова..., – заброшенное здание чернело провалами окон. Послушав хриплые крики птиц, Питер поинтересовался: «А у Кепки?». Он, почему-то, был уверен, что кузен ему ответит.

– Тоже сорок третий, – рассеянно ответил Меир, опустившись на колени, рядом с лужей, – но перед нами не его следы. Ботинок узкий. Человек высокий, но изящный, а Кепка среднего роста, плотный..., – Меир вздохнул:

– Окурков нет. Но профессионал их бы и не оставил. Он торопился и не подумал о цементе. Он воду набирал..., – майор Горовиц вынул кольт: «Пошли».

Джон никогда не пил такой сладкой воды.

Лицо обжигал ледяной ветер, но щеки пылали. Ноги скользили, подкашивались, они брели по колено в снегу. Под легкой, меховой паркой, под кашемировым свитером, теплое белье промокло от пота. Джон застучал зубами:

– Надо устроить привал, поставить палатку, переодеться. Мы можем простыть, начнется воспаление легких. Хорошо, что я по-русски говорю. У нас есть рация, мы позовем на помощь..., – связываться здесь, на безлюдной, темной равнине, покрытой бесконечным снегом, было не с кем. Позвать на помощь, означало сгинуть, не выполнив своей миссии, не вернувшись с победой:

– Питер рассказывал, – Джона била дрожь, – в рейде на Сен-Назер они получили приказание не сдаваться, пока они могут стрелять, не сдаваться, пока они живы. Питер никогда не сдавался. Жаль, что его с нами нет..., – над головами, нездешним огнем играло северное сияние. Рот пересох, он облизал губы:

– Пить, как хочется пить..., – Джон потрогал клык на шее, под высоким воротником свитера:

– Скоро, совсем скоро. Констанца молодец, составила подробную карту. Мы должны миновать семь столбов..., – крепкая рука коснулась его руки: «Смотри».

Лицо спутника все время менялось. Джон видел пенсне Меира, иногда кузен становился давно умершим отцом, или покойной сестрой. Человек рядом с ним, внезапно, вырастал, его плечи расширялись. Седые, длинные волосы, развевались по ветру.

На горизонте двигались, перемещались огни костров. Смуглое, испещренное морщинами лицо старика было бесстрастным. Джон вскинул глаза. Звезды бешено кружились, на вершинах семи столбов появились высокие факелы. Снег озарило багровое сияние, ему стало жарко:

– Надо идти. Не останавливаться, иначе замерзнешь. Он говорит, что осталось немного... – на крепкой ладони старика лежал медвежий клык:

– Дерево и семь ветвей... – Джону хотелось схватить губами снег, – Констанца видела рисунок, девочкой. Но ничего не сказала, а потом нашла похожий эскиз в папке. Она здесь была, Констанца. Я снял клык... – ему хотелось сорвать и остальную одежду. Скинув парку, он потянул через голову свитер:

– словно я в Бирме. Я тогда выжил, в лагере, и Меир выжил в плену. И потом он тоже выжил, спас других людей. Мы и сейчас справимся... – раздевшись, он почувствовал долгожданную легкость. Он потряс Меира за плечо:

– Сними парку, так лучше... – в ушах звенел бубен, бил барабан, он заплясал по снегу. Меир опять превратился в давешнего старика:

– Уходи, – услышал Джон глухой голос, – здесь не всем можно быть. Только если тебя позовут, как Локку. Она попросила себе дочь, а ты что пришел просить... – снег закончился. Перед каменными столбами лежала бездонная полынья. Раскинув руки, Джон ступил на тонкий, незаметный, прогибающийся под ногами лед:

– Жизни прошу... – крикнул Джон столбам, – пусть я найду ее живой, пусть мы останемся вместе. Один раз я опоздал, но такого больше не случится... – черное небо разорвали молнии, огненная полоса косо перечеркнула горизонт:

– Те, кто живы, мертвы. Те, кто мертвы, живы... – он орал, срывая голос:

– Я твой потомок, твой и Локки... – Джон понятия не имел, кто такая Локка:

– Это, наверное, туземный князь, от которого клык миссис де ла Марк достался. Наверное, ее так звали, на местном языке...

Джон закричал еще громче:

– Пустите меня вниз! Я прошу вас, прошу... – он обернулся, ожидая увидеть блестящие, седые волосы старика, темные глаза.

Глаза оказались серыми, словно свинец, холодными, будто пуля. Что-то горячее, острое, ударило его в грудь. Едва слышно затрещал лед. Взмахнув руками, потеряв равновесие, Джон погрузился в черную воду забвения.

Максимилиан, в сердцах, отшвырнул ведро.

Пора было заканчивать. По его хронометру время подходило к шести утра. Штандартенфюрер не хотел привлекать внимание, болтаясь в здании днем. Машину он загнал в полуразрушенную пристройку, со двора автомобиль бы никто не увидел. Ему оставалось пристрелить Холланда, принести воды, и заняться, как говорил Макс, зачисткой после операции.

Он смотрел в мокрое, разгоряченное, пылающее лицо. Пахло мочой и рвотой, из-под ногтей Холланда сочилась кровь. Кроме фармацевтических средств, в несессере лежали и хорошие, золингеновские, маникюрные ножницы. Отстегнув наручники, Максимилиан сунул их в карман куртки. Не стоило оставлять никаких следов. Холланд, немедленно, замал руками:

– Пустите меня вниз. Она жива, я знаю... – Максимилиан еле успел распрямиться.

Штандартенфюрер видел галлюцинации объектов, после применения скополамина:

– Но никогда таких сильных видений не случалось... – недовольно подумал Макс, – он отменную ересь нес. Хорошо, что я не стал терять время, и сразу спросил о моей драгоценности. Иначе он бы всю ночь ерунду болтал... – Холланд вращал глазами, пытался вырваться из наручников, называл Макса именами кузенов, и разговаривал с покойным отцом.

Тем не менее, штандартенфюрер узнал все, что ему требовалось. Доктор Кроу находилась в СССР. Максимилиан присвистнул:

– Вот чей десант в Норвегию прилетал. Молодцы, отлично сработали. Муха говорил, что его брат в Мурманске подвизался, в истребительном полку. Якобы протаранил самолетом подводную лодку, и стал калекой. Видели мы таких калек. Никто его не расстреливал, русские замели следы. Инсценировали гибель полковника Кроу..., – по мнению Макса, НКВД разыграло очень изящную операцию:

– Они отправили в Норвегию Воронова..., – Максимилиан подхватил ведро, – а брат 1103 давно в ГУЛАГе, как они лагеря называют. Воронов себя выдал за англичанина, нашел 1103, соблазнил ее. Вот в кого я стрелял..., – понял Макс, – в Эресунне. Он выполнил задание, привез 1103 в СССР, а потом его послали за Бором. Муха дурак, его брат тоже работает на НКВД. Надо разослать по лагерям новые приметы, на случай, если я его, все-таки, не убил..., – о предполагаемой смерти брата Макс русскому говорить не собирался. Мухе предстояла особая, секретная миссия, отправляющаяся в СССР.

Холланд болтал что-то о снеге и семи столбах. Максимилиан вспомнил рисунок, в папке 1103:

– Никто бумаги не видел, кроме меня и моей драгоценности. Он бредит..., – в углу подвала зашевелились крысы. Штандартенфюрер насторожился. По каменному полу заматался луч фонарика. Знакомый голос позвал:

– Меир, иди сюда..., – Макс велел себе не дышать. Бросив последний взгляд на испачканный кровью клык, на шее Холланда, он, на цыпочках, пробрался к задней двери, выходящей в коридор:

– Черт с ним, меня он не вспомнит. Он вообще ничего не вспомнит. Скополамин вызывает амнезию..., – Холланд жалобно застонал. Герр Кроу заорал:

– Меир, немедленно сюда..., – Макс, тенью, выскользнул из подвала. Аккуратно поставив ведро на пол, на ощупь, найдя полуразрушенную лестницу, он заторопился наверх.

За писком крыс, за тяжелым запахом крови и рвоты, Питер ничего не слышал. Кузен задышал сзади:

– Я все проверил, комнаты пустые..., – луч фонарика выхватил из темноты оцинкованный, мясницкий стол:

– Здесь никого нет..., – недоуменно сказал Меир.

Еле успев схватить Питера за плечо, он рванул кузена назад. Блестящее лезвие прорезало темноту, они увидели воспаленное, с выпученными глазами лицо:

– Фон Рабе..., – Джон надвигался на них, с топором, – здесь был фон Рабе..., – Питер, углом рта, шепнул:

– Ты справа, я слева. У него галлюцинации, после скополамина. Откуда в Иране взяться фон Рабе? Джон Венло вспомнил..., – вдвоем, они, кое-как, скрутили кузена. Джон, довольно покорно, отдал топор. Поводив фонариком по комнате, Меир вздохнул:

– Мы их упустили, Питер. Но, наверняка, всем занимались Воронов и Кепка. Следы, думаю, Воронов оставил..., – Джон плакал, свернувшись в комочек на каменном полу:

– Пустите меня к ней, пустите..., – Питер взглянул на часы:

– Поехали, Меир. Отвезем его пока на мою квартиру. Не стоит Джона в таком состоянии, показывать начальству..., – крысы шныряли под ногами. В воздухе, даже здесь, висела белесая пыль:

– Топор они для устрашения привезли, – хмыкнул Меир, осторожно поднимая Джона на ноги, – но сейчас он ничего не вспомнит. И потом тоже вряд ли..., – они, бережно, повели герцога к выходу.

На темном дереве стола белела небрежно свернутая газета The Times:

23 ноября 1943 года, вторник. Продолжается конференция лидеров союзных стран с генералиссимусом Чан Кайши. Успешные налеты королевской авиации на Берлин... – кафе на тегеранском вокзале устроили в европейском стиле. Здание выстроили немецкие инженеры и архитекторы, до войны. Четкие линии светлого камня, огромные окна, стальная крыша над путями, походили на любимый Максом Лертский вокзал в Берлине.

Предвоенным летом четырнадцатого года семья фон Рабе отправлялась на отдых, на остров Пёль, в личном вагоне. Максимилиан, четырехлетний, в коротких штанишках и синей матроске, держал за руку Отто, толстенького, белокурого малыша. Макс помнил широкополую, по довоенной моде, шляпу матери, из легкой соломки, льняной костюм отца, блеск золотого хронометра, движение стрелки на больших, станционных часах.

Родителям проводник принес кофе, а они пили лимонад. Мальчишки разглядывали заманчивые сладости, в ларьках на перроне. Суетились носильщики, пахло дымом и гарью, поезд медленно трогался. Впереди, на севере, их ждало три месяца белого песка, мелкой, прозрачной воды, и теплого солнца:

– Генрих тогда еще не родился, – штандартенфюрер изящнопил кофе, – а в восемнадцатом году мама его привела нас провожать... – в швейцарский пансион брата фон Рабе уезжали с Анхальтского вокзала, соединяющего Германию с югом.

Все вокруг стало другим.

На станциях отирались калеки, в старой военной форме, со споротыми нашивками. На щитах открыто расклеивали коммунистические листовки, рабочие разгуливали с красными бантами. Год назад большевики взяли власть в России, объявив о конце старого строя. Война еще шла, газеты публиковали сводки с фронтов, но все понимали, что Германия сложит оружие:

– Август жаркий стоял. Мама на Генриха тоже матроску надела... – отец вез Макса и Отто в Швейцарию. Весной, после второго ранения, он вернулся с фронта. Граф Теодор, желчно, замечал:

– Хватит безумия. После перемирия мы лишимся половины заводов и фабрик. Мы отдадим французам Рур и до конца наших дней будем платить репарации. Кайзер должен уйти добровольно, иначе он рискует судьбой российского императора... – на перроне, шестилетний Отто всхлипнул:

– Не хочу ехать в Швейцарию. Почему Генрих остается с мамой и папой, а нас в школу отправляют... – Максимилиан, рассудительно, ответил:

– Генрих еще малыш. Мама с ним тоже в Баварию уезжает. Папа говорит, что сейчас в Берлине опасно... – он обнял брата за плечи: «Не бойся, я за тебя вступлюсь, если что».

– И вступался... – длинные пальцы, с золотым перстнем, размяли сигарету, – хотя я никогда драться не любил. Предпочитал действовать силой слова, так сказать... – графиня Фредерика держала младшего сына на руках. Поезд разгонялся, мальчишки высунулись из окна. Генрих махал братьям: «До свидания, до свидания...»

– Он тогда смешно говорил, – вспомнил Макс, – все слова в кашу лепил... – солнце сверкало в каштановых волосах ребенка, высвечивая рыжие пряди. Максимилиан едва слышно вздохнул:

– Той осенью революция началась. Папа и маму с Генрихом к нам отправил... – братья фон Рабе учились в Institut auf dem Rosenberg, в Санкт-Галлене, лучшей школе немецкой Швейцарии. Граф Теодор снял для жены виллу в городе. Генрих, сначала, жил с матерью, а потом присоединился к старшим мальчишкам, в школе. Германия успокоилась. В двадцать втором году графиня Фредерика уехала в Берлин.

– И умерла, через два года..., – он курил, рассматривая витражи на окнах, с персидскими рисунками, отполированный, блестящий пол.

– Родилась Эмма, а мама умерла. Ей немного за сорок было, папина ровесница. Они девочку хотели, после нас троих..., – Максимилиан успел навестить отличную ювелирную лавку, на базаре. Штандартенфюрер вез сестре ожерелье, лазоревой бирюзы, с жемчугом, а невестке, золотой браслет, тоже с бирюзой, только зеленой. Отцу и братьям он приготовил запонки с агатом.

Вчера, когда герр Швальбе занимался упаковкой багажа, Максимилиан заглянул к антикварам. Он придирчиво выбирал керамику и старинное серебро, успешно поторговался за два отличных ковра, и сбил цену на альбом из десятка миниатюр Ризы-йи-Аббаси.

Штандартенфюрер собирался пригласить на открытие нового зала в галерее рейхсфюрера СС и маршала Геринга:

– Можно устроить прием, перед свадьбой, – решил Макс, – совместить два счастливых события..., – вернувшись с операции, он сухо сказал Мухе:

– Ваши бывшие коллеги, мой дорогой будущий родственник, нас опередили. Вы русский, владеете языком, знаете страну. Вам и карты в руки..., – услышав, что ему придется вернуться в СССР, Муха побледнел:

– Ваша светлость, меня в Москве ждет расстрел. Моего брата..., – Максимилиан прервал его:

– С вашим братом все более чем в порядке..., – второй Воронов, конечно, мог покоиться на дне Эресунна, но Макс не собирался рассказывать Мухе о своем выстреле.

– Он кричал, что его брат, коммунистическая сволочь, но еще два года назад Муха клялся в верности Сталину и большевикам. Не стоит рисковать. Если он узнает, что я стрелял в Степана, он может сорваться..., – Максимилиан больше всего ненавидел в славянах, непредсказуемость, а в евреях, проклятое упрямство:

– Взять хотя бы бандитов Варшавского гетто. Любой немец, в подобной ситуации, приказал бы своим солдатам организованно сложить оружие. Понятно было, что их ждет поражение. Они предпочли умереть, но не сдаться. Как мерзавцы, в форте де Жу..., – Максимилиан очень надеялся, в скором времени, увидеть мальчишку в рейхе:

– Я его живым не отпущу. Я и до Холланда доберусь, обещаю, и до герра Кроу, и до Горовица..., – штандартенфюрер занес в черный блокнот пометку. По возвращении в Германию, требовалось разослать новые приметы так называемого полковника Кроу по концентрационным лагерям. Макс подумал, что брат Мухи может себя выдавать за норвежца:

– Он долго в стране болтался. Наверняка, выучил язык..., – Муха заблеял о том, что его брат получил тяжелое ранение и стал инвалидом.

– Петр Арсеньевич, – довольно терпеливо, сказал Макс, – вы профессионал. Вы, лично, видели вашего брата, после так называемого подвига? Говорили с ним? Сидели у постели доблестного Героя Советского Союза? – Муха помотал головой.

– В газете, – кисло подытожил штандартенфюрер, – можно написать все, что угодно. Можно даже переписать газету. Вы жили в сталинской России, зачем я вам все это рассказываю? Что касается писем от вашей невестки, – Макс усмехнулся, – товарищ Князева, я больше чем уверен, тоже часть игры НКВД. Вас обвели вокруг пальца..., – он принял от Мухи кофе, – весьма элегантно, я должен признать..., – Петр, бессильно, подумал:

– Суки. Они Степана взяли под крыло после первого дебоша. Пригрозили ему лагерем, расстрелом. Отличное прикрытие, слабовольный дурак и алкоголик. Даже я не заподозрил, что у Степана есть двойное дно..., – Воронцову-Вельяминову отчаянно не хотелось возвращаться за линию фронта, к большевикам.

Он попытался сказать, что плохо знаком с системой, так называемых шарашек, где, по словам его светлости, держали доктора Кроу. Петр не лукавил. До войны он занимался внешней разведкой, и устранением врагов Советского Союза. Тогдашний майор госбезопасности Воронов не отвечал за работу с учеными. Он вспомнил карту СССР:

– Ваша светлость, – довольно робко, сказал Петр, – она может быть где угодно, от Волги до Дальнего Востока. А если Холланд не понимал, что говорит? Средство вызывает бред, галлюцинации... – Максимилиан отрезал:

– Я не хуже вашего разбираюсь в работе с фармацевцией. Холланд британец, доктор Кроу их национальное достояние... – Максимилиан понимал, что 1103 принадлежит всему миру:

– Нет... – сладко подумал он, – моя драгоценность от меня больше не сбежит. Я ее не отпущу. Она сделает бомбу, построит удаленное управление ракетами, вернется к проекту конструкции... – вслух, он добавил:

– Британцы один раз организовали ее исчезновение, через поляков. Холланд четко сказал, что доктора Кроу похитила из Норвегии миссия НКВД. Ясно, что они готовы на все, для освобождения великого ученого... – Максимилиан, небрежно, добавил:

– Кого, кстати, в вашей бывшей альма-матер называют Кепкой? – кличку он услышал от Холланда. Муха часто задышал, облизав пересохшие губы:

– Мой бывший наставник, жид, Эйтингон. Я о нем рассказывал. Он всегда кепку носил, на заграничных операциях... – Максиму показалось, что русский сейчас свалится в обморок:

– Он приехал сюда за мной... – пробормотал Муха, – НКВД хочет меня выкрасть и убить... – Максимилиан, незаметно, закатил глаза. Штандартенфюрер не сомневался, что, попадись Муха русским, его бы немедленно расстреляли, но бывший начальник Петра Арсеньевича, явно, находился в Тегеране не в поисках предателя.

– Герр Швальбе, – Максимилиан рассмеялся, – успокойтесь. В воскресенье начинается конференция тройки. Ваш... – он пощелкал пальцами, – бывший ментор, явился сюда обеспечивать безопасность Сталина. Ему нет дела до швейцарских коммерсантов, завтра отправляющихся в Стамбул... – Муха купил билеты на поезд до Тебриза, где они пересаживались на турецкий экспресс, через Анкару. В Стамбуле Швальбе и Лернера ждал самолет в Цюрих. В Швейцарии они обретали немецкие документы и настоящие имена.

Свернув газету, Максимилиан взглянул на хронометр:

– Муха трус, каких поискать. До Стамбула он у меня головы от карты не поднимет... – штандартенфюрер поручил Мухе написать подробный доклад о состоянии советской физики, до войны. Максимилиан хотел знать, куда НКВД могло отправить доктора Кроу:

– Надо, по возвращении в Берлин, созвать закрытое совещание, у рейхсфюрера, с русскими эмигрантами, учеными. Пригласить наших физиков, обсудить возможные варианты. Не называя ее имени, конечно... – Максимилиан помнил, что до войны у британцев сидел русский агент:

– Из-за него история с обстрелом Теруэля началась... – он прислушивался к вокзальным объявлениям, – русские попросили нас передать координаты кому-то из офицеров ПОУМ. Хотели убить двух птиц одним камнем, как они говорят. Виллем потом в монахи подался, совестливый человек... – добраться до крота, передающего сведения в НКВД из Лондона, не представлялось возможным:

– Он не знает, где доктор Кроу. Такими сведениями НКВД делиться не собирается... – Максимилиан, рассеянно, помешал густой, пахнущий пряностями кофе. В букинистической лавке он нашел старый, изданный до первой войны, сборник рецептов персидской кухни, на немецком языке. Максимилиан купил книгу для невестки:

– Пусть побалуует нас острой кухней. Отто, конечно, скажет, что такое вредно для желудка, но нельзя, все время, есть тушеную капусту... – племяннику он выбрал шкатулку, с оловянными игрушками, персидской конницей и колесницами:

– Ладно, – успокоил себя Макс, – главное, понять, где находится 1103. У Власова есть отличные, опытные офицеры, летчики. Они справятся с десантом. Мухе достаточно пистолет к виску приставить, как он вывернется наизнанку. Трус, он и есть трус. Не стоит рисковать, отправлять его обратно в СССР... – Макс поднял голубые глаза. Петр Арсеньевич запыхался:

– Все готово, ваша светлость, – он держал багажные квитанции, – отправление через полчаса... – Максимилиан указал на стойку:

– Закажите себе еще кофе... – проводив Муху глазами, он поздравил себя:

– Все прошло отлично... – стрелка на часах, прыгнув, передвинулась.

Штандартенфюрер вспомнил:

– После похорон мамы папа нас обратно в школу отправил. Он увез Генриха и Эмму на остров Пель... – Максимилиан не верил в анализ, считая его еще одной жидовской хитростью:

– Но мне до сих пор обидно, – понял он, – обидно, что папа не взял нас на море. Отто и не заметил, он тогда начал интересоваться медициной. Резал живых лягушек, а потом и не только лягушек. Но что делать? Папа правильно сказал, мы должны были готовиться к поступлению в университет. Я и готовился... – лето Макс провел, занимаясь латынью.

Он подумал о теплом ветре, на острове, о яхте, об огне костра, в балтийских сумерках:

– Отвезу туда жену, – подытожил Макс, – на медовый месяц... – Муха ловко забрал его пустую чашку:

– Я еще виноград взял, орехи... – Максимилиан разгрыз крепкими зубами фундук: «Доставайте блокнот. Начнем работу».

На стенах малого зала заседаний британского посольства развесили разграфленные, расчерченные по дням листы бумаги. Официанты сменили набитые окурками пепельницы. Британцы заказывали хороший цейлонский чай, американцы пили кофе. Из корзин для бумаг торчали горлышки пустых, стеклянных бутылок из-под кока-колы и британского лимонада R. White.

Доклад полковника Горовица закончился до обеда. Сейчас предстоял короткий брифинг, где Меир знакомил собравшихся с обеспечением безопасности в ходе конференции. Потом трибуна, вернее, канцелярский стол, переходила владельцу «К и К». Питер устроил рядом свернутые карты Германии и оккупированных стран.

На обед подали безвкусный, тяжелый пирог с почками, и картофельное пюре. Кузен Мэтью, сидевший напротив Меира и Питера, поинтересовался:

– А где Джон? Его со вчерашнего дня не видно... – майор Кроу обаятельно улыбнулся, в голливудской манере:

– Болееет. Отравился базарной стряпней. Завтра он поднимется на ноги... – то же самое услышали и остальные. Атташе американского посольства Уоррен, не преминул встрять:

– Здешние стандарты гигиены попросту отсутствуют, господа. Местные... – Уоррен, видимо, хотел сказать, дикари, но вовремя спохватился, – местные жители не пользуются туалетной бумагой, простите за откровенность...

Меир, по секрету, сказал Питеру, что родные Уоррена владеют долей акций в компании, производящей туалетную бумагу:

– Удивляюсь, что он пока не начал рекламировать семейный продукт... – Питер вертел пузырек, полученный от посольского врача:

– Мне ничего и не надо рекламировать..., – на бумажной этикетке виднелся черный, четкий оттиск раскинувшего крылья ворона: «К и К. Anno Domini 1248». Меир заметил:

– У тебя скоро юбилей, семь сотен лет компании. Кажется, только у японцев есть такие старые предприятия. Надо устроить выставку...

Питер вытряхнул на ухоженную ладонь две пилюли:

– Сначала надо дожить до сорок восьмого года, мой дорогой. Господь его знает, сколько война продлится. Может быть, и пять лет..., – он покатал таблетки пальцем:

– Активированный уголь. Ладно, Джону он не повредит..., – кузен пришел в себя на квартире, где жил Питер. К их удобству, больше здесь никто не остановился. После ледяного душа, и нескольких чашек крепкого кофе, Джон заявил:

– Я должен сообщить начальству, что в Тегеране находится фон Рабе..., – кроме встречи с Вороновым в базарной забегаловке, Джон больше ничего не помнил:

– Воронов мне чай принес..., – растерянно сказал герцог, – вкус был совершенно обычным..., – Питер укрыл кузена верблюжьим одеялом:

– Разумеется. Хлоралгидрат не меняет вкуса жидкостей. Потом Кепка и Воронов вкололи тебе скополамин. Фон Рабе, не больше, чем твоя галлюцинация. Он тебя в Венло похищал, мозг так и сработал..., – Джон, закашлявшись, затянулся сигаретой:

– Они правы. Сначала было холодно, потом жарко, хотелось пить..., – Джон знал побочные эффекты от применения скополамина:

– Все сходится..., – подняв руку, он посмотрел на посиневшие ногти:

– Ты их прищемил, – решительно отозвался Меир, – сразу на двух руках. Не спорь со мной. И вообще, никто не обратит внимания на твои ногти. Тройка скоро прилетает..., – по всем правилам, Джону требовалось поставить в известность Секретную Службу о похищении:

– К русским идти бесполезно, – мрачно сказал он, – Кепка здесь, наверняка, тайным образом. И Воронов, думаю, не собирается болтаться в Тегеране дольше положенного по работе. Встретился с начальством, провел операцию, и..., – Джон показал довольно неприличный жест.

Меир кивнул:

– Не только бесполезно, но и бессмысленно. Они все будут отрицать. Что касается твоего начальства, оно прилетает с Черчиллем. Подожди, отлежись. Закончим конференцию, придешь, так сказать, с повинной..., – Джон согласился, что три или четыре дня дела не меняли. Они решили уничтожить и записку от Воронова, и ответное письмо Кепки Меиру. Майор Горовиц сжег документы в растопленном камине:

– Не стоит выходить из сумерек..., – Меир пошевелил кочергой пепел, – поверь, тебе не миновать долгого разбирательства. Впрочем, ты после бирманского лагеря и так его не избежал..., – Меир вздохнул. Джон собирался прийти к новому руководителю Управления Специальных Операций, генерал-майору Габбинсу, после того, как Черчилль улетит из Тегерана.

Питер посоветовал:

– Сделай вид, что русские за тобой следили. Всем известно, что они свое посольство наспиговали разной техникой. Они с квартала глаз не сводят. Наши фотографии у них давно имеются..., – на встречу все пришли в штатских костюмах. Поправив галстук, майор Горовиц взялся за указку:

– Господа, начинаем. Итак, суббота, двадцать седьмого ноября. Предварительное расписание прибытия самолетов находится у вас в папках..., – все зашуршали бумагами.

Даллес, устроившись рядом с Донованом, попивал кофе. Он, незаметно, рассматривал майора Горовица. Кавалер трех орденов, напоминал бухгалтера, в неизменном, простом

пенсне, с немного растрепанными, темными волосами. На пальцах виднелись пятна чернил. Даллес вспомнил юношу, в вагоне экспресса «Колумб», семь лет назад:

– У него седина появилась, впрочем, как и у всех нас. Неужели, он, все-таки, Паук? Плоть от плоти Америки... – конверт с черно-белыми фотографиями лежал в кармане твидового пиджака Даллеса. Он не мог доверить снимки даже личному сейфу. Едва увидев содержимое пакета, Донован, решительно, сказал:

– Сомнений быть не может. Ягненко называл его Кепкой. Миссис Анна объяснила, что он один из специалистов по внешней разведке, на Лубянке. Эйтингон его зовут... – Даллес помнил испанский альбом Ягненка:

– Значит, его в Мадриде завербовали, в первый визит. Или раньше, через знакомцев его матери, через его старшего брата? Ягненко встречался с раввином Горовицем, в Европе. Миссис Горовиц возвращается на работу в штаб военно-морского флота. Все сходится, как на картинке... – Донована волновало безукоризненное совпадение обстоятельств:

– Слишком красиво, – сказал он Даллесу, – словно рекламная фотография, в журнале. Будто Ягненко идеальный шпион. Как миссис Анна говорила? Нормальные люди всегда что-то упустят, о чем-то забудут. И вообще... – Донован постучал сигарой по фото, – Ягненко опытный человек. Почему он открыто подставился, встречаясь с куратором у всех на глазах? – Даллес напомнил ему, что на фото они видели соседей по столику, в дешевой забегаловке:

– Мы понимаем, что рядом с Ягненком сидит Эйтингон. Никто другой на постороннего человека и внимания бы не обратил. В советском посольстве есть слабое место... – Даллес повертел конверт, – знать бы, кто, таким образом, хочет выйти с нами на контакт... – конверт прислали городской почтой, адресовав его Даллесу. И он, и Донован находились в официальном списке американской делегации, переданном в посольство СССР. Экспертизу здесь было проводить негде. Они и без техники видели, что фото сделаны советской камерой:

– Бумага тоже советская... – Донован помял лист, – в общем, я считаю, что надо показать снимки президенту, и потом что-то решать. Но Ягненко, то есть Паук, не дурак. Он больше с куратором не встретится... – они пожалели, что в Тегеране нет миссис Анны. Ее опыт здесь пригодился бы.

Женщина сидела в надежном уединении, в Вашингтоне, разрабатывая схемы разведки, перед будущим европейским десантом:

– Надо ее взять в Европу, – заметил Даллес, – она не кабинетный червь, а отличный оперативный работник. Нам предстоит взаимодействие с силами Сопротивления, немцы могут оставить агентов во Франции. Русских там не ожидается, никакой опасности нет... – пока они решили наблюдать за Ягненком.

– Ему только сатиновых нарукавников не хватает... – майор Горовиц знакомил собравшихся со схемой расстановки охраны и снайперов, на тегеранском аэродроме:

– Лимузин президента, с эскортом, покидает поле. Мы начинаем готовиться к встрече самолета премьер-министра... – Рузвельт и Черчилль прибывали в Тегеран по отдельности. Вечером, из Баку, прилетал Сталин:

– Его встречей русские занимаются... – облегченно подумал Даллес, – все меньше ответственности. Кепка, наверное, тоже сейчас совещание ведет... – они открыли окно, чтобы разогнать табачный дым в комнате.

Зал выходил на улицу, разделяющую британские и советские резиденции:

– Нас здесь всех сфотографировать можно. Кажется, русские даже затвором щелкают... – Даллес понял, что щелкает не камера.

Он даже не сообразил, как майор Горовиц успел достать кольт:

– Действовать согласно утвержденному протоколу, – спокойно сказал Меир, – выстрелы в непосредственной близости от зоны «А», – так называли брезентовый коридор,

по которому двигалась тройка. Под рукой Даллеса резко зазвенел телефон. Он сорвал трубку: «Что происходит?».

Пост охраны в вестибюле посольства круглосуточно слушал радики военных, дежуривших у шлагбаумов, на обоих концах улицы:

– Арестуйте его..., – распорядился Даллес, – какая, к черту, разница, кто он такой? Если он иранец, шах на нас не обидится, уверяю вас. И жену его тоже арестуйте. Что значит, не можете прикасаться? Мне плевать, что она в чадре! Если под чадрой прячется немецкий коммандо, вы лично ответите за нерасторопность..., – Даллес бросил трубку на рычаг:

– Нищий, калека, пытался прорваться сквозь ограждение. Утверждал, что он британец..., – сверкнули золотые запонки с бриллиантами. Майор Кроу поднялся: «Я разберусь, господа».

Дверь хлопнула, Меир откашлялся:

– Вернемся к режиму охраны улиц, где проедут лимузины А и В, и к подготовке лимузинов. Схема предварительной проверки машин, лист 4. Правила осмотра днища...

Выстрелы на улице Нофль-ле-Шато, разделяющей здания посольств, застали Наума Исааковича в кабинете, на втором этаже посольства.

Товарищ Сталин, с наркомом Берия, прилетал из Баку в субботу. К приезду Иосифа Виссарионовича требовалось подготовить полный доклад о ходе работы над бомбой, по сведениям, полученным от Паука. Больше куратор и агент встречаться не могли. Такое стало бы опасным для мальчика:

– Не стоит рисковать, – Наум Исаакович рассматривал фотокопии чертежей Вороны. Доктор Кроу, на досуге, занималась проектированием нового летательного аппарата. Самолет, если можно было так назвать конструкцию, не имел ничего общего с нынешними моделями:

– Реактивные двигатели, – Эйтингон изучал пометки на чертежах, – круглое крыло, возможность подъема в стратосферу. Она хочет преодолеть звуковой барьер, вырваться в космос..., – с прибытием доктора Кроу в СССР перед страной советов открывались практически неограниченные возможности:

– Осталось дожидаться, пока она сделает бомбу, и вывезти ее из Америки, – хмыкнул Эйтингон, – мальчик обо всем позаботится. Конечно, было бы удобнее, если бы она испытала чувства..., – на фотографиях, в глазах женщины, в твердом очерке лица, он видел только чистую, незамутненную логику:

– Однако немцы ее похитили с итальянским физиком, Этторе Майорана. Они собирались пожениться. Ворона способна на эмоции, на любовь..., – пока Ворона сидела в Лос-Аламосе, подвести к ней постороннего мужчину возможным не представлялось. Эйтингон погрыз карандаш:

– Она молодая женщина, тридцати не исполнилось. Начнет работать в лаборатории у Курчатова, встретит коллег, физиков. Влюбится, выйдет замуж, дети появятся. Женщина, даже гений, остается женщиной. От детей она никуда не сбежит..., – созданная весной по распоряжению Государственного Комитета Обороны, так называемая Лаборатория №2, под руководством Курчатова, пока располагалась в Казани, на базе тамошнего университета:

– У Вороны появится все, что угодно..., – Эйтингон рассматривал карту СССР, на стене, рядом с портретом товарища Сталина, в скромном френче, – квартира, дача, автомобиль, прислуга. Все научные журналы, вся мощь советской техники и промышленности..., – в будущем, они хотели перевезти физиков ближе к предполагаемым полигонам, для испытания бомбы. Кроме площадки под Казалинском, где собирались заниматься запуском ракет, и острова в Аральском море, куда переезжали лаборатории по созданию бактериоло-

гического оружия, они выбрали участок пустынной степи, под Семипалатинском. Эйтингон взглянул на побережье Северного Ледовитого океана:

– Семипалатинск город, вокруг поселки. Надо найти совсем уединенную, заброшенную местность..., – он обвел карандашом Новую Землю:

– Здесь физикам никто не помешает. Можно проводить подводные взрывы..., – он начертил линию от южной оконечности Новой Земли до материка:

– Неподалеку Печорлаг располагается..., – Эйтингон улыбался, – на первое января этого года там сидело пятьдесят восемь тысяч зэка..., – у Наума Исааковича была хорошая память. Почти шестьдесят тысяч зэка Печорлага, построили бы и закрытый порт, для снабжения полигона, и железную дорогу, и все, что требовалось для удобной жизни ученых:

– Зэка никому, ничего не скажут..., – он записал себе в блокнот: «Новая Земля», – они останутся в тех краях, навечно..., – вскоре лагеря получали новых обитателей. С освобождением оккупированных территорий предатели, и подручные гитлеровцев, должны были понести заслуженное наказание. Эйтингон закинул руки за голову:

– Вскоре мы примемся за европейские страны. Не все партизаны воюют под красным флагом..., – на конференции тройка обсуждала помощь борющейся Югославии, – есть и те, кто раньше коммунистов в тюрьмы сажал. В Польше, например..., – все такие партизаны, несмотря на свой героизм, тоже считались врагами будущего, социалистического строя:

– Нам не нужны буржуазные националисты, – заметил Эйтингон, на совещании в Москве, – страны Восточной Европы должны стать союзниками СССР..., – то же самое предполагалось сделать и с советской зоной, в оккупированной Германии:

– Берлин станет нашим, как и вся страна, рано или поздно..., – мальчик передал материалы своего закрытого доклада. Эйтингон, внимательно, изучил данные по немецким научным лабораториям, и урановым месторождениям.

Он прошелся с карандашом, по спискам ученых:

– Мы будем наступать с востока, и первыми окажемся в Тюрингии, Саксонии. Тамошняя промышленность попадет в наши руки..., – в руки СССР мог попасть и полигон в Пенемюнде, однако все зависело от упорства немцев в обороне. Пока каждый шаг по Украине стоил тысяч жизней советских солдат. Наума Исааковича такое волновало мало. У Советского Союза имелся огромный человеческий ресурс:

– После войны мы запретим браки с иностранцами, – вспомнил он:

– Предатели, которых немцы вывезли на работы в Германию, не захотят возвращаться в СССР. Девушки, наверняка, себе ухажеров нашли. Тем более, американцы с англичанами рядом окажутся. Правильно мы решили. Все советские граждане должны быть, немедленно, отправлены на родину..., – людей ждали фильтрационные лагеря, проверка, и, скорее всего, сроки:

– И военнопленных тоже, – заметил нарком Берия, – мы не доверяем солдатам и офицерам, заявляющим, что они, якобы, попали к немцам ранеными, в бессознательном состоянии. Они могли сами сложить оружие, перебежать на сторону противника. В так называемой армии Власова сотни тысяч бойцов..., – все власовцы, как о них говорили на Лубянке, подлежали немедленному трибуналу:

– Мерзавец, предатель..., – Эйтингон подумал о Петре, – советская Родина его вырастила, все ему дала, а он плюнул в лицо делу коммунизма. И брат у него такой же..., – по полученным от англичан сведениям, бывший Воронов придумал себе дворянскую родословную:

– Лгун, каких поискать..., – Эйтингон полистал досье, переданное Пауком, – должно быть, нашел фамилию в энциклопедии..., – с четких фотографий на него смотрели настоящие Воронцовы-Вельяминовы. Он посчитал ордена на парадной форме майора Питера Кроу:

– Отец его на первой войне погиб. Богатейший капиталист, а пошел добровольцем в армию, стал командо. Мальчик написал, что мистер Кроу знает русский язык. И герцог Экзетер тоже владеет русским. После войны надо их не выпускать из поля зрения..., – оба кузена Вороны сейчас, скорее всего, сидели на расширенном заседании американской и британской служб безопасности:

– Федор Петрович в Тенишевском училище курсы слушал..., – месье Теодора Корнеля сняли тоже в майорской форме, но французской:

– Он в Сопротивлении воюет..., – Эйтингон задумался, – однако он не коммунист, белогвардеец. Русскую эмиграцию мы после войны тоже прочешем. Пригласим людей вернуться в страну, репатрироваться. Они вспомнят березы, музыку Чайковского, арбатские переулки, расчувствуются..., – он усмехнулся:

– Думаю, многие приедут в Россию. То есть в СССР. А потом..., – Наум Исаакович махнул рукой. На совещаниях они говорили о сильных позициях коммунистов, во Франции и Италии. В таких обстоятельствах консервативные эмигранты были совсем ни к чему:

– Однако, он очень пригодится..., – барона Мишеля де Лу Наум Исаакович занес на отдельный лист блокнота:

– Если он выживет, конечно..., – здесь Советский Союз пока был бессилён. Предстояло еще найти профессора Кардозо, заодно избавившись от его жены. Эйтингон сплел сильные пальцы:

– Это потом, когда мы до Польши доберемся..., – пользуясь сведениями мальчика, он составил примерный список ученых, могущих оказаться в советской зоне оккупации. Нужных Советскому Союзу немцев, никто не собирался отправлять в лагеря.

Наум Исаакович сладко потянулся:

– Устроим отдельную шарашку, класса люкс, что называется. На Черном море, в Сочи, или Сухуми. Физики обрадуются, поняв, что вместо барака они получили номера высшего класса, личный пляж, и оборудованные лаборатории...

Взяв чашку, Наум Исаакович обнаружил, что кофе остыл:

– Я заработался..., – он снял трубку телефона, с тугим диском, – и вообще, надо обед заказать..., – посольский повар, армянин, готовил не хуже, чем на закрытых кремлевских приемах:

– Он и банкет обслуживает. Из Баку везут икру, в бочонках, осетрину, ящики с коньяком...

По слухам, в Тегеран, для концерта, прилетала мисс Дитрих:

– Но лучше бы мисс Фогель..., – Эйтингон вспомнил черные, падающие на плечи, тяжелые волосы, пышную грудь в декольте вечернего платья, – ей тоже тридцати нет. Она совсем молодая..., – концерт советской делегации, все равно, послушать бы не удалось:

– Американцы и англичане для себя мисс Дитрих приберегли..., – набрав первую цифру номера, он насторожился. С дальнего конца улицы, где стоял шлагбаум, патрулируемый охранниками союзников, донеслись два предупредительных выстрела.

Даже не накинув брошенный на спинку кресла твидовый пиджак, Наум Исаакович спустился по мраморной лестнице, в вестибюль посольства:

– Скорее всего, у кого-то нервы сдали. Палят по кошкам в кустах, все в напряжении..., – Эйтингон даже в командировках не носил форму, но здесь все знали, кто он такой. Капитан, начальник смены, вытянулся, вскочив из-за конторки:

– Все в порядке, товарищ комиссар государственной безопасности...

Наум Исаакович хохотнул:

– Союзники опять kota за немецкий десант приняли..., – пару дней назад, американские охранники, ночью, расстреляли помойного kota. Два поста охраны, советский и союз-

ников, переговаривались по радиации, через военного переводчика, местного работника НКВД. Капитан позволил себе улыбнуться:

– Никак нет, товарищ комиссар государственной безопасности. Парочка нищих пыталась в посольство пройти. Якобы, они британцы. Их арестовали, превентивно... – не дослушав, Эйтингон выбежал на гранитные ступени. Советский пост охраны располагался рядом с коваными воротами, с гербом СССР. Высокий, с мощными плечами калека, с изуродованным, обожженным лицом, в местном халате, разбитых сапогах и чалме, на почти лысой голове, и стройная женщина, закутанная в черную чадру, шли, под конвоем британских охранников, в хаки, к посольской калитке. Пару сопровождал майор Кроу, в отлично сшитом костюме, при галстукке.

С утра задул сильный, холодный ветер с гор, посыпал мелкий снежок. Деревья на улице гнулись, шурша сухими листьями. Тонкий луч солнца, появившись из-за туч, заиграл золотом в коротко стриженных, каштановых волосах майора Кроу. Эйтингон, незаметно, сжал кулаки. Невозможно было отдать приказ советским охранникам стрелять на поражение.

– Через три дня конференция начинается. Нельзя идти на такое нарушение протокола... – бессильно подумал Наум Исаакович:

– Мерзавец агент британцев. Жена его Петра завербовала, переспала с ним. Понятно, что брат Вороны не просто так в Мурманск явился. Но где ребенок? – судя по фигуре Князевой, под чадрой она никого не прятала. Калитка захлопнулась.

Бывший Герой Советского Союза Воронов и бывшая орденосеца Князева ступили на суверенную территорию посольства Его Величества короля Георга.

Шторы в комнате задернули. Через небольшую щель виднелось хмурое, серое небо. Перед Лизой стояла пустая фарфоровая тарелка, с выцветшим, голубым узором, со старой позолотой.

Их завели в посольство с черного, бокового хода, и сразу разделили. Она успела почувствовать прикосновение протеза Стивена, к своей руке:

– Ничего не бойся, пожалуйста... – шепнул муж, – теперь мы дома. Я докажу, кто я такой... – он ушел в сопровождении невысокого, красивого мужчины, с рано поседевшими висками. Глаза у него были лазоревые. Лиза, кое-как, разобрала, что его зовут майор Кроу:

– Кузен Стивена, я о нем слышала... – добравшись до Тегерана на рассвете, на попутном грузовике, они сразу направились на вокзал:

– В таких местах всегда иностранные газеты продают... – объяснил ей Стивен, перекивая бляние овец, – надо знать, что сейчас происходит... – грузовик высадил их на окраинном рынке. Лиза робко кивнула. В Иране в сторону женщин тоже не смотрели. Она, все равно, пряталась за надежной, широкой спиной мужа, в потрепанном халате.

Местную одежду они достали давно. После крушения самолета, следующим днем, они добрались до близлежащей деревни:

– Правильно Стивен сказал... – Лиза взглянула на плотно запертую дверь, – хороших людей всегда больше чем плохих... – они не знали фарси, только несколько туркменских слов. Такое оказалось неважным. В деревне поняли, что перед ними те, кто ищет приюта. Лекарь зашил Стивену рану на руке, им нашли комнату для ночлега:

– Нас кормили, – Лиза немного покраснела, – даже в дорогу дали провизии, и денег, как мы ни отказывались... – их довели на телеге до рынка в Мешхеде, откуда шли грузовики в Тегеран. Тысячу километров они проехали за две недели, по разбитым дорогам, останавливаясь в маленьких городках, по пути, ночуя у родственников, или друзей шоферов:

– В России, наверное, тоже так раньше было... – Лиза сидела в закрытом кузове, закутавшись в чадру, привалившись к уютному боку мужа, – а сейчас все оглядываются через плечо, требуют документы. Здесь никто нашими бумагами не поинтересовался... –

она поняла, что впервые, если не считать Монголии, попала за границу. На первый взгляд, Иран ничем не отличался от Казахстана, или Туркмении:

– Только нет портретов Сталина, военных и милиции. Но Иран, нейтральная страна... – Лиза опасалась, что их не пустят на вокзал:

– Ты знаешь..., – она держалась за протез мужа, – в таких местах всегда патрули стоят..., – центр Тегерана отличался от провинциальных, глинобитных домиков, усеивавших отдаленные улицы. Здесь ездили такси, и автобусы, женщины носили европейские костюмы, на щитах висели афиши, на фарси. Языка они не понимали, но было ясно, что в городе крутят голливудские фильмы.

Если на вокзале и дежурили патрули, то они не обратили внимания на бедного крестьянина, и его жену. Продавец, в газетном ларьке, окинув полковника Кроу недоверчивым взглядом, долго считал монеты. Найдя свободную лавку, купив у мальчишки с переносным, медным чайником, два стаканчика чая, Стивен присвистнул:

– Мы вовремя. В вашей прессе о таком не писали..., – через три дня в Тегеране началась конференция лидеров союзных держав. Лиза ахнула:

– Нам к посольству никогда не подойти..., – муж уверил ее, что британского гражданина, аристократа, и кавалера орденов, просто не могут не принять в посольстве:

– Премьер-министр к такому отношения не имеет..., – забрав у нее стаканчик, Стивен поднялся, – они обязаны оказать помощь мне и моей супруге..., – довольно церемонно сказал Ворон:

– То есть тебе, Лиза...

Адрес посольства они нашли на почтамте, в телефонной книге. По дороге в северный, богатый квартал, Стивен заметил:

– Если они сейчас готовят конференцию, то один из моих кузенов точно здесь. Герцог Экзетер. Такое нам очень на руку..., – улицу Нофль-ле-Шато перегородили барьеры, на углах стояли брезентовые шатры. Лиза слышала стук пишущих машинок. Улицу пересекал закрытый коридор. Лиза замерла:

– Стивен, советское посольство напротив. У них, наверняка, есть наше описание..., – после угона самолета прошло две недели. Лиза понимала, что НКВД догадается, кто поднял в воздух Як-6:

– В Казалинске они нашли документы Фроловых, взяли наши приметы. У них есть тетрадка моей мамы. Они знают, что я дочь Горского..., – Стивен пока не подозревал об отце Лизы:

– Может быть, не стоит рассказывать..., – неуверенно подумала она, – какая теперь разница..., – Лиза вздохнула:

– Неизвестно, когда я Стивена увижу..., – последним, что она увидела, на улице, обернувшись, был красный флаг СССР, с золотым серпом и молотом:

– Надеюсь, что больше никогда его не встречу..., – неожиданно мрачно пожелала Лиза.

Молчаливый военный, в форме хаки, привел Лизу в совсем голую комнату, напомнившую ей кабинет, в Свердловском НКВД. Окна выходили во двор посольства, в большой, уходящий вдаль сад. Лиза, облегченно, выдохнула. Она вздрагивала, заслышав шаги по коридору, или шуршание гардин. Лизе казалось, что дверь сейчас откроется, впустив в комнату наряд бойцов, в знакомой форме НКВД. Она слышала холодный голос:

– Пройдемте, гражданка Князева..., – ничего такого случиться не могло, но Лиза боялась, и почти не сдвинулась со стула. Британец показал ей ванную комнату, Лиза сумела выдать, на английском языке: «Спасибо». Вода была горячей, мыло пахло жасмином. Лиза повертела мягкое полотенце:

– Жаль, что нельзя в ванной помыться. Я, кажется, со Свердловска не мылась..., – она закрутила блестящий кран, трубы зашипели. Лиза покачнулась, в лицо бросилась кровь:

– В Мурманске я в ванной лежала, утром. Очень горячая вода была. У меня болела голова. Я немного выпила, и только. Мистер Мэтью проводил меня до номера..., – Лиза вытерла разругавшиеся щеки: «Все так и было».

Охранник принес ей чашку крепкого, сладкого чая с молоком. Поставив на стол пепельницу, он выложил пачку сигарет, в красно-белой упаковке. Лиза вспомнила:

– У мистера Мэтью похожие сигареты были, американские. Мне даже пирога отрезали..., – ей, было, неловко есть при охраннике, но тот быстро ушел. Лиза, урча, набросилась на пирог. Утром они не перекусили, девушка проголодалась:

– В Алма-Ате такие пирожки продавали, на вокзале, – поняла Лиза, – и в Кургане нам хозяйка их приготовила. Хоть бы ее дочка домой вернулась, живой и здоровой. Пусть мое платье поносит..., – кроме чадры, старого узбекского наряда, и потрепанных туфель, за душой у Лизы больше ничего не имелось. В Казахстане пирожки пекли из темной, ржаной муки. Здешний оставлял на языке вкус пряностей. Лиза и не заметила, как съела весь кусок. Она вытерла губы:

– Неудобно. Они не знают, кто я такая, а позаботились обо мне..., – бронзовая ручка двери повернулась, Лиза выпрямила спину.

Питер держал в одной руке термос кофе. Передав человека, называвшего себя полковником Кроу, на попечение солдат, он быстро позвонил Джону:

– Вставай, и немедленно приезжай сюда. У нас произошел..., – Питер искал слово, – инцидент. Я не хочу вмешивать в него американцев, даже Меира с Мэтью. Пока не хочу.

Он добавил:

– Появишься, сам все поймешь..., – технические специалисты заверяли, что внешние телефонные линии безопасны, но Питер всегда напоминал себе об осторожности. Вернувшись на совещание, он широко улыбнулся:

– Все разрешилось, господа. Майор Горовиц закончил..., – Меир кивнул, – пора мне приступить к докладу..., – поймав цепкий, внимательный взгляд Меира, Питер не стал ничего говорить. Начальство Джона прилетало в субботу. Пока герцог оставался самым высокопоставленным из сотрудников Управления Стратегических Операций, в Тегеране.

– Сначала надо понять, кто перед нами..., – человека, упорно именовавшего себя кузеном Стивенном, не узнала бы даже собственная мать:

– Ему пластические операции делали..., – понял майор Кроу, – я видел таких ребят, в госпиталях. И у него протезы кистей..., – на посту охраны девушка откинула чадру. Он помнил серо-голубые, большие глаза, на усталом, бледном лице, черный локон, спускавшийся на щеку:

– Они оба могут быть агентами НКВД, – расхаживая с указкой, у карты Европы, Питер думал о неожиданных гостях, – их послали сюда, потому что Кепка забеспокоился, после встречи с Меиром. Они хотят выведать, наши планы, в отношении Констанцы..., – закончив доклад, Питер забежал на кухню, перешедшую в ведение американских поваров. После завтра наступал День Благодарения. Союзники устраивали торжественный обед, где пела мисс Дитрих. Быстро сжевав кусок тыквенного пирога, налив кофе в термос, он позвонил на пост охраны. Герцог Экзетер приехал и работал с гостем, как они называли незнакомца. На долю Питера оставалась девушка.

Дверь за скрипела. Она, испуганно, подняла глаза:

– Она умылась, – понял Питер, – румянец появился. Она совсем молоденькая, едва за двадцать. Помни, что она может играть. Она словно Воронов, человек с двойным дном..., – поставив термос, разложив блокноты, Питер вынул золотой портсигар: «Вы позволите?». Он никогда не мог бы закурить без разрешения девушки, пусть и агента Лубянки. Она услышал дрожащий голос:

– Да, пожалуйста..., – майор Кроу щелкнул зажигалкой: «Может быть, вам удобнее говорить по-русски?». Он поморщился от своего акцента:

– Надо чаще практиковать язык. А как? Русские с подозрением относятся к тем, кто с ними заговаривает. И я здесь вообще неофициально..., – Лиза вспомнила:

– Стивен говорил, что у мистера Кроу отец русский. Он на первой войне погиб. Воронцов-Вельяминов..., – она выдохнула:

– Спасибо. Удобнее, конечно..., – Питер взялся за ручку:

– Несколько предварительных вопросов. Ваша фамилия, имя, дата рождения..., – он налил девушке кофе.

Лиза сглотнула:

– Князева, Елизавета Александровна. Я родилась в двадцать втором году, в Забайкалье..., – стряхнув пепел, майор Кроу начал писать.

Человек, называвший себя полковником Стивеном Кроу, отлично владел протезами.

Пальцы, обтянутые черной кожей, двигались. Он без труда держал чашку кофе и щелкал зажигалкой. Он размотал потрепанную, грязную чалму. На почти лысом черепе, с остатками каштановых волос, виднелись шрамы, от ожогов. Джон заметил щетину, покрывающую шрамы на щеках. Человек перехватил его взгляд:

– Я две недели не брился, негде было. В любом случае..., – он повел протезом, – после ранения, после операций, волосы стали плохо расти..., – Джон и сам все видел. Еще он видел шрам, на месте левого глаза. Правый глаз, мутной голубизны, находился не там, где положено:

– Ему много операций сделали..., – в простой, медной пепельнице, дымилась сигарета Джона, – видно, что восстанавливали нос, губы. Восстанавливали, как смогли, конечно. Уши они не трогали. То есть, у него нет ушей..., – тем не менее, слышал человек хорошо. Они начали разговор на русском языке. Джон пожалел:

– Практики у меня нет, а откуда ее взять? У него тоже акцент слышен...

Джон напомнил себе, что в Советском Союзе НКВД без труда нашел бы английского, или американского коммуниста:

– Вытащили из лагеря, предложили деньги. Жену подыскали, то есть придали ему куратора. Она молодая девушка, красивая. Кто откажется от подобного? – пластические операции могли быть частью большой игры, затеянной на Лубянке:

– Или его, действительно, ранили, на войне. Сотрудник НКВД, знающий английский язык. Акцент в русском он может изображать, ничего сложного..., – когда они перешли на английский, обнаружилось, что гость говорит довольно неловко. Он хмуρο объяснил:

– В СССР я большей частью молчал. Сначала рот и горло были обожжены, а потом я мычал, заикался. Так было безопасней, с моим акцентом. И моя жена..., – он запнулся, – леди Кроу, не знает английского языка. Мы с ней по-русски говорили...

Голос человека был глухим, прерывистым:

– Джон, это я, Стивен. Я понимаю..., – он отвернул изуродованное лицо, – понимаю, что ты мне не веришь. Но я могу рассказать тебе всю мою жизнь, от рождения, до того времени, когда я в Россию полетел. Джон..., – он долго щелкал зажигалкой, – пожалуйста, поверь мне. Когда Густы бомбой убило, ты приехал с Черчиллем в госпиталь. Питер позвонил в Оксфорд. Ты привез профессора Флори, малышке стали колоть пенициллин, она оправилась. Джон..., – протез, немного тряся, – Джон, как моя дочь? Ей два с половиной годика сейчас. Расскажи мне о ней..., – герцог молчал.

– Если они арестовали Стивена, в Мурманске, они могли выбить из него все сведения, всю семейную историю, – сказал себе Джон:

– Он опишет обстановку в Банбери, и на Ганновер-сквер. Он расскажет о нашей барже, и о том, как мы в Итоне учились. Не верь ни одному его слову, не расслабляйся. Ты один раз расслабился, с Вороновым, и вот что вышло...

Они с Питером не успели перекинуться, хотя бы, парой слов:

– Питера готовили к проведению допросов, – вспомнил Джон, – хотя он армейский разведчик, у них своя специфика..., – со слов начальника охраны посольства выходило, что девушке едва за двадцать:

– С другой стороны, – Джон оглядел голую комнату, – у нее может иметься опыт работы в подполье, на оккупированной территории. Ее хорошо вышколили, без сомнения. Мы наших работников учили правильной тактике поведения, на допросах..., – Джон всегда, с тоской, думал о покойной Лауре:

– Надо было мне не бояться, и сделать ей предложение. Я младше, но всего лишь на два года. Я видел, у нее что-то в Японии случилось. Она пошла в Секретную Службу, чтобы забыть о своем горе. Сидела бы сейчас в деревне, возилась с детьми..., – Стивен тоже думал о Лауре:

– Она могла бы подтвердить, что я, это я..., – он понял, что краснеет:

– Она меня видела, то есть и Джон с Питером видели, детьми. Но Лаура видела больше..., – такое, во-первых, было недостойно джентльмена, а во-вторых, Стивен не знал, где сейчас кузина.

– Я вообще ничего не знаю, – понял он:

– Я два с половиной года ничего не слышал о семье. Людей могли убить, ранить. Лаура могла погибнуть, в подполье..., – ясно было, что кузен, пока ничего рассказывать не собирается.

Стивен, тем не менее, настоял на том, чтобы сообщить Джону все подробности жизни полковника Стивена Кроу. Он говорил об Испании, о перелетах через Атлантику, о сражениях в начале войны, о своих орденах и плене. Перейдя к побегу из замка Кольдиц, он объяснил, что увидел будущую жену в Дрезденской галерее, перед «Сикстинской мадонной». Стивен напомнил Джону, что обвенчался с Густой в Швейцарии. Стивен понимал, что он мог все рассказать после ареста, сотрудникам НКВД:

– Они настороже, – вздохнул полковник Кроу, – через три дня конференция начинается. Джон работает в Секретной Службе. Ему по должности положено быть недоверчивым. Но я его кузен, самый близкий человек, после пропажи Тони. У меня тоже никого не осталось, Констанца погибла. Только Густой и Лиза..., – Стивен не мог подумать, что больше никогда не увидит Лизу. Он привык к длинным, ласковым пальцам, к нежному голосу, рядом, к теплоте дыхания, у своей щеки. Привалившись к его боку, Лиза клала ему голову на плечо. Она брала протез в узкую ладонь. Стивену казалось, что он чувствует ее рукопожатие:

– Мы будем летать вместе..., – несмотря ни на что, он улыбнулся, – Лиза обещала взять меня вторым пилотом. Она отличный летчик. Я был неправ, насчет женщин, за штурвалом..., – Стивен потушил сигарету:

– В Берне мне ссудили деньги, из бюджета посольства, на свадебный букет. Мы обвенчались, и на следующий день, улетели в Стамбул. Потом через Лиссабон добрались до Англии, вернулись в деревню Бриз-Нортон. Густой начала писать докторат, по Ван Эйку...

Он, внезапно, добавил:

– Очень хорошо, что вы с Питером здесь. Одолжите мне денег, чтобы опять не идти на поклон в посольство. Мы с Лизой в ЗАГСе..., – это слово полковник сказал по-русски, – поженились, в Мурманске. Мне надо купить ей кольцо, цветы..., – Джон смотрел на крепкую, тоже покрытую шрамами от ожогов шею:

– Он поменялся с полковником Вороновым документами и самолетами. Отдал ему семейный, золотой медальон. На боевом вылете он протаранил подводную лодку немцев

истребителем. Воронов сел на территории Норвегии. Его самолет горел. То есть, самолет Стивена..., – перед ним, совершенно точно, сидел не Воронов. Отлеживаясь на квартире Питера, Джон чертил схемы, в блокноте. Выходило, что разведчик, сотрудник НКВД Воронов, должен был уметь управляться с истребителем.

– Иначе ему никак было не оказаться в Норвегии..., – Питер рассматривал схему:

– Подожди. А второй брат? Мы не знаем, чем он занимается..., – они не знали, как зовут второго брата, и жив ли он:

– Воронова зовут Петром. Он мне представился, в кафе, прежде чем принести чай с хлоралгидратом..., – Джон повернул блокнот к гостю:

– Вы знакомы с этим человеком?

Стивен удивился:

– Откуда у них рисунок Степана? Степан погиб, разбился на моем самолете..., – он кивнул:

– Разумеется. Я тебе говорил о нем, Джон. Полковник Степан Воронов. Мы с ним летали, в Мурманске, поменялись машинами..., – Джон поднял телефонную трубку: «Я ненадолго».

Оставив у двери комнаты охранника, он вышел в темноватый, посольский коридор. Пахло хорошим табаком и старым деревом. Они находились в закрытом для посторонних крыле, американцев здесь ждать было неоткуда. Джон прислонился к панели, резного дуба:

– Меир рассказывал, что Аарона в Каунасе, из тюрьмы, спасли Максим и Наримуне. Максим мне о таком ничего не говорил, но он бы и не сказал. Посчитал, что незачем хвататься. У Наримуне был знакомый, русский летчик. Он только упомянул, что они на Халхин-Голе сталкивались..., – Джон вернулся к двери:

– Полковник Воронов служил в Прибалтике, в Каунасе? – изуродованная голова качнулась: «Да».

Джон смотрел на шрамы, на черную кожу протезов: «И на Халхин-Голе воевал?». Гость подтвердил и это. Джон откашлялся:

– Он был один в семье? Или у него имелась родня, братья, сестры..., – по словам гостя, выходило, что полковник Воронов был сыном известного большевика, героя гражданской войны:

– Его отец на Перекопе погиб..., – Джон слушал глуховатый голос..., – но о братьях, или ком-то другом, он мне не говорил..., – Джон подозревал, что Степан Воронов не стал бы распространяться о брате, работнике НКВД:

– Я скоро вернусь, – пообещал он, закрывая дверь. Коридор украсили старыми, спортивными плакатами, прошлого века. Посол Его Величества при дворе шаха, сэр Буллард, учился в школе Бэнкрофт, известной своей футбольной командой. Питер, закинув голову, рассматривал плакаты. Услышав шаги, он обернулся, доставая блокнот:

– Мисс Князева все подтвердила..., – он указал на рисунок, – полковник Степан Воронов, служивший в Мурманске..., – кузен, невесело, улыбнулся:

– Мисс Князева больше года думала, что замужем именно за ним, пока Стивен ей во всем не признался..., – Джон открыл рот. Он хотел сказать, что человек со шрамами может быть и не Стивеном. Питер велел:

– Подожди. У полковника Воронова был брат, Петр, работник НКВД. Мисс Князева, его, правда, никогда не видела..., – Джон смотрел на рисунок:

– Они близнецы, Питер. Степан Воронов затеял историю, с обменом документами, чтобы оказаться в Норвегии. НКВД знал, что Констанца там. Им сообщили, местные партизаны..., – он задумался:

– Хотя подожди, Констанца бежала из Пенемюнде раньше, чем все случилось. Ее лодку потопило, штормом, ее подобрало норвежское судно..., – Питер вздохнул:

– Они просто так поменялись, Джон. Степан Воронов никакого отношения к НКВД не имел. Он разбился с документами Стивена, его все считали англичанином. Когда они с Констанцей встретились, он сообщил своему брату, где находится. А дальше... – Питер не закончил:

– Но к Бору, наверняка, Петр приходил. Думаю, он вывез брата в СССР, с Констанцей, и отправил его в лагерь. Они не доверяют людям, побывавшим в плену... – Питер сказал себе:

– Остальное потом. Не надо Джону сейчас об Антонине Ивановне говорить, о Володе... – мисс Лиза, как девушку, про себя, называл Питер, никогда с невесткой не встречалась, но знала, что Петр познакомился с женой в Испании:

– Потом, не сейчас. Хватит и того, что Стивен из мертвых восстал... – он положил руку на плечо кузена:

– Вернись к Стивену, пожалуйста. Скажи ему, что с малышкой все хорошо. Он отец, он волнуется... – отпустив солдата, Джон, осторожно, открыл дверь. Покрытое шрамами лицо было бесстрастным:

– Густы только его фото видела, – подумал Джон, – то, что в Бриз-Нортоне сняли. Там он совсем другой... – человек поднял голову:

– Джон, помнишь Братца Кролика? Он у тебя пропал, в Итоне, но вернулся, обратно под подушку... – герцог замер. Братца Кролика Джону сшила мать, в семнадцатом году, из старой униформы медицинской сестры. Он был серым, с черными пуговицами глаз. Игрушка уютно пахла мамой, лекарствами, и немного, чем-то цветочным, тревожным:

– Лавандой, – вспомнил Джон, – мама любила запах. Я игрушку брал с собой, когда мы к папе ездили, в госпиталь. Стивен с Питером его тоже видели. Потом я вырос, убрал Братца Кролика в коробку... – Джон никому не говорил о таком, но он достал игрушку, когда умерла мать:

– Я с ним спал, так было легче. Брал ухо в рот, и спал. То есть плакал сначала... – Джон, тайно, взял Братца Кролика в Итон. Они с Питером жили в спальне младших мальчиков, где помещалось еще десяток учеников. Через несколько недель Братец Кролик исчез из-под подушки:

– Я все обыскал, но его не нашел. Потом он оказался на своем месте, я до сих пор не знаю, как... – голубой глаз смотрел на него:

– Братца Кролика старшие мальчики забрали. Хотели над тобой поиздеваться. Я услышал, отнял у них игрушку, мы подрались. Братца Кролика я тебе вернул, а дядя Джон покойный тогда в школу приезжал. Его вызвали, из-за моего поведения... – Джон сделал шаг вперед:

– Стивен, прости меня, что я тебе не поверил... – его руки остались такими же крепкими, как в детстве:

– Он меня в тележку сажал, в парке, на Ганновер-сквер... – Джон всхлипнул: «Прости...».

Кузен удерживал его в объятьях, наклонившись, едва заметно укачивая:

– Ничего, ничего, милый. Все кончилось, я дома, я вернулся. Все кончилось... – Джон глубоко вздохнул: «Нет, Стивен, нет. Констанца жива, ее похитил НКВД. Она где-то в СССР, Стивен».

Дрова в высоком, закопченном, мраморном камине, переливались янтарными искрами огня, играющими в тяжелом стакане с виски.

Дом с безопасной квартирой, где жил Питер, построили до первой войны. На разноцветных изразцах пола лежали вытертые, персидские ковры. В потускневшем, большом зер-

кале, в просторной прихожей, отражалась гостиная, с террасой, выходящей в пустынный, осенний сад.

К вечеру с гор подул пронзительный, холодный ветер. На улицах раскачивались тусклые фонари. Питер помешал кочергой угли. Полковника Кроу и его жену поселили в отдельно стоящем коттедже, в посольском парке, рядом с домом сэра Булларда. Американцы сюда не заглядывали. Калитка, ведущая к резиденции посла, охранялась.

– Надо завтра в магазины съездить..., – Питер смотрел на искры в камине, – пока не начался торжественный обед, и, тем более, конференция. Какую-то одежду им купить, хоть на глаз..., – ни кузену, ни его жене нельзя было покидать посольство. Джон собирался отправить их в Каир, после окончания встречи тройки:

– Машина с затемненными стеклами уйдет прямо на аэродром, – объяснил он, – русские могут хоть весь автомобиль сфотографировать. Ничего они не добьются, и никого не увидят..., – Питер покосился на соседнее кресло. Джон шуршал бумагами, в папке. Кузен поднял светловолосую голову:

– История с тем, что Петр, якобы, перебежал к немцам, и яйца выеденного не стоит. Я помню..., – он указал глазами за окно, – пришли сведения, сам понимаешь, откуда, о руководителях армии Власова. Мы передали информацию русским. В списке был и твой кузен..., – он постучал пальцем по блокноту, – однако НКВД с нами играет, Питер. Воронов разведчик. Он сдался в плен согласно приказу Лубянки. Может быть, даже по распоряжению самого Сталина. Им требовалось внедрить человека, в СД, на Принц-Альбрехтштрассе. Они за Степаном гонялись, то есть за Стивенем, но все просто. Настоящий Воронов с ними связался, из Норвегии, летом сорок второго года. Они поняли, кто, на самом деле, живет в Свердловске, под его именем. Мисс Лизу вызвали в НКВД, однако, она молодец. Случайно увидев листовку, не растерялась..., – они сказали кузену, что полковник Воронов встретил Констанцу, в Норвегии.

– У нас нет прямых доказательств, Стивен, – смутился Джон, – но нам кажется, что Констанца, и полковник Воронов..., – кузен улыбнулся, отпив чая:

– Очень хорошо. Он замечательный человек. Но ведь их разделили..., – услышав, что Констанца находится в СССР, полковник, немедленно, собрался обратно на север, через границу:

– Я знаю язык, – горячо сказал Стивен, – я полтора года не в роскошных апартаментах провел, а на рынках и в подвалах. Сделайте мне советские документы...

Джон оборвал его:

– Ты, вместе с женой, отправишься отсюда в Каир, и полетишь в Лондон. Вас отвезут в Шотландию..., – он не закончил.

Стивен согласился: «Я понимаю».

– Забирайте Густы, у миссис Клары, живите спокойно..., – голубой, мутный глаз, упрямо взглянул на них:

– Война идет, – коротко сказал полковник Кроу, – я буду летать, с Лизой. Я читал, в The Times, что американцы пустили женщин за штурвал военных самолетов..., – девушки перегоняли транспортные машины через Атлантику:

– Я маршрут осваивал, – облегченно подумал Стивен, – ничего сложного. Займем одну кабину..., – ему, отчаянно, хотелось увидеть жену. С территории посольства выходить было нельзя. Стивен, улучив минуту, попросил Питера:

– Привези завтра букет, на твой вкус. Кольцо... – полковник вздохнул, – ладно, кольцо я в Лондоне выберу..., – Питер обещал, что заодно купит одежду.

Майор Кроу, невольно поморщился:

– У Тони были гортензии, серо-голубые..., – дольше оттягивать разговор смысла не имело.

Устроив кузена и миссис Лизу в коттедже, Питер сел за руль прокатного форда:

– Поехали. Завтра совещание, торжественный обед, мне надо магазины навестить. Я хочу выспаться... – заскочив в первый попавшийся кабинет, он набрал комнату штаба охраны конференции, вотчины майора Горовица:

– Приезжай на мою квартиру, ближе к полуночи, – велел Питер: «Есть разговор». Опустив телефонную трубку, он пробормотал:

– Мэтью пусть обо всем из открытых источников узнает, что называется. Дядя Джованни напишет дяде Хаиму, что Стивен вернулся в Лондон, с женой... – полковник Горовиц занимался в Генеральном Штабе работой с учеными. Питер понимал, что надо поставить союзников в известность, о местонахождении Констанцы, но Джон с ним согласился:

– Пока не стоит. Нашим заокеанским родственникам палец в рот не клади. От них можно ждать десанта, на советскую территорию. Мэтью тоже не все время, с физиками сидит. Он летал куда-то, по шраму на щеке видно... – Питер коснулся крестика, в расстегнутом вороте рубашки. Они с Джоном сидели по-домашнему, без пиджаков:

– Стивен обрадовался, что родовой клинок выжил. Он теперь сыну его достанется. У них с мисс Лизой дети появятся, после войны... – они решили, что советский десант, похитивший Констанцу и Степана Воронова, просто не обратил внимания на клинок.

– Вот кто родителей Инге убил... – герцог все не поднимал головы от папки. Наконец, он, глубоко, вздохнул:

– Максим мне говорил, в форте де Жу, как они с Тони познакомились. Но я не предполагал, что Тони была замужем, за ним... – Джон скривился, – что он отец Уильяма. Максим утверждал, что Уильям в безопасности... – Питер вздернул бровь:

– Разумеется. Думаю, твой племянник сидит под крылом у мистера Кепки, на какой-нибудь кремлевской даче. Я не знаю, как Максим собирается его оттуда выкрасть... – герцог долго молчал:

– Если понадобится, я сам в Россию отправлюсь, за Констанцей и Уильямом. Я не хочу, чтобы малыша воспитывал сталинский палач, человек без чести и совести... – Питер ничего не ответил:

– Она любила Воронова. Она к нему уехала, из Лондона. Конечно, сын должен расти с отцом. И мы не знаем, какой Воронов отец. Может быть, он заботился о мальчишке. Потом Тони на фронт отправилась, тоже с заданием от разведки. Она работала в тылу, с антифашистами. После войны мы вспомним всех героев, обязательно. Тони, Лауру, Элизу... – пока Джон должен был рассказать начальству о похищении, как своем, так и Констанцы:

– Думаю, меня тоже в Шотландию отправят, – невесело заметил кузен, – проведу время, до летнего десанта... – Питер пригласил Меира домой, зная, что майору Горовицу можно доверять:

– Мэтью карьерист, у него все на лице написано. Он побежит к Даллесу и Donovanу, с вестями о Констанце. Меир был в плену, проходил проверки. Он знает, что это такое... – Питер велел кузену: – Нам всем надо остыть. Ни Констанцы, ни полковника Воронова, мы сейчас не найдем. Тем более, сидя, в Тегеране. Видишь... – он поскреб подбородок, – Петра Воронова, то есть Воронцова-Вельяминова, познакомили с его происхождением. Отличная работа, – почти одобрительно заметил Питер, – легенда у него непробиваемая. Он обнаружил аристократические корни, узнал, что коммунисты его обманывали, разочаровался в Советском Союзе. Конечно, немцы ему поверили. Он себя свободно чувствует, даже к Бору поехал. Хорошо, впрочем, что Воронов не успел его вывезти. Бор говорил, что по их катеру стреляли... – Джон отмахнулся:

– Стреляли пограничники. Воронов понял, что рискует, и предпочел скрыться в Эресунне. Как видишь, он жив и здоров... – на мозаичном столике они разложили свежие фото-

графии кузена и миссис Лизы. Джон, на свой страх и риск, не дожидаясь прибытия начальства, сделал снимки:

– Им надо паспорта оформить, – заметил герцог, – хотя бы временные... – Питер повертел фото полковника Кроу: «Как ты думаешь, удастся нашим хирургам что-нибудь?»

Герцог пожал плечами:

– Поставят на место глаз, а остальное, как мне кажется, безнадежно. Стивен говорит, что привык, и миссис Лиза тоже. Очень хорошенькая девушка... – Джон, мимолетно, улыбнулся:

– Она еще до войны орден получила. И тоже на Халхин-Голе побывала... – в передней зажужжал звонок, Питер крикнул: «Открыто!». В четырех квартирах дома, жил только персонал посольства.

– Я утащил на кухне бутылку бурбона... – майор Горовиц скинул куртку на кресло, – холод на улице такой, что сразу видно, мы в горах... – на растрепанных, темных волосах, таяли снежинки:

– Что у вас случилось, сегодня утром? Что за нищие... – Меир осекся. Он смотрел на знакомый, твердый очерк подбородка, изящный нос, на черные, падающие на шею девушки локоны.

– Это кто? – поинтересовался майор Горовиц. Джон покашлял:

– Здесь длинная история, Меир. Ты садись... – майор взял со столика фото: «Кем бы она ни была, я должен с ней увидеться».

Лиза бродила по маленькой кухоньке коттеджа, слушая скрип немного рассохшихся половиц. За окном без гардин, резкий ветер трепал сухую траву.

Небо с утра затянули тяжелые, серые тучи:

– Погода нелетная, – подумала Лиза, – впрочем, еще несколько дней, до начала конференции. Небо успеет очиститься. Товарищ Сталин приедет... – она вспомнила, как Сталин вручал ей орден, в Кремле:

– Ордена меня давно лишили, – Лиза присела на подоконник, – и вообще, если бы они тогда знали, кто мой отец, меня бы в лагеря отправили... – она подперла подбородок изящной ладонью. Горского объявили шпионом Японии и Германии только перед войной, но Лиза подозревала, что и до войны ее появление на свет не могло стать частью официальной биографии железного Горского, соратника Ленина и Сталина. Лиза, по привычке, называла старшую сестру товарищем Горской:

– Она в официальном браке родилась, а я... – Лиза вздохнула:

– Впрочем, теперь все равно. Никого не осталось, ни Анны Александровны, ни Марты, ни отца... – Лиза, иногда, думала, что отец и не был бы рад ее рождению:

– Неизвестно, сколько у него было... – она помотала головой, – таких... – Лиза покраснела. Она твердо решила не говорить мужу, или его родственникам, о Горском:

– У меня ни одного доказательства не осталось. Да и какая сейчас разница... – она провела пальцем по стеклу. По дорожке, вокруг мраморного фонтана, вились сухие листья. Лиза, почему-то, поежилась. Ей было неуютно оставаться одной, в коттедже, хотя вчера кузены мужа показали ей охраняемую ограду:

– Резиденция внутри резиденции... – улыбнулся мистер Кроу, – ни о чем не беспокойтесь, пожалуйста... – Лиза передернула плечами, под старым, узбекским нарядом. Советское посольство стояло на противоположной стороне улицы. Ночью она ворочалась, на старомодной, широкой кровати. Девушка ожидала грубого стука в дверь, резких голосов:

– Пройдемте, гражданка Князева... – Лиза утешала себя тем, что все скоро закончится:

– Мистер Холланд обещал, что нас увезут отсюда. Далеко, в Шотландию... – за ужином муж рассказывал Лизе, как служил на авиационной базе, под Глазго:

– Мы воздушный мост с Ньюфаундлендом налаживали..., – единственный глаз подмигнул ей, – и видишь, он пригодился. Девушки на трассе работают..., – Лиза смотрела на обложку журнала Life. Ученица пилота, Ширли Слейд, напомнила Лизе ее саму, в читинском училище:

– Она тоже молоденькая..., – поняла Лиза, – наверное, лет восемнадцать. Пусть станет пилотом, но только гражданским. Пусть война быстрее закончится..., – по словам мужа, союзный десант высаживался во Франции следующим летом:

– Дальше все зависит от обороны немцев, и от наших бомбежек Германии..., – он, нарочито бодро добавил:

– Надеюсь, Дрезден мы атаковать не собираемся..., – Стивен положил протез на руку Лизы, – после войны поедем с тобой и Густы в Германию. Я покажу девочке, где ее мать родилась..., – сейчас мужу нельзя было даже увидеть дочь. Он заметил:

– Может быть, так и лучше, Лиза. Ей говорили, что я погиб. Она меня только по фото знает. На старых снимках я еще..., – он повел протезом у лица:

– Миссис Клара ее будет, как это сказать, подготавливать. Мы вернемся в Лондон, но я надеюсь, что нам разрешат летать..., – разрешение означало, что Густы останется в приемной семье до конца войны. Лиза сжала руки:

– А если что-то случится? Если Стивен..., – она не хотела и думать о таком:

– Сестра его в Советском Союзе, у НКВД. Впрочем, чего еще от них ждать? Неизвестно, где она, и вернется ли она домой. Девочка может опять без родни остаться. Хотя у них семья большая..., – мистер Кроу начертил Лизе родословное древо:

– Но только нынешнего века, – смешливо предупредил он, – иначе я всю бумагу в посольстве израсходую. В Лондоне увидите полную картину...

Лиза натянула на колени узбекское платье:

– Степан, то есть полковник Воронов, тоже не знал, чей он сын, на самом деле..., – Лиза все не могла поверить, что большевик Семен Воронов отказался от имени и происхождения:

– Хотя в революцию многие так делали, – вспомнила Лиза, – но Горский, то есть отец, не скрывал, что он дворянин. Он просто порвал с семьей..., – она заметила, как мистер Кроу похож на полковника Воронова:

– Только вы ниже, – Лиза смутилась, – намного..., – он кивнул:

– Я знаю, мне Стивен говорил о моем кузене..., – они решили не упоминать при Лизе о том, что Петр Воронов навещал Тегеран.

– Не надо, – хмуро попросил полковник Кроу, услышав о похищении Джона, – Лиза и так ночами от страха не спит. Мы полтора года по Советскому Союзу бегали, скрываясь от НКВД. И все благодаря тому, что Степан не вовремя оказался рядом с Констанцией..., – полковник Кроу тоже считал, что Степана увезли в лагерь:

– Не только из-за пребывания на оккупированной территории. С занятиями его брата, НКВД не с руки было оставлять Степана на западе. Какой мерзавец, Петр Воронов, как только Тони могла его полюбить..., – кузены рассказали Стивену о гибели Тони и Лауры, о расстреле Мон-Сен-Мартена, и смерти капеллана Горовица:

– В общем, у де ла Марков наследников не осталось. Маргарита не выжила, скорее всего, а Виллем где-то в Польше. И он, все равно, священник..., – Стивен подумал:

– Мишель тоже вдовцом остался. Даже ребенка у них не родилось. У Аарона, хотя бы, сын подрастает. Но хорошо, что дядя Джованни женился, ему легче станет. Сколько смертей, Господи..., – он не хотел говорить Лизе о Лауре:

– Для чего? Я и Густы покойной ничего не сказал. Что было, то было, а теперь и Лауры нет..., – Стивен, мимолетно, вспомнил теплую, звездную ночь, запах травы и свежей земли. Темные, густые волосы, падали ей на плечи, смуглая кожа будто светилась:

– Господи, – попросил Стивен, – упокой ее в обители Твоей. Может быть, у дяди Джованни и Клары еще ребенок родится..., – герцог сказал, что Уильяма привезут после войны в Англию:

– Я с еще одним нашим родственником познакомился..., – объяснил Джон:

– Он русский, сейчас в партизанах, в Италии. Бежал из Аушвица, куда Тони немцы отправили..., – Джон вздохнул:

– Если Максим выживет, конечно. Если все мы выживем..., – Стивен не хотел говорить о таком с Лизой. Ужин принесли охранники, из посольской столовой. Они, как обычно, разошлись по разным комнатам:

– Опять живем, как в Свердловске..., – закинув руки за голову, он слушал шум воды, из ванной, – нет, хватит. Завтра Питер привезет букет, одежду, завтра я сделаю предложение..., – Лиза прижалась носом к холодному стеклу. Завтрак доставили, на закрытом подносе, но Лиза нашла на кухоньке кофе и чай:

– Я кофе со Свердловска не пила, – поняла девушка, – тогда Стивену пенсию платили. Я в коммерческие магазины ходила..., – после завтрака мистер Джон, как называла его Лиза, забрал мужа для встречи с послом и оформления паспортов. Джон замаялся:

– Мистер Кроу, то есть кузен Питер, приведет еще одного нашего родственника. Вы познакомитесь..., – рассказав ночью, всю историю, Меир предупредил:

– Вообще миссис Анна является нашей государственной тайной, как Констанца, вашим секретом..., – герцог, угрюмо, усмехнулся:

– Считаю, что мы квиты. Конечно, мы будем держать язык за зубами..., – он, недоверчиво добавил:

– Даже если миссис Лиза, действительно, дочь Горского, то есть дяди Александра, то почему она молчит?

Питер, мрачно, заметил:

– Горского два года назад объявили врагом народа, германским шпионом. Миссис Лиза может и не знать, что она его дочь..., – Меир подытожил:

– Но если я прав, то нельзя от нее скрывать, что ее сестра жива..., – Лиза прищурилась. По дорожке, к фонтану, шел мистер Кроу, в сопровождении незнакомца, темноволосого, в простом пенсне. Питер замедлил шаг:

– Она у окна стоит. Меир, а если ты ошибаешься..., – майор Горовиц пожал плечами:

– Все возможно, но я тебе вчера говорил, что она очень похожа на старшую сестру..., – в дверь постучали. Лиза, невольно, оглянулась, в поисках чадры:

– В Британии тоже, наверное, буду за накидкой тянуться. Но если Стивен не захочет на мне жениться..., – Лиза испугалась:

– Он аристократ, как мистер Джон..., – Лиза отогнала эти мысли:

– Как случится, так и случится..., – она откинула засов: «Мистер Кроу!».

Он подтолкнул вперед невысокого, легкого мужчину, с побитыми седой висками:

– Еще один наш кузен, майор Горовиц, из Америки. Я вам рисовал, на родословном древе. Сын дяди Хаима..., – у него оказалась крепкая, теплая рука, и серо-синие, внимательные глаза, под пенсне.

Лиза захлопотала:

– Надо кофе сварить. Вы проходите, пожалуйста..., – когда девушка открыла дверь, Меир даже вздрогнул:

– Вблизи она еще больше миссис Анну напоминает, то есть Горского. Если все так, как я предполагаю, то они с миссис Анной ближайший родственник Мэтью, кузины. НКВД может с нами играть, заслать агентуру и через Америку, и через Британию. Что, если, миссис Анна приехала в США, как куратор? Например, для Мэтью..., – Меир развеселился:

– Полная ерунда. Мэтью патриот Америки, а миссис Анна спасалась, тоже от НКВД..., – получив чашку крепкого кофе, Меир разложил на столе блокноты. По дороге к резиденции, он попросил Питера:

– Помоги мне. Для таких встреч посольский переводчик не годится..., – выпив кофе, в два глотка, Меир указал на пепельницу:

– Вы позволите..., – миссис Лиза кивнула: «Конечно».

Меир долго разминал сигарету: «Питер, переведи, пожалуйста. Я пришел поговорить об Александре Даниловиче Горском».

Столы в большом зале британского посольства поставили прямоугольником. Накрахмаленные скатерти сверкали старинным, прошлого века, серебром и хрусталем, из Ирландии. Между корзинами с поздними, пышными розами, чернел лак большого, бехштейновского рояля. Официанты разносили десерт, тыквенный пирог с ванильным мороженым, и торт «Аляска». Перед началом выступления тяжелые люстры притушили. На столах трепетали огоньки свечей. «Аляску», облили ромом и подожгли. Меир смотрел на колеблющееся, синеватое пламя, над фарфоровыми блюдами:

– На обеде у Вилларда, в ночь убийства Кривицкого, мы тоже «Аляску» заказывали. Ирену попросили спеть, она поднялась в номер, переодеться. Мэтью вызвали к телефону, он полчаса отсутствовал..., – кузен, в безукоризненной, парадной форме полковника, разговаривал с Даллесом и Донованом. Меир вздохнул:

– Хватит о том обеде вспоминать. Правильно меня Гувер в паранойе обвинял. Мэтью, всего лишь, ответил на звонок из министерства. Он никогда не предаст Америку, он патриот своей страны. Майор Горовиц обвел глазами столы:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.